

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HD WIDENER

HW CFYB T

WID-LC
DS
135
.R93
K5178
X

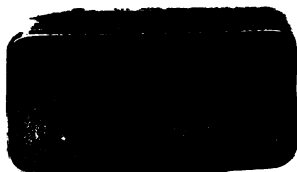
שלום על ישראל

FROM THE INCOME
OF THE BEQUEST OF
LEE M.
FRIEDMAN '93

Harvard College
Library

въ исторіи
кіевскаго погрома.

Всеподданнѣйшій отчетъ

о произведенномъ

по *ВЫСОЧАЙШЕМУ* повелѣнію

Фрейтеровъ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

сенаторомъ Е. Ф. ТУРАУ

слѣдоваѣи причинъ безпорядковъ,

бывшихъ въ г. Кіевѣ

въ октябрѣ 1905 г.

(Изданіе неофициальное).

К І Е В Ъ

Типо-Литографія „ПРОГРЕССЪ“, Б.-Подвальная № 2.

1906.

WID-LC

DS

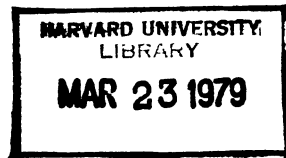
135

.R93

K5178

X

✓

TURHU

"K ISTORII

KIEVSKAGO

POGROMA,"

Григорьев И. И.

Высочайшимъ повелѣніемъ, восплѣдовавшимъ въ 10 день ноября 1905 г., на меня было возложено, на правахъ ревизующихъ сенаторовъ, согласно ст. 245 учр. Прав. Сената, изслѣдованіе причинъ возникновенія беспорядковъ, происходившихъ въ октябрѣ 1905 г. въ г. Кіевѣ, а равно провѣрка правильности дѣйствій мѣстныхъ властей.

По прибытіи моемъ 21 ноября въ г. Кіевъ, для исполненія Высочайше возложеннаго на меня порученія, было немедленно приступлено къ разсмотрѣнію всѣхъ дѣлъ, какъ возникшихъ въ мѣстныхъ слѣдственныхъ участкахъ, такъ и прокурорскаго надзора окружнаго суда и судебной палаты и мировыхъ судей, имѣющихъ отношеніе къ означеннымъ событіямъ.

Съ тою-же цѣлью были разсмотрѣны производства канцелярій Кіевскаго, Подольскаго и Волынскаго генераль-губернатора, Кіевскаго губернатора, губернскаго правленія, городской полиціи и охраннаго отдѣленія, а также переписки, имѣющіяся въ штабѣ Кіевскаго военнаго округа и штабѣ военной охраны гор. Кіева.

Вмѣстѣ съ тѣмъ опрошено болѣе пятисотъ мѣстныхъ жителей, бывшихъ очевидцами означенныхъ событій.

Событія. Усилившееся за послѣдніе годы въ Россіи революціонное движеніе не могло не коснуться города Кіева—центра высшаго образованія въ Юго-Западномъ краѣ и сосредоточія его сельско-хозяйственной, торговой и отчасти промышленной дѣятельности. Однако, до послѣдняго времени политическія смуты и вызванныя ими пестроевія общественной жизни, благодаря слабо развитой въ Кіевѣ чисто фабричной дѣятельности, рѣдко проявлялись въ формѣ рѣзкихъ нарушеній порядка и общественной безопасности. Отсутствие многочисленныхъ рабочихъ массъ, легко поддающихся воздѣйствію агитаторовъ и всякимъ крайнимъ увлеченіямъ, побудило революціонныхъ дѣятелей пока ограничиться обычной подпольной пропагандой своихъ разрушительныхъ ученій въ тайныхъ кружкахъ и собраніяхъ. По свидѣтельству официальныхъ документовъ Кіевской городской полиціи и удостовѣренію мѣстныхъ властей, а также и частныхъ лицъ, между наиболѣе усердными посятителями такихъ собраний и дѣятельными руководителями протнеоправительственнаго движенія выдѣлялись, преимущественно, молодые евреи и еврейки; при столкновеніяхъ съ чинами полиціи, они не только позволяли себѣ насмѣшки и издѣвательства, но въ послѣднее время стали прибѣгать и къ огнестрѣльному оружію. Тѣмъ не менѣе, мирный ходъ общественной жизни не нарушался до сентября мѣсяца 1905 года. Въ концѣ августа этого года воспослѣдовало Высочайшее повелѣніе о дарованіи высшимъ учебнымъ заведеніямъ автономнаго управленія. Дарованная автономія была понята не только въ смыслѣ свободы самостоятельнаго научнаго развитія и обсужденія только тѣсно связанныхъ съ наукою вопросовъ, но также и въ смыслѣ безконтрольной свободы доступа въ учебныя заведенія лицъ, ничего общаго не имѣющихъ съ научною дѣятельностью этихъ заведеній, съ цѣлью политической агитаціи. Съ этого момента въ жизни Кіевскихъ высшихъ учебныхъ заведеній произошелъ рядъ событій, создавшихъ почву, на которой возникли и получили дальнѣйшее развитіе октябрьскіе безпорядки, заточ-

чившіеся, благодаря особенно благозримымъ мѣстнымъ условіямъ, еврейскимъ погромомъ. Въ своемъ послѣдовательномъ развитіи безпорядки эти, какъ по самому характеру своему, такъ и по причинамъ ихъ возникновенію, рѣзко распадаются на два періода, между которыми гравью явился день 18 октября. Необходимо при этомъ отмѣтить, что первый періодъ безпорядковъ, являясь естественнымъ продолженіемъ сентябрьскихъ событій, тѣсно примыкаетъ къ послѣднимъ, представляя вмѣстѣ съ ними одинъ общій послѣдовательный ходъ общественнаго движенія. Вслѣдствіе этого, описанію октябрьскихъ безпорядковъ необходимо предпослать краткій обзоръ жизни Кіевскихъ высшихъ учебныхъ заведеній при новомъ ихъ автономномъ режимѣ, а также и другихъ соприкасающихся съ ними явленій общественнаго характера.

Вслѣдъ за изданіемъ закона объ автономіи, въ университетѣ св. Владиміра и Кіевскомъ политехническомъ институтѣ состоялся рядъ публичныхъ собраній студентовъ при участіи посторонней публики, не принадлежавшей къ составу учащихся, рабочихъ и лицъ разныхъ профессій и общественнаго положенія. Собранія эти, получившія названіе „народныхъ митинговъ“, съ каждымъ днемъ становились многолюднѣе, причемъ число постороннихъ лицъ, постепенно увеличиваясь, достигло къ концу сентября нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Въ залахъ гдѣ происходили эти сборища, Высочайшіе портреты вскорѣ были убраны, а вмѣсто нихъ развѣшены красные флаги съ революціонными надписями. На митингахъ произносились страстные рѣчи о нецѣлостности существующаго государственнаго строя, — о необходимости борьбы съ правительствомъ. раздавались прокламаціи и производились сборы пожертвованій на приобрѣтеніе оружія и усиленіе средствъ революціонныхъ организацій.

Первый народный митингъ состоялся 7 сентября, въ 12 часовъ дня, въ актовомъ залѣ университета, куда, кромѣ студентовъ, собрались также слушатели политехническаго института и постороннія лица, въ томъ числѣ рабочіе и женщины. Всего собралось до 3-хъ тысячъ человѣкъ. Аудиторія гдѣ предполагалась сходка, не могла вмѣстить всѣхъ желавшихъ участвовать въ ней; а потому студенты обратились къ университетской администраціи съ просьбой предостаивть для сходки актовъ залъ, въ которомъ тогда происходило засѣданіе совѣта профессоровъ для выбора декановъ и секретарей факультетовъ. До полуженія отвѣта небольшая группа студентовъ, во главѣ которой, — по свѣдѣніямъ, полученнымъ Кіев-

скимъ губернаторомъ,—находился студентъ старшаго курса, неизвѣстный по фамиліи—еврей, насильно ворвалось въ актовый залъ, взломавъ въ немъ запертую дверь. Это насиліе, впрочемъ, не встрѣтило общаго сочувствія:—участники сходки выразили порицаніе товарищамъ, ломавшимъ дверь, и поручили передать извиненіе профессорамъ. Затѣмъ, по предложенію нѣкоторыхъ присутствовавшихъ, была пропѣта вѣчная память всѣмъ, погибшимъ въ борьбѣ за свободу во время предшествовавшихъ беспорядковъ, и произнесены рѣчи, въ которыхъ обсуждался вопросъ объ открытіи университета. Часть ораторовъ стояла за продолженіе забастовки, часть же настаивала на возобновленіи занятій съ тѣмъ, чтобы университетъ служилъ также и для цѣлей политической пропаганды и борьбы съ существующимъ государственнымъ строемъ. Послѣ переговоровъ съ профессоромъ княземъ Трубецкимъ, убѣждавшимъ студентовъ приступать къ занятіямъ и указывавшимъ на необходимость для народа просвѣщенія, юридической и медицинской помощи, собраніе большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ 23 рѣшило прекратить забастовку и приступить къ занятіямъ. Послѣ этого нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ собраніи, оставшіеся для выработки резолюціи, покинули актовый залъ съ пѣсней революціонныхъ пѣсень.

Для спуска такой же митингъ, съ участіемъ посторонней публики, состоялся въ политехническомъ институтѣ, гдѣ собрались студенты института и университета и рабочіе, преимущественно, еврейки и евреи. Здѣсь также произносились рѣчи противоположительнаго содержанія, раздавались прокламаціи и продавались брошюры революціоннаго направленія. Между прочимъ, часть студентовъ настаивала на необходимости открытія института не для занятій, а исключительно для политической пропаганды, высказывая при этомъ мысль, что институтъ долженъ обратиться въ мѣсто сходокъ не только студентовъ, но и рабочихъ и сдѣлаться, такимъ образомъ, народной трибуной.

Одновременно съ устройствомъ митинговъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ при участіи посторонней публики, учащая молодежь, находя, повидяному, что и всякія другія публичныя собранія должны отнынѣ служить мѣстомъ обсужденія всякихъ вопросовъ политическаго характера, воспользовалась съ этой цѣлью двумя засѣданіями съѣзда русскихъ психіатровъ, а также публичнымъ чтеніемъ, устроеннымъ лекторомъ Водозовымъ.

Беспорядки на зазданіи създа русскихъ психиатровъ. Вечеромъ, 8 сентября, въ залѣ кугеческаго собранія состоялось торжественное зазданіе създа русскихъ врачей-психиатровъ, при многочисленной публики. По окончаніи лекціи, прочитанной профессоромъ Сикорскимъ, съ хоромъ слышалась рѣчь какого-то студента, вспоминавшего о погроме и о крови, пролитой въ Кишиневѣ, Гомелѣ, Житомирѣ, Одессѣ и Бѣлостокѣ, а также на поляхъ Мавчжурин. Другой студентъ, взойдя на кафедру, прочелъ прокламацію социаль-демократической организаціи по поводу окончанія войны. Въ то же время какой-то молодой человекъ, начавъ рѣчь отъ имени рабочихъ, поднялъ вверхъ палку съ двумя красными лентами. Послышались крики: „долой полицію, долой самодержавіе!“ Съ торжесомъ посыпались прокламаціи. Беспорядки продолжались нѣсколько минутъ и прекратились сами собою, такъ какъ присутствовавшіе отвесились ко всему происшедшему равнодушно и неидленно покинули залъ зазданія. -- Три дня спустя, 11 сентября, состоялось новое зазданіе създа психиатровъ, сопровождавшееся такими же событіями, при чемъ, когда въ залъ зазданія во время произнесенія противоправительственныхъ рѣчей и пѣнія вѣчной памяти вошелъ Кіевскій полиціймейстеръ, въ него хвѣтъ--то изъ публики была брошена электрическая лампа, перелетѣвшая черезъ его голову.

Беспорядки въ литературно-художественномъ обществѣ. 14 сентября въ помещеніи Кіевскаго литературно-художественнаго общества литераторовъ Водовозовымъ по собственному почину, безъ разрѣшенія мѣстныхъ властей, было устроено публичное чтеніе, собравшее учащихся высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, по преимуществу еврейскую молодежь обоего пола, рабочихъ, мастеровыхъ и проч. Лекцію свою Водовозовъ посвящаетъ критическому разбору положенія Государственной думы, порицая при этомъ существующій государственный строй, что вызвало шумныя одобренія публики. Когда явился полиціймейстеръ и объявилъ о закрытіи собранія, какъ устроеннаго съ нарушеніемъ правилъ устава литературно-художественнаго общества, въ отвѣтъ послышался шумъ, свистъ и крики: „долой полицію!“ Литераторъ Водовозовъ предложилъ баллотировать вопросъ, слѣдуетъ-ли подчиниться требованію полиціймейстера и прекратить чтеніе или же, не исполняя этого требованія, пожертвовать своею жизнью и тутъ же вступить съ полиціей въ кровавую борьбу, помня, что повеселивъ жертвы „послужать святому дѣлу испровер-

женія существующаго порядка". Часть публики высказалась за борьбу, другіе же протестовали и ушли изъ помѣщенія общества. Наиболѣе же сопротивлявшіеся, будучи арестованы, стали бросать въ городскіе обломки стульевъ и перилъ и разбили стекла въ окнахъ. Нѣкоторымъ чинамъ полиціи были нанесены удары по лицу, а у одного изъ околоточныхъ надзирателей была оборвана португеза. Всѣ эти оскорбленія и насилія заставили полицейскихъ чиновъ обнажить шашки, при чемъ полицейскому приставу съ трудомъ удалось успокоить своихъ подчиненныхъ и предупредить такимъ образомъ кровопролитіе, хотя одному изъ задержанныхъ и была причинена легкая рана въ голову.

Митинги въ концѣ сентяб-
бря. Между тѣмъ народныя митинги въ университетѣ и политическомъ институтѣ продолжались попрежнему. На одномъ изъ такихъ собраний, состоявшемся 20 сентября въ политехническомъ институтѣ, куда, по обыкновенію, явились рабочіе и еврейская молодежь, послѣдняя усилебно настаивала на томъ, чтобы какъ лекціи, такъ и студенческія сходки были доступны и частной публикѣ, что, однако, встрѣтило возраженіе со стороны части студентовъ. Послѣдующіе митинги, прогрессируя въ смыслѣ все болѣе широкаго доступа въ помѣщенія высшихъ учебныхъ заведеній импѣ, совершенно не причастныхъ къ учебной дѣятельности этихъ учреждений, съ доловнѣ октября постепенно обратили какъ университетъ, такъ и политическій институтъ въ арену открытой и ничѣмъ не стѣсняемой противоправительственной пропаганды. Революціонные агитаторы, еще недавно подвергавшіеся преслѣдованію властей за устройство тайныхъ кружковъ и собраний въ помѣщеніяхъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, чувствовали себя теперь неуязвимыми. Подъ покровомъ автономной неприкосновенности высшихъ учебныхъ заведеній, они открыто и не стѣняясь составляли и обсуждали планы дѣйствій, направленныхъ къ борьбѣ съ существующимъ государственнымъ строемъ и къ нарушенію общественнаго порядка и безопасности. Изъ такихъ митинговъ особаго вниманія заслуживаютъ тѣ, которые, прочно организовавшись въ концѣ сентября, собирались періодически до половины октября и, наконецъ, рѣшили перевести свою дѣятельность изъ закрытыхъ помѣщеній на улицу.

Одно изъ такихъ собраний состоялось въ 10 час. утра, 23 сентября, въ актовомъ залѣ университета, куда сошлось до 5 тысячъ студентовъ и постороннихъ лицъ, — главныхъ об-

разомъ, евреевъ, и въ томъ числѣ болѣе 500 жевщинъ. Сходка открылась рѣчью революціоннаго содержанія, произнесенной студентомъ—евреемъ. По вопросу о продолженіи учебныхъ занятій между участниками собранія произошли пререканія, окончившіяся общимъ побождемъ. Во время этой сходки, по установившемуся уже обыкновенію, продавались брошюры противоправительственнаго содержанія и фотографическія карточки политическихъ преступничковъ; раздавались такія же прокламаціи и производился сборъ пожертвованій на революціонныя цѣли.

На такомъ же митингѣ, происходившемъ 29 сентября, участвовало до тысячи человекъ студентовъ, врачей, адвокатовъ и женщинъ, при чемъ присутствовали также делегаты отъ многогородныхъ учебныхъ заведеній. Въ рѣчахъ, произнесенныхъ на русскомъ, малороссійскомъ и польскомъ языкахъ, говорилось о близости государственнаго переворота въ Россіи и о необходимости для поляковъ дѣйствовать за одно со всѣми стремящимися ниспровергнуть существующій строй; высказывались мысли о возстановленіи Польши и созывѣ въ Варшавѣ польскаго сейма, о братствѣ съ пролетариатомъ и т. п.

Митингъ этотъ возобновился на слѣдующій день, при чемъ былъ особенно многолюденъ. Актный залъ, эвангъ-залъ и прилегающіе къ нимъ корридоры были переполнены самой разнообразной публикой, среди которой преобладали евреи и еврейки. Послѣ рѣчей и дебатовъ по обычной программѣ, присутствовавшимъ была пропѣта „вѣчная память“ съобщились ректору Московскаго университета князю Трубецкому и Кіевскому присяжному поверенному Купернику, а также „жертвамъ произвола правительства“,— всѣмъ казненнымъ политическимъ преступникамъ.

Безпорядки на похоронахъ присяжнаго повереннаго Куперника 1-го октября и митинги 2 и 3 октября. Чествованіе памяти Куперника этимъ, однако, не ограничилось. На слѣдующій день, 1-го октября, во время похоронъ тѣло его провожала большая толпа народа, состоявшая главнымъ образомъ изъ учащейся молодежи, при чемъ въ чествіи слѣдующихъ на гробъ были возложены вѣнки съ красными лентами—съ надписью на одной изъ нихъ „Честноку гражданину отъ К. К. П. С. Р.“ (т. е. отъ Кіевскаго комитета партіи социалистовъ-революционеровъ). По пути слѣдованія погребальной процессіи толпа плѣла марсельезу, а на кладбищѣ были произнесены революціонныя рѣчи. По окончаніи обряда погребенія, часть толпы съ

пѣиель революціонныхъ пѣсень направилась къ выходу съ кладбища съ явнымъ намѣреніемъ продолжать демонстрацію, но была встрѣчена полиційскимъ нарядомъ, преграждавшимъ ей путь. Изъ толпы было произведено нѣсколько револьверныхъ выстрѣловъ, на которыя бывший въ нарядѣ околочный надзиратель отвѣтилъ тоже выстрѣломъ. По разсѣянїи толпы, на мѣстѣ столкновенія ея съ полиціей было обнаружена убитая еврейка. Предварительнымъ слѣдствіемъ установлено, что еврейка эта была убита пулей не отъ револьвера системы „Смитъ и Виссонъ“, которымъ былъ вооруженъ околочный надзиратель, а отъ револьвера системы „Браунингъ“. Между тѣмъ по городу распространился слухъ, что еврейка убита выстрѣломъ, произведеннымъ околочнымъ надзирателемъ, и на слѣдующій день, 2 октября, съ самаго утра къ зданію университета стала стекаться разнообразная публика, среди которой студенты составляли незначительное меньшинство. Всего собралось нѣсколько сотъ человѣкъ, преимущественно молодыхъ евреевъ и евреекъ. Войдя въ зданіе университета, толпа завяла затѣ аудиторіи и устроило тамъ сборище, открытое рѣчью какого-то студента, еврея, по поводу убитой наканувъ еврейки, послѣ чего было произнесено еще нѣсколько революціонныхъ рѣчей, сопровождавшихся криками: „долой самодержавіе!“. На предложеніе ректора оставить зданіе университета толпа не обратила вниманія и лишь нѣсколько времени спустя, выйдя изъ аудиторіи, направилась къ анатомическому театру, гдѣ, по предположенію толпы, долженъ былъ находиться трупъ убитой еврейки. Встрѣтивъ, однако, нарядъ полиціи и казачьи разѣзды, толпа вернулась обратно, часть вошла въ зданіе университета, часть же отправилась къ народному дому, гдѣ въ то время шелъ спектакль. Ворвавшись въ народный домъ, скопище пыталось устроить тамъ демонстрацію, причемъ незнакомый студентъ, ставъ на стулъ, приглашалъ находившихся въ театрѣ зрителей собраться къ университету за митингъ. Полоспѣвшимъ нарядомъ полиціи безпорядокъ былъ прекращенъ, и толпа, оставивъ народный домъ, небольшими группами вернулась къ университету. Прискинувъ въ актовъ залъ, толпа снова устроила собраніе, въ которомъ приняло участіе до 3-хъ тысячъ человѣкъ, причемъ въ числѣ собравшихся замѣчены были воспитанники и воспитанницы среднихъ учебныхъ заведеній. Снова произносились рѣчи о современномъ государственномъ строѣ и объ убитой еврейкѣ, а затѣмъ ей была пропѣта вѣчная память на еврейскомъ языкѣ и собраны были деньги для покупки вѣнка на гробъ убитой.

На слѣдующій день, 3 октября, съ утра къ зданію политехническаго института стали прибывать смѣшанныя группы студентовъ и посторонней публики. Къ 11 часамъ физическая аудиторія оказалась настолько переполненной, что часть публики вынуждена была перейти въ главную аудиторію. Всего собралось до 5-и тысячъ человѣкъ. И на этотъ разъ преобладала еврейская молодежь женскаго пола, студенты же составляли меньшинство, а нѣкоторые изъ нихъ, пробывъ короткое время въ институтѣ, покинули послѣдній. Передъ собравшимися были произнесены на русскомъ, польскомъ, еврейскомъ и грузинскомъ языкахъ рѣчи о необходимости писарговергнуть самодержавіе, о борьбѣ съ правительствомъ, производился сборъ денегъ на покупку съ этой цѣлью оружія и было поднято два флага: одинъ черныи съ надписью: „Смерть палачамъ!“, а другой красный со словами: „Долой самодержавіе!“. Послѣ этого участники митинга предполагали устроить шествіе къ Лукьяновскому владбищу на погребеніе убитой еврейки, но въ это время стало извѣстнымъ, что еврейка уже похоронена, вслѣдствіе чего толпа разошлась. Съ этого же дня, какъ вслѣдствіи были получены свѣдѣнія, въ курильной комнатѣ уиверситета устроена была тайная бібліотека нелегальныхъ изданій, посѣщавшаяся какъ студентами, такъ и посторонней публикой, участвовавшей въ митингахъ, а также помещена была кружка для сбора пожертвованій на усиленіе средствъ чатальни. Въ этой же чатальнѣ печатались резолюціи сходокъ и разныя преступныя воззванія, распространявшіяся на собранияхъ.

Митинги въ началѣ октября и забастовки. Послѣ этого собранія такіе же митинги состоялись въ обонхъ высшихъ учебныхъ заведеній 5, 7, 8 и 9-го октября, причеиъ на первомъ изъ нихъ обсуждался вопросъ объ устройствѣ народнаго митинга на улицѣ, а на послѣднемъ производился сборъ пожертвованій на оружіе. Въ числѣ посторонней публики обращала на себя вниманіе, какъ всегда, еврейская молодежь, а также жившіе чины разныхъ частей войскъ. Кроиъ другихъ ораторовъ, на собраніи 9-го октября въ политехническомъ институтѣ выступилъ съ рѣчью бывший служащій управленія юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ Александръ Шлихтеръ, состоящій по свѣдѣніямъ Киевскаго охраннаго отдѣленія, членомъ мѣстнаго комитета Россійской социаль-демократической партіи и Всероссійскаго союза желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ. Обратившись къ присутствовавшимъ тутъ же рабо-

читъ, Шлихтеръ призывалъ ихъ къ всеобщей забастовкѣ, которая, по его словамъ, является единственнымъ средствомъ заставить правительство пойти на уступки. Призывъ Шлихтера возымѣлъ свое дѣйствіе: служащіе и рабочіе мѣстныхъ желѣзнодорожныхъ управленій, благодаря постоянному присутствію на митингахъ, успѣли организовать раньше другихъ. Вслѣдствіе этого, 11 октября, еще до начала общихъ безпорядковъ, все управленіе юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ прекратило занятія, выработавъ подъ предсѣдательствомъ Шлихтера и предъявивъ администраціи особую „резолюцію“ съ перечисленіемъ своихъ требованій какъ экономического, такъ и политическаго характера. Въ числѣ этихъ требованій упоминается объ учрежденіи „Россійскаго законодательнаго парламента, организованнаго на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, безъ различія пола, вѣрноподданства и національностей“. Воспроизведенная въ большомъ количествѣ экземпляровъ резолюція эта было разослана всѣмъ служащимъ на линіи мастеровымъ и рабочимъ, съ приглашеніемъ присоединиться къ общему движенію и немедленно выслать въ Кіевъ своихъ депутатовъ. Въ тотъ же день, т. е. 11 октября, прекратили работу служащіе въ управленіи Кіево-Полтавской желѣзной дороги, а 12 октября прервалось движеніе и на линіяхъ къ Москвѣ и Курску, а также на Полтавской вѣтви Кіево-Воронежской желѣзной дороги. Забастовка распространилась затѣмъ на мастерскія юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ. Съ цѣлью оказать поддержку своимъ товарищамъ, перестали работать и на одномъ изъ немногихъ крупныхъ Кіевскихъ заводахъ—Южно-Русскомъ машиностроительномъ. Забастовки эти, несомнѣнно, не были вызваны экономическими причинами, а явились результатомъ агитаціи и задугиванія рабочихъ насиліемъ, такъ какъ на слѣдующій день рабочіе хотѣли возобновить работы, но были разогнаны небольшою группою рабочей молодежи.

Прекращеніе желѣзнодорожнаго движенія повысило настроеніе революціонныхъ элементовъ въ городѣ и вызвало тревогу въ обществѣ. Событія между тѣмъ, развиваясь безпрепятственно, быстро приближались къ 13 октября, когда и со стороны революціонныхъ дѣятелей и со стороны мѣстныхъ властей было рѣшено принять особыя мѣры—первыми къ устройству уличныхъ безпорядковъ, а вторыми—къ охранѣ общественнаго порядка и безопасности. Еще въ началѣ октября руководителями революціоннаго движенія были недовольны тѣмъ, что устраиваемые ими въ закрытыхъ помѣщеніяхъ ми-

тяги не оказываютъ замѣтнаго вліянія на общество, а проповѣдуемая ими политическія идеи слабо проникаютъ въ народъ. По этому они рѣшили перевести безпорядки на улицу и путемъ насилій и террора внести въ общество смуту, заставивъ его присоединиться къ нимъ. Еще до постановленія этого окончательнаго рѣшенія, 12 октября, утромъ, въ актовомъ залѣ университета состоялся предварительный „общій митингъ“, въ которомъ приняли участіе служащіе въ желѣзнодорожныхъ управленіяхъ, студенты и лица неопредѣленныхъ профессій, по преимуществу, евреи. Предсѣдательствовалъ упомянутый Шлихтеръ, который, доложивъ собранію о результатахъ сѣзда желѣзнодорожныхъ делегатовъ въ С.-Петербургѣ, объявилъ „митингъ“ открытымъ и первый произнесъ рѣчь о необходимости испроверженія существующаго государственнаго строя, объ обязанности каждаго бойкотировать государственную думу и всѣми средствами стремиться къ созыву учредительнаго собранія. Въ томъ же направленіи говорили и другіе ораторы, а затѣмъ произведенъ былъ сборъ денегъ на приобрѣтеніе оружія для „активной обороны“. Въ 4 часа пополудни „митингъ“ былъ закрытъ Шлихтеромъ, приглашавшимъ собраться утромъ 13 октября и „привлечь съ собою по возможности рабочую массу“. По свѣдѣніямъ полиціи, на митингъ этомъ присутствовали пріѣзжіе „делегаты“ изъ столицъ и до 15 офицеровъ, изъ которыхъ одинъ раздавалъ присутствовавшимъ прокламаціи.

Митингъ 13 октября. Наконецъ, наступилъ день 13 октября, на-чавшійся многолюднымъ „митингомъ“ въ университетѣ, куда собралось до десяти тысячъ человѣкъ разнородной публики, не исключая воспитанниковъ среднеучебныхъ заведеній, масса евреевъ обоаго пола и, по свѣдѣніямъ, полученнымъ полиціей, 14 офицеровъ разныхъ воинскихъ частей. Рѣчи произносились, главнымъ образомъ, представителями социаль-революціонной партіи и организаціи „Вундъ“. Собравіе было открыто рѣчью предсѣдателя Шлихтера, который требовалъ освобожденія вооруженной силой задержанныхъ въ ту ночь лицъ, являвшихся, по свѣдѣніямъ кіевскаго охраннаго отдѣленія, подстрекателями и руководителями желѣзнодорожной забастовки. Въ дальнѣйшей рѣчи, Шлихтеръ, рисуя современное политическое положеніе Россіи, увѣрялъ присутствовавшихъ, что въ С.-Петербургѣ уже созвано учредительное собраніе и что войска въ Петергофѣ и Царскомъ Селѣ сложили оружіе и перешли на сторону революціонеровъ. Какъ бы

въ подтвержденіе этого въ мѣстѣ плакатовъ передавалась депеша, полученная будто-бы изъ С. Петербурга, о томъ, что „собранный съѣздъ делегатовъ конституціонно-демократической партіи, послѣ долгихъ дебатовъ, объявилъ себя учредительнымъ собраніемъ. Рабочій и служебный Петербургъ сталъ. Рельсы разобраны. Столица оторвана. Засѣданія конституціонно-демократической партіи происходятъ подъ охраной тысячъ рабочихъ. Собранныя войска бездѣйствуютъ. Готовятся обѣ стороны къ рѣшительному столкновенію. Мы у порога великихъ событій“. Все это виѣсть взятое, въ связи съ рѣчами другихъ ораторовъ, призывающихъ немедленно къ оружію и созыву учредительнаго собранія, вызвало чрезвычайное возбужденіе въ слушателяхъ. Въ раздававшихся крикахъ выражалась готовность хоть сейчасъ выйти на улицу, но Шлихтеръ и одинъ изъ главныхъ ораторовъ, помощникъ присяжнаго повѣреннаго Ратнеръ, убѣждали присутствовавшихъ, по возможности, избѣгать столкновеній съ полиціей и войсками.

Въ то же время въ сосѣдней XIV аудиторіи происходила отдѣльная сходка „украинцевъ“, на которой ораторы говорили объ отдѣленіи Украины отъ Россіи и образованіи самостоятельнаго Украинскаго Королевства „отъ Львова до Харькова“. Въ XIII аудиторіи одновременно собрались на сходку студенты политехническаго института. Всѣ эти группы соединились съ толпой, бывшей на митингѣ, гдѣ производился въ это время усиленный сборъ „на оружіе“, причемъ присутствовавшіе бросали и золотыя монеты, и крупныя кредитныя билеты и серебро, а одна дама вынула даже изъ ушей серьги и бросила ихъ въ шапку съ надписью „на оружіе“. На сборницѣ этомъ рѣшено было начать 14 октября общую забастовку въ городѣ, прибѣгая, въ случаѣ надобности, къ насилію, для чего организованы были три летучихъ отряда. На *первый* возложены были исполнительныя функціи, т. е. насильственное прекращеніе занятій во всѣхъ средисучебныхъ заведеніяхъ, прекращеніе работъ на фабрикахъ, заводахъ, мастерскихъ, прекращеніе торговли въ магазинахъ, приостановленіе движенія городского трамвая и вообще всякаго движенія въ городѣ. *Вторая* группа—боевая—составлена была съ цѣлью вооруженнаго сопротивленія войскамъ и полиціи, гдѣ это оказалось бы нужнымъ. Наконецъ, *третья*—санитарная—въ видѣ летучихъ отрядовъ—предназначена была для оказанія помощи раненымъ и вообще потерпѣвшимъ членамъ организаціи. Главнымъ пунктомъ революціоннаго Краснаго Креста были избраны университетскія клиники, а соор-

вымъ пунктомъ назначено было мѣсто у станціи трамвая, на углу Бибиковскаго Бульвара и Крещатика. Крімъ того, намѣчено было восемь летучихъ пунктовъ въ различныхъ частяхъ города и организовано до 40 подвижныхъ отрядовъ Краснаго Креста для оказанія помощи на мѣстахъ столкновеній революціонеровъ съ войсками и полиціей.

Около 4 часовъ по полудни публика стала расходиться съ митинга, а къ 6 часамъ вечера въ актовій залъ университета явилось до 300 человекъ учащихся въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, заявившигъ, что они прекратили занятія. Молодежь эта осталась въ университетѣ до поздняго вечера и принимала участіе въ группировкѣ отрядовъ для устройства общей забастовки. Въ тотъ же вечеръ уже началась обструкція, выразившаяся въ появленіи трехъ какихъ-то молодыхъ людей въ помѣщеніи частной гимназіи Петра, гдѣ, въ присутствіи 300 слушателей, началась лекція на общеобразовательныхъ курсахъ. Забастовщиковъ ударили и даже нанесли имъ побой, но тѣмъ не менѣе, въ виду охватившаго слушателей волненія, пришлось прекратить занятія.

Передача ге-
нер.-адъю-
тантомъ
Клейгель-
сомъ своимъ
„полномочій“
военному на-
чальству и
собствія съ
14 по 18 ок-
тября.

По полученіи свѣдѣній о состоявшейся на митингѣ резолюціи у бывшаго генераль-губернатора генераль-адъютанта Клейгельса въ ночь на 14 октября собрались на совѣщаніе м. д. губернатора — вице-губернаторъ Рафальскій, управляющій канцеляріей генераль-губернатора Д. С. С. Молчановскій, полиціймейстеръ полковникъ Цихопкій, чиновникъ особыхъ порученій при генераль-губернаторѣ Малышевъ и явившіеся, по приказанію генераль-губернатора, помощникъ начальника охраннаго отдѣленія Кулябко. Последній доложилъ сущность резолюціи, поставленной въ тотъ день на митингѣ въ университетѣ, и добавилъ, что, по имѣющимся въ охранномъ отдѣленіи свѣдѣніямъ, революціонныя организаціи намѣрены воспользоваться въ широкихъ размѣрахъ начавшимися уже въ городѣ беспорядками, и потому можно ожидать вооруженныхъ уличныхъ демонстрацій.

Въ виду возможности осуществленія программы революціонной партіи, генераль-адъютантъ Клейгельсъ нашель, что въ Кіевѣ готовится вооруженное возстаніе, а потому призналъ необходимымъ, примѣняясь къ § 15 правилъ о призывѣ войскъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ, передать „съ 7 часовъ утра 14 октября свою власть и полномочія военному на-

чалъству". Обь этомъ тутъ же чиновникомъ Малышевымъ было составлено сообщеніе временно-командующему войсками Кіевскаго Военнаго Округа генераль-лейтенанту Карасу.

Еще въ августѣ, мѣсяцѣ на случай безпорядковъ въ городѣ Кіевѣ была организована военная охрана, начальникомъ которой съ 12 октября, вѣсто прежде бывшаго генераль-майора Безсонова, былъ назначенъ командиръ 21-го армейскаго корпуса генераль-лейтенантъ Драке. Въ виду этого и согласно упомянутаго сообщенія генераль-адъютанта Клейгельса о передачѣ полномочій военнымъ властямъ, генераль-лейтенантъ Драке вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей начальника охраны города. Обь этомъ онъ оповѣстилъ населеніе особыми объявленіями, въ которыхъ предупредилъ, что всякія сборища на площадяхъ и улицахъ воспрещаются и что при нарушеніи общественнаго порядка будетъ употреблено въ дѣло оружіе.

Однако, приватныя мѣры не внесли успокоенія въ жизнь города. Изъ всѣхъ кіевскихъ газетъ только „Кіевлянинъ“ издалъ обычный номеръ. Остальныя же 4 газеты 14 октября выпустили лишь листки телеграммъ съ сообщеніями, что „въ виду состояшагося соглашенія издателей, редакторовъ, сотрудниковъ и наборщиковъ газетъ „Кіевская Газета“, „Кіевскіе Отклики“, Кіевское Слово“ и „Кіевскія Новости“,—онѣ временно прекращаютъ выпускъ газетъ и ограничатся печатаніемъ только телеграммъ, имѣющихъ отношеніе къ освободительному движенію.

Послѣдующее теченіе дня 14 октября было воспроизведеніемъ программы, постановленной наканунѣ на митингѣ въ университетѣ. Не было только открытыхъ столкновеній съ полиціей, вслѣдствіе чего „боевой“ и „саянтарный“ отряды бездѣйствовали, отрядъ же, на обязанность котораго возложено было проведеніе всеобщей забастовки, дѣйствовалъ съ полной энергіей. По всему городу небольшими группами ходили члены этого отряда, врываясь въ учебныя заведенія, фабрики, мастерскія, магазины и даже аптеки. всюду требуя прекращенія, занятій, работы и торговли. Тамъ, гдѣ увѣщанія не дѣйствовали, употребляли силу, выбивали окна и грозили насиліемъ надъ личностью; въ вагонахъ трамвая у вагонновожатыхъ отнимали рукоятки отъ моторовъ, перерѣзывали веревки отъ роликковъ, а гдѣ это не удавалось, выбивали камнями стекла, были также случаи пораненій пассажировъ. Нигдѣ группамъ этимъ не было оказано противодѣйствіе въ серьез-

ной формѣ ни со стороны частныхъ лицъ и учреждений, ни со стороны чиновъ полиціи и военныхъ отрядовъ.

Въ большинствѣ случаевъ достаточно было одного появленія агитаторовъ, чтобы учебныя заведенія, мастерскія и магазины закрывались. Правда, наряды полиціи и войска разсѣивали большія скопища на улицахъ, но обнаруживали совершенную неумѣлость бороться съ группами забастовщиковъ, которыхъ за весь день было задержано всего нѣсколько человекъ. Благодаря этому, были остановлены трамвая, прекращены занятія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, работы въ мастерскихъ и вся торговля въ магазинахъ на главныхъ улицахъ.

Были и попытки остановить дѣйствія и правительственныхъ учреждений. Такъ, толпа агитаторовъ безпрепятственно проникла въ почтово-телеграфную контору на Большой Владимірской улицѣ, охранявшуюся войсками, и предложила служащимъ, во имя гражданскихъ мотивовъ, прекратить занятія, угрожая въ противномъ случаѣ явиться съ бомбами и силою прекратить ихъ. На требованіе начальника конторы фельдфебель, стоявшій во главѣ взвода, охранявшаго эту контору, возразилъ, что онъ по этому поводу не имѣетъ опредѣленныхъ инструкцій и не знаетъ, что ему слѣдуетъ дѣлать. Такое же отсутствіе надлежащихъ инструкцій замѣчалось и въ отношеніи всѣхъ остальныхъ военныхъ частей, ходившихъ весь этотъ день по городу для прекращенія беспорядковъ до крайняго утомленія безъ всякой пользы для дѣла. Второй случай попытки остановить служебную дѣятельность произошелъ въ окружномъ судѣ. Около 2 часовъ дня къ предсѣдателю суда д. с. с. Грабару явилась группа присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ, приблизительно около 15 человекъ, и просила закрыть судъ, такъ какъ при сильномъ нервно-возбужденномъ состояніи населенія они не въ состояніи защищать интересы своихъ кліентовъ. Въ просьбѣ этой было отказано предсѣдателемъ суда, который заявилъ, что по закону не считаетъ себя въ правѣ закрыть судъ хотя бы на одинъ день. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ явившихся присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ стали обходить канцеляріи суда. Они приглашали прекратить занятія и указывали на разныя неприятели, которыми въ противномъ случаѣ служашіе могутъ подвергнуться со стороны забастовщиковъ, ложно увѣряя при этомъ, что другіе чиновники уже не работаютъ. Благодаря настойчивымъ требованіямъ предсѣдателя суда и нѣкоторыхъ членовъ его, упомянутая группа адвокатовъ оставила

помѣщеніе канцелярій, и занятія въ судѣ не были прерваны. Поступокъ этихъ адвокатовъ встрѣтилъ порицаніе съ стороны ихъ товарищей, утверждавшихъ, что они дѣйствовали безъ всякаго уполномочія корпораціи.

Между тѣмъ въ университетѣ во время этихъ событій происходилъ митингъ подъ предсѣдательствомъ Шлихтера, и въ актовомъ залѣ былъ выставленъ большой красный флагъ съ ениціалами партіи социалистовъ-революціонеровъ. Оттуда, повидимому, исходили всѣ исполнительныя распоряженія, такъ какъ туда все время направлялись группы студентовъ и воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также еврейская молодежь разныхъ профессій, и затѣмъ, тамъ же во дворѣ, составлялись отряды забастовщиковъ, расходившіеся по всему городу.

Въ субботу, 15 октября, военными властями рѣшено было съ утра не допускать народныхъ митинговъ въ университетѣ и политехническомъ институтѣ. Оба эти заведенія были оцѣплены войсками, которыя никого, кромѣ студентовъ, не пропускали, вслѣдствіе чего произошло нѣсколько случаевъ столкновенія студентовъ съ военными чинами на почвѣ взаимныхъ оскорбленій. Прекратившаяся наканунѣ рядомъ насилій общественная жизнь снова стала заявлять о своемъ существованіи: магазины открылись, трамваи возобновили движеніе и на улицахъ появилась обычная публика. Однако, къ часу дня повсюду вновь показались большія группы агитаторовъ, шумно требовавшихъ прекращенія торговли и движенія трамваевъ. Во многихъ магазинахъ, не желавшихъ прекратить торговлю, были разбиты окна; въ проѣзжавшіе вагоны трамвая бросали камни, выбивали въ нихъ стекла и нѣсколькихъ пассажировъ равали; въ мастерскихъ были случаи насилій надъ личностью владѣльцевъ; по улицамъ открыто ходили какія-то лица, дерзко требовавшія пожертвованій на стачечный фондъ, и такъ какъ эти насилія нигдѣ не встрѣчали надлежащаго отпора ни со стороны полиціи и войскъ, ни со стороны публики, то городохъ снова овладѣла паника. Нормальное теченіе жизни вновь было нарушено. На улицахъ появились толпы праздного люда, много любовитныхъ, и среди всей этой массы усиленно распространялись слухи объ успѣхахъ революціонно-стачечнаго движенія, еще болѣе возбуждавшіе и безъ того безпокойную толпу. Попытки конныхъ воинскихъ частей разсѣять эти скопища встрѣчали открыто-противодѣйствіе. Въ казакъ бросали камнями, осл отвѣчали нагайками, но къ оружію не прибѣгали, за исключеніемъ одного случая, когда одинъ

казакъ выстрѣлялъ изъ винтовки, въ человѣка, бросившаго въ него камень, и этимъ выстрѣломъ случайно ранилъ въ палецъ какого-то мальчика. Этотъ единичный случай и нѣсколько отдѣльных столкновений съ полиціей породили въ публикѣ массу неосновательныхъ слуховъ. Распространились рассказы о двухстахъ мальчишкахъ, подбитыхъ на штыки, о поголовномъ избіевіи полиціей политическихъ и административныхъ заключенныхъ въ полицейскихъ участкахъ, что при превращеніи чинами прокурорскаго надзора, оказалось совершеннымъ вымысломъ.

Въ этотъ день арестовано было нѣсколько человѣкъ за оскорбленіе чиновъ полиціи и войскъ, а также задержанъ приватъ-доцентъ Леонтовичъ съ пятью студентами и докторомъ Женевского университета Екатериной Керкесъ, бывшихъ съ повязками Краснаго Креста въ той толпѣ, изъ которой камнями бросали въ казаковъ. Вечеромъ, по указанію Кіевского охраннаго отдѣленія, произведены были аресты агитаторовъ, причѣмъ при обыскѣ въ „Петербургской гостиницѣ“ неизвестный человѣкъ выстрѣломъ изъ револьвера тяжело ранилъ околоточнаго надзирателя Вольскаго и затѣмъ самъ былъ убитъ караульнымъ солдатомъ.

16 и 17-ое октября прошли въ общемъ спокойствіи, если не считать нѣсколькихъ случаевъ столкновений съ войсками и полиціей. Правительственныя учрежденія охранялись военной силой, движеніе трамваевъ возобновилось 17-го числа, и въ этотъ день открылись всѣ магазины. Еще въ ночь на 15 октября охраннаго отдѣленіемъ былъ произведенъ рядъ арестовъ лицъ, принадлежащихъ, по свѣдѣніямъ этого отдѣленія, къ партіямъ социаль-революціонеровъ и социаль-демократовъ, а въ томъ числѣ былъ арестованъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго Ратнеръ, который, какъ замѣчено было агентурой, принималъ видное участіе въ народныхъ митингахъ. Предполагалось арестовать также и другого агитатора Шлихтера, но розыскать его не могли, и были свѣдѣнія, что онъ переселился въ зданіе университета, гдѣ скрывался въ какой-то частной квартирѣ. Не лишнее при этомъ отиѣтить, что 16 октября какой-то человѣкъ, повидимому, отставной чиновникъ, подстрекалъ на Троицкомъ базарѣ собравшуюся толпу рабочихъ бить евреевъ и отправился по улицамъ города съ бѣлымъ флагомъ съ надписью: „За Царя и Отечество“. Но рабочіе высказали описаніе, что еврей за это ставитъ бросать въ нихъ бомбы, и это подстрекательство успѣха не имѣло.

Этими событиями закончился первый пикъ октябрьскихъ беспорядковъ и наступило наружное спокойствіе, которыми жители города Кіева пользовались подъ охраной воинскихъ отрядовъ. Спокойствіе это длилось недолго. Начало второго периода беспорядковъ (относится къ 18 октября 1905 года.

Объявленіе Высочайшаго Манифеста 17 октября и увольненіе генераль-адъютанта Клейгельса отъ должности генераль-губернатора. Манифестациі съ красными флагами и событія у думы 18 октября.

Еще въ ночь на 18 октября къ исправляющему должность Кіевского губернатора д. с. с. Рафальскоку стали поступать свѣдѣнія о томъ, что въ Петербургѣ происходитъ что-то необычайное. Была получена для одной изъ газетъ частная телеграмма, въ которой, между прочимъ, сообщалось, что „ождается опубликованіе правительственнаго акта величайшей важности“. И дѣйствительно, въ ту же ночь была доставлена телеграмма о послѣдовавшемъ 17 октября Высочайшемъ манифестѣ о дарованіи населенію основъ гражданской свободы. Въѣсть съ тѣмъ получена была телеграмма объ увольненіи отъ должности генераль-губернатора генераль-адъютанта Клейгельса и о назначеніи на его мѣсто находившагося въ отпуску командующаго войсками Кіевского военного округа генераль-лейтенанта Сухомлинова, до возвращенія котораго въ Кіевъ должность генераль-губернатора Высочайше повелѣно было исправлять помощнику командующаго войсками генераль-лейтенанту Карассу. Около 11 часовъ утра 18 октября въ домѣ генераль-адъютанта Клейгельса состоялась передача имъ должности генераль-губернатора генераль-лейтенанту Карассу. Въѣсть о Всевилостивѣйшемъ манифестѣ быстро облетѣла весь городъ, повсюду вызвавъ радостное настроеніе по поводу дарованныхъ народу милостей.

Утренніе телеграфные листки съ текстомъ Манифеста, выпущенные мѣстной прессой, раскупались на расхватъ, особенно прибавленіе къ „Кіевской Газетѣ“, въ заголовкѣ котораго необычайно крупными буквами напечатано было слово „Конституція“. Листки эти многими раздавались даромъ, номера же консервативной газеты „Кіевлянинъ“ раскупались въ кіоскахъ и у разносчиковъ учащейся еврейской молодежи и тутъ же демонстративно разрывались на части. Рабочіе Кіевского арсенала, явившись на работу, пригласили священника отслужить молебенъ, а затѣмъ панихиду по павшимъ жертвамъ рабочаго движенія. Когда же іеромонахъ отказался безъ особаго разрѣшенія своего начальства отслужить такую па-

никуда, сами рабочіе пропѣли „вѣчную память“, а затѣмъ отправились въ обшудировальныя мастерскія, требуя тамъ прекращенія работъ. Изъ бесѣды участковаго товарища прокурора съ этими рабочими оказалось, что многіе изъ нихъ недовольны были уменьшеніемъ заработной платы и тѣмъ, что ихъ начальство, по ихъ словамъ, за взятки отдастъ работу евреймъ, обижая тѣмъ русскихъ.

Еще утромъ, по ознакомленіи съ текстомъ Всеминости-вѣйшаго манифеста, рѣшено было, по соглашенію прокурорскаго надзора съ начальникомъ мѣстнаго губернскаго жандармскаго управленія, освободить изъ подъ стражи и избрать другія мѣры пресѣченія способомъ уклоняться отъ слѣдствія и суда въ отношеніи тѣхъ изъ привлеченныхъ къ дознаніямъ за государственныя преступленія, дѣянія которыхъ не соединены съ преступленіями общаго характера или съ храненіемъ и употребленіемъ взрывчатыхъ веществъ. Такую же мѣру принять и исправляющій должность губернатора относительно тѣхъ лицъ, которыя въ предыдущіе дни были арестованы въ административномъ порядкѣ. Между тѣмъ на улицахъ въ разныхъ частяхъ города стали образовываться многочисленныя скопища народа, имѣвшія сначала характеръ мирныя манифестаціи. Настроеніе всюду было приподнятое, но безпорядковъ не было; магазины были открыты, трамваи ходили, полиція и войска отсутствовали. Около полудня стало извѣстнымъ, что въ политехническомъ институтѣ собралась толпа учащейся молодежи, человекъ 700—800, и, раздѣлившись на группы, направилась по Вибиковскому бульвару къ Крещатику съ криками „ура“, пѣніемъ революціонныхъ пѣсней и красными флагами. Другая толпа, человекъ въ 400, собралась въ мастерскихъ Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ и оттуда съ такими же флагами и пѣніемъ такихъ же пѣсней направилась также къ Крещатику, гдѣ въ тому времени скопились большія толпы публики. Возлѣ университета образовалась многотысячная толпа, состоявшая, главнымъ образомъ, изъ учащихся въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и изъ значительнаго числа еврейской молодежи обоего пола. Изъ этой толпы выдѣлились ораторы и тутъ же на площади произносили рѣчи, въ отвѣтъ на которыя изъ толпы выкинуты были красныя флаги и слышались революціонныя пѣсни. У большинства присутствовавшихъ появились въ рукахъ, петлицахъ и на шляпахъ красныя ленты, розетки и платки. Многіе изъ публики сначала не понимали значенія красныхъ флаговъ и красныхъ бантиковъ, считая красныйъ цвѣтъ символомъ радости по поводу да-

рованныхъ народу милостей, но вскорѣ дальнѣйшія событія вывели ихъ изъ этого заблужденія. По требованію сборища, ректоръ университета, повидимому не зная о его настроеніи, приказалъ открыть парадныя двери главнаго зданія. Въ университетскій заль ворвалась часть уличной толпы, мгновенно уничтожила Императорскіе портреты, разорвала красное сукно, покрывавшее пьедесталы этихъ портретовъ и, сдѣлавъ изъ него флаги и ленты, раздавала ихъ прохожимъ на улицѣ. Среди лицъ, собравшихся въ университетѣ, находился также Шлихтеръ, который, обращаясь къ публикѣ, кричалъ: „Армія—ваша, идемъ“. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ начали громко приглашать публику стать на колѣни передъ Шлихтеромъ, какъ жертвой произвола. Стоявшіе вблизи него, дѣйствительно, опустились на колѣни. Однако, вся эта сцена вызвала ропотъ среди остальной публики, которая во всеобщемъ происшествіи усмотрѣла оскорбленіе своихъ національныхъ чувствъ. Уничтоживъ инициалы Государя Императора на подъѣздѣ университетскаго зданія и украсивъ его красными флагами, толпа покинула университетъ, и, раздѣлившись на двѣ группы, двинулась—частію по Васильковской улицѣ—къ предмѣстью города Декіевкѣ, частію къ Крещатику—къ думѣ. Она приглашала прохожихъ присоединиться къ ней, требовала закрытія магазиновъ и распѣвала революціонныя пѣсни. Во главѣ толпы, направлявшейся къ думѣ, ѣхалъ верхомъ на лошади главный ораторъ и руководитель всѣхъ послѣднихъ митинговъ Шлихтеръ съ красивымъ бантомъ на лѣвой руцѣ. При остановкахъ шествія по городу, Шлихтеръ произносилъ революціонныя рѣчи, доказывая, что борьба съ правительствомъ не закончена и должна продолжаться до тѣхъ поръ, пока существующій государственный строй не будетъ замѣненъ демократической республикой. Изъ толпы слышались крики: „долой самодержавіе, долой кровопийцы!“, и проч. Въ то время, когда эти манифестанты направлялись къ думѣ, другіе ворвались въ Николаевскій паркъ и здѣсь сорвали инициалы и надписи съ памятника Императора Николая I. При этомъ евреи, набросавъ на памятникъ арканъ, старались стащить статую Императора съ пьедестала. Нѣкоторые изъ толпы вѣзли на памятникъ и пытались укрѣпить въ рукѣ статуи красное знамя. Всѣхъ, проходившихъ мимо, манифестанты заставляли снимать шапки передъ красивыми флагами. Былъ случай, когда на одной изъ улицъ, они, набросившись на проезжавшаго какого-то священника, сбили съ него шапку палками. На другой улицѣ евреи, украшенные красными бантами, стали оскорблять чотырехъ

проходивших мимо солдатъ; они на нихъ плевали и вызвали этимъ общее негодование случайныхъ свидѣтелей такого возмутительнаго поруганія войска.

Около часа дня большая толпа, съ красными флагами на длинныхъ пестяхъ, подошла къ зданію присутственныхъ мѣстъ и потребовала освобожденія политическихъ арестантовъ. Въ то время со стороны Софійской площади появился воинскій патруль, растянувшійся цѣпью поперекъ улицы передъ зданіемъ присутственныхъ мѣстъ. Офицеръ, командовавшій патрулемъ, вступилъ въ какія-то объясненія съ выдѣлившейся изъ толпы группой, вожаки которой усленно старались жестами успокоить толпу, вслѣдовавшую и направшую на солдатъ. Цѣпь ихъ, тѣсняемая передними рядами толпы, перешла въ наступленіе, вслѣдствіе чего толпа отхлынула и, по удостовѣренію нижнихъ чиновъ, стала бросать въ нихъ камнями, которыми было ушиблено 6 рядовыхъ. Послѣ этого, преслѣдуя отступавшихъ, нѣсколько солдатъ дали три или четыре выстрѣла по толпѣ, ранивъ двухъ человекъ, которые тутъ же были подобраны толпой и увезены.

Почти въ то же самое время другая толпа, подступивъ къ зданію Старокіевскаго полицейскаго участка, потребовала освобожденія содержавшихся въ немъ политическихъ заключенныхъ. Полиціймейстеру съ трудомъ удалось убѣдить сборище, что такихъ заключенныхъ въ участкѣ нѣтъ, такъ какъ одна часть ихъ освобождена по распоряженію управляющаго губерніей, а другая переведена въ тюрьму. Послышались крики: „Идти на тюрьму“, „на жандарское управленіе!“ и толпа отхлынула по Житомирской улицѣ, по направленію къ этимъ учрежденіямъ. Объ этомъ готчасъ же сообщено было по телефону въ тюрьму и жандарское управленіе, гдѣ приняты были соответствующія мѣры, но къ управленію толпа не подошла, а у тюрьмы собралась значительно позже и была разбѣжана войсками.

Въ Подольскомъ полицейскомъ участкѣ другая толпа, окруживъ зданіе и порвавъ телефонные провода, побилъ стекла и силою освободила содержавшихся тамъ двухъ административныхъ и семь общеуголовныхъ арестантовъ, причинивъ при этомъ насиліе одному изъ городовыхъ, пытавшихся удержать нападавшихъ. Такое же сборище являлось и въ Плескскій полицейскій участокъ, но удалилось спокойно, узнавъ, что оттуда всѣ арестованные, кромѣ общеуголовныхъ, уже освобождены по распоряженію администраціи.

Между тѣмъ, пока происходили эти событія, въ думу, къ и. д. городского головы Плахову явилась группа лицъ, настроенныхъ совершенно мирно, и просила открыть залъ думскихъ засѣданій, ссылаясь на то, что многіе желаютъ выразить свои чувства по поводу Высочайшаго манифеста. Желаніе публики было исполнено, и въ думѣ состоялся митингъ подъ предсѣдательствомъ гласнаго Шефтеля. Митингъ этотъ прошелъ спокойно. По свидѣтельству одного изъ очевидцевъ, въ думѣ нѣкоторые высказывали мысль о необходимости немедленно идти въ тюрьму и силою освободить арестованныхъ за политическія преступленія, но приглашеніе это не встрѣтило сочувствія. Затѣмъ какой-то студентъ въ рѣчи своей доказывалъ, что все, обѣщанное въ манифестѣ, несомнѣнно будетъ осуществлено, но не сразу, а постепенно. Присутствовавшіе тутъ же евреи все время перебивали студента и, наконецъ, заставили его замолчать, принудивъ совѣтъ съ трибуны. Поступокъ этотъ вызвалъ неудовольствіе въ публикѣ, выразившей сомнѣніе по поводу дѣйствительности такой свободы слова, при которой не всѣ могутъ высказывать свои убѣжденія. Послышался чей-то крикъ: „бей жидовъ“, но крикъ этотъ не нашелъ себѣ поддержки среди остальныхъ присутствовавшихъ. Нѣкоторые рабочіе говорили, что съ изданиемъ манифеста еще не все окончено, и что остального необходимо добиваться кровью и оружіемъ. Была затѣмъ пропѣта вѣчная память князю Трубецкому, какъ борцу за свободу. Послѣ этого митингъ прервался и окончился совершенно мирно.

Тѣмъ временемъ отъ Большой Васильковской по Крещатику къ Думѣ стала приближаться многотысячная толпа съ красными знаменами и значками, съ красными повязками и лентами на шляпахъ и въ петлицахъ и съ красными платками въ рукахъ. На Крещатикѣ появилась рота солдатъ, которые были разставлены поперекъ улицы и стали заряжать ружья, а затѣмъ взяли ихъ на изготовку. Къ офицеру, командовавшему ротой, подбѣжало нѣсколько человѣкъ съ текстомъ манифеста въ рукахъ и убѣдили его, что толпа — мирная. Солдаты были убраны, а манифестанты, двинувшись впередъ, ворвались въ думскій залъ, а остальные, не помѣстившіеся въ немъ, заняли всю площадь передъ думой. По свидѣтельству очевидцевъ, толпа состояла изъ студентовъ и лицъ разнаго званія, возраста, пола и состоянія, при чемъ особенно выдѣлялись евреи. Мгновенно всѣ національные флаги, которыми, по случаю манифеста, была украшена дума, были сорваны, и ихъ мѣсто заняли красныя и черныя знамена съ разными

революціонными надписями, какъ, напр.: „Республика Русь“, „Учредительное Собрание Кіевской Соціал-Революціонной Партіи“, „Да здравствуетъ Россійская Соціал-Революціонная Партія“ и „Кіевская Польская Соціал-стическая Партія“. Въ это время съ триумфомъ толпа привнесла на рукахъ на площадь съ Институтской улицы помощника грисажнаго повѣреннаго Ратнера, только что передъ тѣмъ освобожденнаго изъ тюрьмы, по распоряженію генерал-адъютанта Клейгелса, давашаго это порученіе исправляющему должность губернатора д. с. с. Рафальскому еще 17 октября вечеромъ. Поднятый надъ толпой, при несомлаемыхъ крикахъ восторга, Ратнеръ, одѣтый въ синюю рабочую слезу, съ краснымъ флагомъ въ рукѣ, обратился къ „граждарамъ“ съ рѣчью, въ которой, между прочимъ, упомянулъ, что, хотя онъ и освобожденъ изъ тюрьмы, но въ ней томится еще свыше 200 человекъ его товарищей, на выручку которыхъ надо немедленно же идти. Между тѣмъ во главѣ другой толпы къ парадному ходу думы подѣхалъ верхомъ Шляхтеръ. Войдя въ думу, онъ вышелъ на балконъ, и расцѣловавшись съ Ратнеромъ, обратился съ рѣчью къ толпѣ: „Граждане, наша организація—сила, говорилъ онъ, намъ нужно еще больше сплотиться и добиться свободы“. Затѣмъ онъ призывалъ населеніе къ всеобщей политической забастовкѣ, къ сформированію народной милиціи и дерзостно отозвался объ особѣ Государя Императора. Въ это время участниками толпы были изорваны въ клочки находившіеся въ залѣ думы Императорскіе портреты, а также поломавы зерцало и Царскіе вензеля, устроенные на думскомъ балконѣ для алюминіаціи. Кто подалъ мысль рвать портреты и уничтожить вензеля и какія именно лица привели ее въ исполненіе, установить въ точности не представлялось возможнымъ. Но несомѣнно, что въ уничтоженіи портретовъ и вензелей принимали участіе какъ русскіе, такъ и евреи. Одинъ изъ очевидцевъ удостовѣряетъ, что, когда онъ, услышавъ крики толпы, требовавшей снятія съ вензелей Императорской короны, выбѣжалъ на балконъ, то увидѣлъ, что изъ инициаловъ буква „А“ уже была сломана; корону же ломалъ какой-то русскій рабочий. Когда корона была уже снята, нѣкоторые изъ толпы стали требовать, чтобы ее поставили на прежнее мѣсто. Требованіе это было исполнено но въ коронѣ, былъ укрѣпленъ красный флагъ. Однако, минуту пять спустя она снова была сброшена въ этотъ разъ уже евреемъ, который затѣмъ сломалъ половину буквы „Н“. По заявленію другого свидѣтеля, когда онъ проходилъ мимо думы, корона на Императорскомъ

везелъ на думскіе балконы была уже сломана. Въ это время какой-то молодой человекъ, по наружному виду—еврей, ставъ одной ногой на перила балкона, а другой—на металлическій вѣнокъ, окружавшій ивниціаны Государя Императора, ломалъ этотъ вѣнокъ. Очевидецъ уничтоженія Императорскихъ портретовъ въ думѣ свидѣтельствуесть, что въ уничтоженіи ихъ принимали участіе и евреи.

Въ тоже время во внутреннихъ помѣщеніяхъ думы безпрепятственно хозяйничали постороннія лица. Испр. долж. городского головы Плаховъ, прійдя въ свой кабинетъ, нашелъ его занятымъ какими-то молодыми людьми. На просьбу уйти молодые люди отвѣтили, что они не могутъ этого сдѣлать, такъ какъ условились собраться здѣсь, и что теперь нѣтъ никакихъ „годовъ“, кромѣ главенства народа. Для выясненія вопроса, удастся-ли устроить назначенное на 6 час. вечера засѣданіе думы, испр. долж. городского головы пришлось обратиться къ Шлихтеру и Ратнеру. Послѣдній вошелъ въ это время въ кабинетъ и усталый опустился на диванъ; на вопросы онъ отвѣчать не могъ, такъ какъ повидимому охрипъ и лишился голоса. За нимъ вскорѣ явился и Шлихтеръ, и отъ него, какъ отъ главы революціонеровъ, стали исходить всѣ распоряженія. На вопросы испр. долж. городского головы и гласныхъ онъ давалъ отрывочные отвѣты, не ниѣа, повидимому, возможности, сосредоточиться; одновременно отъ отдавалъ распоряженія о формированіи милиціи, предлагая какому-то молодому человѣку немедленно записывать всѣхъ желающихъ вступить въ ряды ея, приказывалъ другому лицу выдѣлить часть толпы и идти въ оружейный магазинъ забирать оружіе и проч.; по корридорамъ ходили какіе-то евреи—сборщики денегъ на неизвѣстныя цѣли; неизвѣстный господинъ съ красной лентой на шляпѣ предлагалъ свои услуги пойти съ толпой и освободить изъ тюрьмы заключенныхъ. Было ясно, что залъ засѣданій думы очищенъ не будетъ и назначенное засѣданіе не состоится. Шлихтеръ обратился къ гласному князю Трубецкому и просилъ его хлопотать объ освобожденіи политическихъ зрестантовъ, такъ какъ толпа собирается идти къ тюрьмѣ и освободить ихъ силою. Настроеніе скопища, собравшагося передъ думой, становилось все болѣе возбужденнымъ, чему не мало способствовали всевозможные ораторы, взбравшіе: даже на крыши остановленныхъ вагоновъ трамвая и оттуда произносившіе зажигательныя рѣчи. Князь Трубецкой вмѣстѣ съ другими общественными дѣятелями отправился къ исправлявшему должность губернатора съ прось-

бой освободить лицъ, арестованныхъ въ административномъ порядкѣ; нѣкоторые же изъ членовъ этой депутаціи просили также убрать съ улицъ города войска, во избѣжаніе столкновеній. Депутаціи было объявлено о состоявшемся уже освобожденіи части политическихъ арестованныхъ. Просьба же объ удаленіи войскъ военными властями удовлетворена не была.

Между тѣмъ на площади у думы толпа продолжала стоять. На думскохъ балконѣ появлялись все новые ораторы, изъ которыхъ, однако, особыми успѣхомъ пользовались Ратнеръ и Шлихтеръ. Содержаніе ихъ рѣчей въ точности не установлено; но рассказы же служащихъ въ управѣ и другихъ очевидцевъ, ораторы эти приглашали народъ удержаться на занятой ими позиціи. Другіе революціонные дѣятели, считая, новидному, Высочайшій манифестъ лишь первымъ шагомъ къ достиженію ихъ стремленій, зывали къ необходимости, не упуская времени, продолжать дальнѣйшую борьбу открытыиъ натежемъ. Какой-то еврей подмастерье кричалъ съ балкона: „долой самодержавіе“; другой, прилично одѣтый еврей, кричалъ: „валяй на мясо“; слышались голоса, зывавшіе къ ищенію и доказывавшіе, что „конституція—чушь“, что надо „сравнять горы съ долинами“. Самоослѣпленіе сторонниковъ революціонныхъ партій достигло высшихъ предѣловъ: уваженіе къ національному чувству народа, къ предметамъ его почитанія было забыто. Казалось, одна часть населенія не допускала даже возможности существованія у другой такихъ чувствъ и потому не стѣснялась въ способахъ выраженія своего презрѣнія къ послѣднимъ. Такъ, какой-то рабочій старался прикрѣпить къ портрету Государя Императора красный флагъ. Къ нему подошелъ неизвѣстный студентъ—еврей и, вырвавъ флагъ у рабочаго, дравко его вожънулъ въ портретъ Государя Императора. Другой еврей, вырвавъ въ портретъ Государя голову, высунулъ свою въ образовавшееся такимъ образомъ отверстие и съ думы кричалъ толпѣ: „теперь я—Государь“. Затѣмъ евреи вынесли изъ думы на табуретѣ Ратнера и кричали, что онъ будетъ президентомъ или министромъ. На русское населеніе,—разсказывалъ одинъ изъ очевидцевъ,—все это производило такое впечатлѣніе, какъ будто евреи торжествуютъ и радуются не милостямъ, дарованнымъ Государемъ, а мнимой своей побѣдѣ, одержанной при помощи революціонныхъ организаціи. Возбужденіе народное, вызванное поруганіемъ Высочайшихъ портретовъ, было необычайное. Нѣкоторые изъ стоявшихъ передъ думой стали кричать: „кто саялъ Царя съ престола“, другіе плакали. Въ русскохъ населеніи послышалось,

наконецъ, національное чувство, подвергавшееся въ послѣднее время такъ часто оскорбленіямъ со стороны революціонеровъ, среди которыхъ замѣтно выдѣлялась еврейская молодежь. Вспоминались выраженія „Царскій холопъ“, „Царскій опричникъ“, обычныя въ устахъ агитаторовъ—евреевъ при столкновеніяхъ съ чинами войскъ и полиціи. Вспоминалось самоувереніе тѣхъ же евреевъ, когда они, съ оскорбительной самоуверенностью и непоколебимымъ убѣжденіемъ въ своемъ собственномъ превосходствѣ и въ превосходствѣ своихъ взглядовъ, говорили русскимъ: „скоро вашъ Софійскій соборъ станетъ нашей синагогой“, „скоро евреи будутъ министрами, а ваши министры станутъ наливать чай нашимъ трюмичникамъ“, „мы вамъ дали Бога, мы вамъ дали свободу, мы вамъ дали Царя“. Все то, что происходило у думы,—говорилъ одинъ изъ очевидцевъ этихъ событій,—съ особенною рѣзкостью подчеркнуло всю ненависть и презрѣніе евреевъ къ русскому народу и его правительству; все происшедшее было до такой степени обидно и отвратительно, что безъ слезъ на это нельзя было смотрѣть, и не вужно было быть пророкомъ для того, чтобы предсказать, что такія оскорбленія для евреевъ не пройдутъ даромъ. И дѣйствительно, тутъ же, у думы, стали раздаваться голоса, выражавшіе удивленіе по поводу бездѣйствія властей; когдѣ въ толпѣ, стоявшей вблизи думы, послышались крики: „надо бить жидовъ“.

Въ это время зданіе думы совершенно перешло во вл�сть членовъ крайнихъ социаль-революционныхъ партій и сочувствующей имъ еврейской молодежи, потерявшей всякое самообладаніе. Возбужденіе расположившейся у думы толпы достигло крайняго предѣла, когда Шляхтеръ, убѣждая не боятся войскъ, сообщилъ въ своей рѣчи, что онъ самъ видѣлъ, какъ на Александровской улицѣ казакъ, убившій какого-то человѣка, ускакалъ, когда на него набросилась толпа. Какъ разъ въ это время со стороны Крещатика показался казачій разъѣздъ въ пять человѣкъ, и при видѣ ихъ внаэлектризованная толпа бросилась на казаковъ, которые быстро ускакали, давъ одинъ выстрѣлъ въ воздухъ.

Въ продолженіе всей этой манифестаціи, въ теченіе бѣлѣ двухъ часовъ, войска и полиція стояли у зданія думы безучастно, не двигаясь съ мѣста; къ нижнимъ чинамъ (бращались съ воззваніемъ не слушать командировъ, не стрѣлять въ народъ и черезъ окна бросали прокламаціи, приглашавшія ихъ сложить оружіе и присоединиться къ толпѣ. Наконецъ, въ рыхлахъ подошелъ эскадронъ драгунъ Кіевскаго полка и

выравнялся въ линію спиной къ дворянскому дому, а лицомъ къ думѣ. Изъ стоявшей около нея сравнительно небольшой толпы, оставшейся отъ сборища, разбѣжавшагося при появленіи кавалеріи, раздалось нѣсколько выстрѣловъ, а одинъ невѣстный молодой человекъ, выступивъ впередъ, направилъ свой револьверъ прямо на драгунъ. Тогда тѣ рысью двинулись на стоявшихъ передъ ними демонстрантовъ и съ обнаженными пашками погнали ихъ по площади, тѣся всю громадную толпу, бѣжавшую въ паническомъ страхѣ. Въ драгунъ стали стрѣлять изъ оконъ и съ балкова думы, а на стоящую около нея роту полетѣли сверху камни и бутылки. Выведенная на Крестатикъ, эта воинская часть оказалась въ критическомъ положеніи, ее стали истрѣловать изъ револьверовъ съ четырехъ сторонъ: изъ думы, биржевого зала, гостиницы на углу Институтской и изъ толпы демонстрантовъ. Командиръ роты приказалъ открыть огонь пачками, послѣ чего площадь въ нѣсколько минутъ опустѣла. При этомъ столкновеніи вѣскъ съ толпою было убито 7 лицъ, ранено же около 130 человекъ. въ томъ числѣ одинъ офицеръ, и девять нижнихъ чиновъ были ушиблены, а 5 солдатъ ранено, изъ нихъ двое серьезно. Изъ думы часть демонстрантовъ успѣла скрыться, другая же, въ числѣ 124 человекъ, была временно задержана. Въ зданіи думы вся мебель была разрушена; нѣсколько шкафовъ разбито, а выброшенные изъ нихъ дѣловые бумаги изорваны

Еврейскій Безпорядки у думы не прошли безслѣдно: послѣд-
погромъ 18 ствія ихъ стали проявляться уже въ тотъ же ве-
октября. черъ. Вѣсть о поруганныхъ Императорскихъ пор-
третахъ, о сломанной коронѣ, разбитыхъ, объ изорванныхъ на-
ціональныхъ флагахъ быстро разнеслась по всему городу
вплоть до окраинъ. На многихъ улицахъ можно было наблю-
дать кучки людей, въ большинствѣ рабочихъ, мастеровыхъ и
торговцевъ, оживленно бесѣдовавшихъ обо всемъ происшед-
шемъ и во всемъ обвинявшихъ евреевъ, которые всегда осо-
бенно рѣзко выдѣлялись среди манифестантовъ. Еще около 5
часовъ дня, 18 октября, на Крестатинской площади, у гости-
ницы „Санъ-Ремо“, собралась кучка полоторовъ, громко об-
винявшая евреевъ въ смутахъ, и стали раздаваться грозные
возгласы, что „надо проучить жидовъ“. Около того же вре-
мени толпа рабочихъ на Подолѣ рѣшила, — какъ удостовѣря-
етъ одинъ изъ участниковъ этой толпы, — ловить всѣхъ „де-
мократовъ“, — т. е. и евреевъ, и русскихъ, подстракавшихъ

къ послѣднимъ беспорядкамъ, и сажать ихъ подъ арестъ „до распоряженія Государя Императора“.

Часовъ въ семь вечера на Александровской площади появилась первая группа манифестантовъ съ портретомъ Государя Императора, пѣвшая народный гимнъ. Группа эта быстро увеличилась, и такъ какъ съ Крещатика расходилось много евреевъ съ красными лентами въ петлицахъ, то на нихъ, какъ на предполагаемыхъ виновниковъ дунской демонстраціи, стали забрасываться и избивать отдѣльныхъ лицъ. Къ манифестаціи присоединились чернорабочіе, бездомныя обыватели толкачаго рынка и береговые босяки, и вскорѣ послѣ этого въ двухъ полицейскихъ участкахъ—Лыбедскомъ и Подольскомъ—начался еврейскій погромъ, который продолжался вѣсколько дней и охватилъ почти весь громадный городъ съ предѣльями. Группы громиль разбивали еврейскія квартиры и лавки и выбрасывали оттуда на улицу имущество и товары, которые частью тутъ же уничтожались, частью расхищались. На одной изъ улицъ на Подолѣ оказался убитымъ неизвѣстный еврей съ красной ленточкой въ петлицѣ пальто и съ револьверомъ въ рукѣ. Въ первоначальной своей стадіи погромъ, несомнѣнно, имѣлъ характеръ мщенія за поруганное національное чувство. Подвергая встрѣчаемыхъ на улицѣ евреевъ побоямъ, разбивая магазины, топча въ грязь выброшенные оттуда товары, громили приговаривали: „вотъ тебѣ свобода, вотъ тебѣ конституція и революція. Вотъ тебѣ царскіе портреты и корона!“. Имущество евреевъ сначала не столько расхищалось, сколько истреблялось. Но вскорѣ лицамъ, искренно возмущеннымъ поведеніемъ демонстрантовъ, и глубоко убѣжденнымъ въ необходимости самосуда надъ ними, присоединились, съ одной стороны подонки города, преслѣдовавшіе лишь узко корыстныя цѣли и прикрывавшіеся патріотическимъ флагомъ только для болѣе удобнаго грабежа,—съ другой,—люди, очевидно, не отдававшіе себѣ яснаго отчета въ своихъ поступкахъ, какъ напр., прислуга, дворники, мелкіе лавочники, которые въ желаніи своемъ воспользоваться выброшеннымъ еврейскимъ имуществомъ и товарами не видѣли, повздиному, ничего предосудительнаго и запрещеннаго. Были, впрочемъ, среди громиль и такіе, которые до самаго послѣдняго дня беспорядковъ оставались чуждыми корыстныхъ побѣжденій заявляя всюду, что имъ чужого имущества не надо. Они выхватывали изъ рукъ своихъ товарищей расхищаемыя послѣдними вещи и, не обращая вниманія на цѣнность, тутъ же уничтожали ихъ; проходили, не трогая, ихъ мимо лавокъ варанмовъ; покидали тѣ еврейскія квартиры,

гдѣ ихъ показывали Императорскіе портреты; не трогали на улицахъ тѣхъ принятыхъ ими сначала за евреевъ русскихъ, которые могли прочесть молитву и т. д. Но въ общемъ уже черезъ нѣсколько часовъ послѣ возникновенія беспорядковъ еврейскій погромъ получалъ характеръ разбоя самого безпощаднаго и угрожающаго по своимъ послѣдствіямъ. Зачинщиками и руководителями въ большинствѣ случаевъ были лица изъ той же толпы громилъ; не случалось, что подстрекали къ погрому мелкіе лавочники—конкуренты евреевъ, дворники, нѣкоторые домовладѣльцы, хозяева ремесленныхъ заведеній и даже, какъ утверждаютъ многіе потерпѣвшіе, низшіе полицейскіе чины. Въ первый день, 18 октября, погромъ продолжался до поздней ночи и прекратился самъ собой, повидному, потому, что народъ усталъ, и всѣ разошлись спать. Но уже съ утра 19 октября, онъ возобновился, и, продолжаясь еще два дня, кончился къ вечеру 20 октября, хотя единичныя попытки громить и грабить замѣчались еще и утромъ 21 октября. 19 октября отъ поджога загорѣлся на Подолѣ корпусъ деревянныхъ еврейскихъ лавокъ, сгорѣвшихъ до тла. Кромѣ этого случая, а также еще одной неудавшейся попытки поджечь разгромленный домъ, въ другихъ мѣстахъ города случаевъ поджога не было.

19-го октября, утромъ, на Софійскую площадь прибыла отъ зданія городской думы тысячная толпа, рѣшившая, съ разрѣшенія военныхъ властей, устроить патриотическую манифестацію. Послѣ молебна митрополитъ Флавіанъ увѣщевалъ народъ не безчинствовать и разойтись по домамъ, а затѣмъ толпа эта, состоявшая изъ нѣсколькихъ священниковъ, купцовъ, чиновниковъ, мастеровыхъ, ремесленниковъ и рабочихъ съ національными флагами въ сопровожденіи оркестра военной музыки и небольшой воинской части двинулась по главнѣйшимъ улицамъ города. Впереди ея несли штандартъ съ вензелемъ Государя Императора, а за нимъ нѣсколько Высочайшихъ портретовъ, пустыя отъ нихъ рамы и разбитое зеркало, взятое изъ думы. Толпа эта вошла, между прочимъ, въ университетъ, разставила въ залѣ часть портретовъ и отслужила молебенъ. По въ то время какъ лица, составлявшія центръ патриотической демонстраціи, были глубоко проникнуты сознаніемъ важности подобной процессіи и поддерживали въ ней образцовый порядокъ, люди, принимавшіе къ ней по дорогѣ, позволяли себѣ всевозможныя насилія по отношенію къ встрѣчнымъ евреямъ и носящимъ форму учебныхъ заведеній. Нѣкоторые демонстранты заставляли, напримѣръ, студентовъ, подъ угрозой

побоевъ, цѣловать разбитое зеркало. Слѣдовавше же за процессіей громилы тутъ же продолжали раззорять еврейскіе магазины, а уваженіе све къ демонстраціи выражали тѣмъ, что разстилали передъ ней на мостовой награвленные куски сукна и другихъ матерій. Такія патріотическія процессіи вошли затѣмъ въ этотъ и слѣдующій день въ обыкновеніе, и подъ прикрытіемъ ихъ совершался разгромъ и разграбленіе еврейскаго имущества. Былъ случай, когда въ одной изъ такихъ процессій впереди несли трехцвѣтное знамя, за нимъ портретъ Государя, а непосредственно за портретомъ серебрянное блюдо и мѣшокъ съ награвленнымъ. По докладу управляющаго канцеляріей Киевскаго, Подольскаго и Волинскаго генераль-губернатора д. с. с. Молчановскаго и управляющаго губерніей д. с. с. Рафальскаго, исправляющій должность генераль-губернатора генераль Карасъ вечеромъ 19 октября издалъ энергичное объявленіе къ жителямъ Кіева, воспрещавшее всякаго рода манифестаціи съ предупрежденіемъ, что всякія шествія и скопища будутъ разсѣиваться силой оружія. Но еще до опубликованія этого объявленія громилы в лица, не брезгавшія чужимъ достоинствомъ, широко пользовались патріотическими шествіями для разгрома и разграбленія квартиръ и магазиновъ. Погромъ въ этотъ день быстро разрослся и вскорѣ охватилъ весь городъ. Одинъ за другимъ расхищались богатѣйшіе еврейскіе магазины даже въ центрѣ—на Крещатикѣ. Массивныя желѣзныя ставни и запоры взламывались послѣ упорной и продолжительной работы громиль въ теченіе получаса и болѣе. Надъ вскрытіемъ огнеупорныхъ кассъ работали открыто на улицѣ, при помощи непригодныхъ орудій цѣлыми часами. Дорогія сукна, бархаты выбрасывались изъ магазиновъ и, какъ лезучая ветошь, разстилались подъ дождемъ на грязныхъ улицахъ. Тротуаръ передъ магазиномъ ювелирныхъ и серебрянныхъ издѣлій Маршака на Крещатикѣ покрытъ былъ выброшенными изъ него драгоценными вещами. Груды товаровъ навалены были и передъ магазинами галантерейными, модными и другими, при чемъ всѣ конторскія книги, счета и торговая переписка были уничтожены; дорогія стекла въ витринахъ магазиновъ были разбиты. Разгромлена была и редація газеты „Кіевскія Новости“, вывѣсившая на кауунѣ изъ окна красный флагъ. Въ то время, какъ одни скопища громиль свирѣпствовали на Крещатикѣ, другія, неся Императорскіе портреты, стали подыматься по Александровской улицѣ въ мѣстность, называемую Липками. Вскорѣ тамъ подверглись разгрому дома-особняки евреевъ барона Гиндбурга, Гальперана, Александра и Льва

Бродскихъ, Ландау и нѣсколько другихъ. Вся роскошная обстановка этихъ домовъ была уничтожена, мебель поломана и выброшена на улицу, все, что попадалось громиламъ на глаза, разрушено. Во время разгрома дома барона Гинцбурга, жившій въ противоположной сторонѣ улицы студентъ Грыгорій Бродскій вбѣжалъ въ этотъ домъ и выстрѣлами изъ винтовки убилъ двухъ грабителей. Когда толпа разбѣжалась, Бродскій, выйдя изъ дома, хотѣлъ было возвратиться къ себѣ домой, но былъ окруженъ громилами и жестоко избитъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ, внизкося, расположенъ генераль-губернаторскій домъ, который охранялся тогда частью 4-го понтоннаго батальона подъ командой капитана Нагорскаго. Последний съ солдатами и помощникомъ пристава Челюскинымъ сросился на выручку Бродскаго, но въ это время братъ Бродскаго, перепуганный происшедшимъ, сталъ съ крыльца своего дома стрѣлять въ толпу и ранилъ тяжело одного солдата и легко Челюскина; вслѣдъ затѣмъ, несмотря на присутствіе войска, былъ разгромленъ и самый домъ Александра Бродскаго.

Въ тотъ же день, 19 октября, подвергалось разгрому образцовое еврейское училище имени Бродскаго, принадлежащее министерству народнаго просвѣщенія. Разграбленіе этого училища, построеннаго на средства Бродскаго и стоившаго болѣе 300 тысячъ рублей, продолжалось два дня. Въ вѣкъ не только были выбиты стекла и рамы, но совершенно разрушены мраморныя лѣстницы и желѣзныя перила, уничтожена вся мебель, столы, шкафы, бібліотека и всѣ документы учащихся и учащихся. Остатки и уцѣлѣвшія вещи были затѣмъ вывезены грабителями на возахъ. Передъ разгромомъ съ крыши былъ снятъ тяжелый металлическій государственный гербъ, а изъ актовалаго зала былъ взятъ портретъ Государя Императора и отнесены процессіей сначала къ думѣ, а затѣмъ въ Софійскій Соборъ.

Въ этотъ второй день погрома, когда безчинства и развуданность толпы достигли своего апогея, преосвященный Платонъ, епископъ Чигиринскій, обратился къ разъяренной толпѣ съ пастырскимъ увѣщаніемъ, чтобы прекратить избиеніе и ограбленіе евреевъ. Въ теченіе дня владыка совершалъ крестный ходъ по улицамъ Подола, гдѣ разгромъ былъ особенно силенъ, и увѣщевалъ народъ прекратить безчинства. Умоляя толпу пощадить жизнь и имущество евреевъ, владыка нѣсколько разъ опускался передъ нею на колѣни. Во время одного изъ такихъ увѣщаній къ епископу изъ толпы подскочилъ какой-то громила и съ угрозой крикнулъ: „и ты за жидовъ!“.

Большинство, казалось, поддавались уговорамъ и мольбамъ пресвященнаго, но тутъ же раздавались голоса, что вужно бѣжать въ сосѣдній еврейскій магазинъ и взять оттуда кусокъ матеріи, чтобы разостлатъ ее на землѣ передъ владыкой, и немедленно часть сборища направилась туда для исполненія задуманнаго. По удаленіи крестнаго хода толпа опять устремилась на магазины и грабила ихъ опять. Погромъ продолжался до поздней ночи и прекратился самъ собою только потому, что уставшіе громили разошлись на покой. Въ этотъ же день рѣшено было громить не только еврейскіе дома, но и квартиры нѣкоторыхъ общественныхъ дѣятелей, извѣстныхъ своимъ либеральнымъ образомъ мыслей, какъ напр., кв. Трубецкого, Рузскаго и др. Объ этомъ Рузскому 19-го октября прислано неизвѣстнымъ лицомъ предупрежденіе съ приложеніемъ „проскрипціоннаго“ списка лицъ, дома которыхъ подлежали разгрому.

На слѣдующій день, 20 октября, погромъ возобновился по всему городу, при тѣхъ же условіяхъ и той же обстановкѣ, во принятыя, наконецъ, властями болѣе рѣшительныя мѣры дали положительныя результаты. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ, на Галицкомъ базарѣ, гдѣ погромъ былъ особенно силенъ, войска употребляли оружіе, при чемъ убито 5 человекъ и нѣсколько ранены. Не смотря на то, что съ утра были расклеены объявленія, запрещающія всякія процессіи и манифестаціи, по городу продолжали ходить патріотическія процессіи, а за ними шли громилы и уничтожали и расхищали вещи, оставшіяся еще въ магазинахъ. Но власти дѣйствовали уже активнѣе и не только разговяли грабителей, но и задержали ихъ. Къ ночи 20 октября погромъ прекратился, и на слѣдующій день проявлялись лишь единичныя попытки громить и грабить еврейское имущество. Въ теченіе дня нѣсколько разъ распускались неизвѣстными лицами слухи о готовящейся мести со стороны евреевъ: утверждали, будто евреи въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ собрались въ 10 верстахъ отъ Кіева и оттуда намѣрены отправиться вооруженные къ городу; развѣдка, произведенная войсками, опровергла этотъ слухъ. Такимъ же измышленіемъ было и извѣстіе о разгромленіи Голостѣвскаго монастыря и избіеніи всѣхъ монаховъ. Разслѣдованіе установило, что 19 октября, вечеромъ, дежурный околоточный надзиратель Дгорцоваго участка, при дѣловыхъ переговорахъ по телефону, случайно услышалъ разговоръ крѣпостного штаба съ какимъ-то служащимъ изъ пероксилинового склада. Кто-то приказывалъ послать патрули въ складъ, такъ какъ въ Голостѣвскомъ лѣсу собрались будто-бы евреи,

собиравшіеся осадить монастырь. Объ этомъ разговорѣ околоточный надзиратель доложилъ приставу, причеиъ докладъ слышалъ телеграфистъ полицейскаго участка. Подъ впечатлѣніемъ переживаемыхъ событій, телеграфистъ подѣлился этии свѣдѣніями со своимъ товарищемъ по службѣ, и затѣиъ весь разговоръ, въ видѣ преувеличенныхъ слуховъ о томъ, будто евреи подошли монастырь и взорвали пороховые погреба, былъ передавъ по полицейскому телеграфу въ Подольскій участокъ, создавъ легенду, вызвавшую всеобщую панику. Населеніе было такъ взволновано, что властямъ пришлось печатными объявленіями опровергать эти ложные слухи, такъ какъ грозили въ оправданіе своей преступной дѣятельности ссылаться на оскорбленіе евреями святыни. Опасеніе мести со стороны послѣднихъ было на столько сильно, что 20 октября, поздно вечеромъ, слухъ о томъ, что евреи рѣжутъ русскихъ, привелъ жителей въ полное сматеніе. Въ участки на Подольскъ и Лукьяновку прибѣгали полуодѣтые мужчины, женщины и дѣти, и, моля о помощи, клялись, что рѣзня уже началась. Пришлось экстренно посылать войска, чтобы успокоить перепуганныхъ жителей и убѣдить ихъ въ неосновательности подслыханныхъ слуховъ.

Наконецъ, 21 октября, въ городѣ сталъ постепенно восстанавливаться порядокъ, а 22 октября наступило полное успокоеніе. Открылись уцѣлѣвшіе магазины, трамваи начали обычное движеніе, и жизнь вошла въ нормальную колею. Лишь выбитыя стекла, расколотыя двери, разломанныя рамы, окончательно разграбленныя богатые магазины, въ которыхъ уцѣлѣли одни стѣны, полы и потолки, груды разбросанныхъ по улицамъ товаровъ, остатки мебели и домашней обстановки напоминали объ ужасахъ послѣднихъ трехъ дней.

Въ общемъ, по подсчету полнѣишъ и по даннѣиъ, установленнымъ окотрами судебныхъ слѣдошателей, бы о разграблено около полутора тысячъ еврейскихъ квартиръ и торговыхъ помѣщеній. Убытки отъ погрома, точную цифру которыхъ, въ виду отсутствія вполне опредѣленныхъ оффиціальныхъ свѣдѣній, установить не представилось возможнымъ, исчислялись въ нѣсколько миллионвъ рублей, такъ какъ почти двѣ трети всей торговли въ городѣ находились въ рукахъ евреевъ, обстановка же богатыхъ еврейскихъ особняковъ въ Липкахъ стоила десятки и сотни тысячъ рублей.

Выстрѣлы
изъ домовъ
и самообо-
рена.

Независимо отъ этихъ матеріальныхъ потерь, населеніе Кіева за время погрома понесло тяжелыя жертвы убитыми и ранеными. Еще вечеромъ 18 октября, при самомъ началѣ погрома, а затѣмъ и въ послѣдующіе дни, изъ многихъ домовъ стали раздаваться выстрѣлы. Въ большинствѣ случаевъ, выстрѣлы эти производились членами самообороны, организованной въ некоторыхъ домахъ какъ евреями, такъ и русскими, для защиты первыхъ отъ погрома и насилій. Таковыми выстрѣлами предполагалось устрашить громилъ и не допустить ихъ до вторженія въ магазины и частныя квартиры. Но, несомнѣнно, были случаи, когда подобные выстрѣлы направлялись въ войска и являлись актомъ мести за стрѣльбу ихъ во время демонстрацій. Нѣкоторые очевидцы положительно удостовѣряютъ, что были случаи, когда евреи стрѣляли и въ патріотическія процессіи, являвшіяся отвѣтомъ на предшествовавшія революціонныя манифестаціи. Самооборона и выстрѣлы въ войска и процессіи повели къ печальнымъ результатамъ. Нисколько не устрашая громилъ, они давали войскамъ формальное право дѣйствовать по инструкціямъ, еще раньше ими полученнымъ, когда власти боролись лишь съ революціонными проявленіями. Каждый разъ, какъ только изъ какого-либо дома раздавались выстрѣлы, находившаяся тутъ-же на улицѣ воинская часть, нерѣдко не разбирая, направлены ли пули въ нее, или въ громилъ, давали залпъ по окнамъ дома, послѣ чего толпа, считая, повидимому, что жильцы этого дома какъ-бы осужденны, а самъ домъ отданъ на разграбленіе, набрасывались на него и безпрепятственно грабили и причиняли насилія тѣмъ, кого заставляли въ квартирахъ. Бывали случаи, когда нѣкоторые дома подвергались обстрѣлу только потому, что громилы указывали на нихъ воинскимъ отрядамъ, заявляя, будто изъ домовъ этихъ стрѣляли. Въ иныхъ случаяхъ эти заявленія не проверялись, и воинскія части, вполне довѣряя имъ, тотчасъ же давали залпы по окнамъ такихъ домовъ; но случалось также, что такія указанія, какъ удостовѣряютъ два офицера, командовавшіе воинскими нарядами, — тщательно разслѣдовались и оказывались ложными. Бывало также, что сами громилы, взобравшись на лѣстницу какого-либо дома, стрѣляли оттуда на улицу, чтобы вызвать отвѣтныи залпъ воинской части и затѣмъ наброситься на домъ и разгромить его подтѣмъ предлогомъ, что изъ него кто-то осмѣлился стрѣлять въ „Царскія“ войска. Случаи такихъ, именно „провокаторскихъ“ выстрѣловъ положительно устанавливаетъ одинъ изъ офице-

то
ша.
мер
вям
того
рчи
перед
сзда
таль
меня:
въ оп
оскорб
сбдвн
вечеро
жителе
яновкъ
моля о
окстрен
жителе
ховъ.

Н
становл
коелге
ное дв
выбиты
челеню
лѣи од
улины
новнали
В
поллевы
блево ск
внх по
рыть, въ
свѣдѣн
лсь въ
упети

Тамъ... 18 и 21 октября, 61-го года... 25... 35... 2 офицера и 3

Примечаніе... 14 октября... 18 октября... 2 офицера и 3

войсками, и чинами полиціи. Картина погрома во всё дни и вездѣ была одна и та же: полиція почти отсутствовала, войска медленно двигалась посередвѣ улицы, дѣлательно обстрѣливая дома, изъ которыхъ раздавались выстрѣлы, а по обѣимъ сторонамъ улицъ промывались безпрепятственно еврейскіе мазаринны и квартиры, и на обращенныя къ солдатамъ просьбы частныхъ и должностныхъ лицъ получались стереотипные отвѣты: „намъ не приказано“. Такой же отвѣтъ былъ даже казачьимъ разѣздомъ на Большой Васильковской улицѣ даже исправлявшему должность губернатора д. с. с. Рафальскому, несмотря на то, что онъ былъ одѣтъ въ форменное пальто и сообщалъ казакамъ, что, какъ губернаторъ, онъ требуетъ прекращенія разгрома еврейскаго дома. Въ видѣ общей мѣры къ разрушеннымъ и разграбленнымъ, зиявшимъ пустотой магазинамъ обыкновенно приставлялся военный карауль, который, строго исполняя установленныя для караульных инструкции, считалъ своею обязанностью только стоять у разграбленныхъ мазаринновъ, не обращая вниманія на происшедшій иногда тутъ же, рядомъ, разгромъ и грабежъ. Случалось, что дозоръ или разѣздъ, охвачившій, по приказанію начальства, известную улицу, не считалъ себя въ правѣ защитить сосѣдную, гдѣ совершался вопіющій грабежъ, если даже тамъ, гдѣ находился дозоръ, въ это время и было совершенно спокойно. Такъ одинъ изъ товарищей прокурора, увидѣвъ на Прорѣзной улицѣ толпу громилъ, грабившихъ магазины „Версаль“ и б. Копѣйкина, обратился къ проѣзжавшему по сосѣдней улицѣ, Большой Владимірской, казачьему разѣзду съ просьбой о помощи. Казаки отвѣтили, что туда не поѣдутъ, такъ какъ это не ихъ участокъ. Подшедшій вслѣдъ за тѣмъ къ Прорѣзной улицѣ взводъ пѣхотнаго полка тоже совершенно базучастно отнесся въ охранѣ упомянутыхъ магазиновъ, и когда одинъ изъ свидѣтелей этого разгрома обратилъ на него вниманіе унтеръ-офицера, послѣдній возразилъ, что ему приказано ходить лишь взадъ и впередъ по улицѣ. При разгромѣ въ Пассаждѣ даже городовому, обратившемуся за содѣйствіемъ къ проходившему патрулю, было отказано по такой же причинѣ. На подобную же просьбу одного изъ чиновъ судебного вѣдомства шедшій съ патрулемъ унтеръ-офицеръ отвѣтилъ: „мы идемъ съ дежурства въ казармы и намъ приказано не вѣшиваться въ толпу“.

Одинъ изъ свидѣтелей былъ очевидцемъ, какъ на Сѣновомъ базарѣ городской, обвязавъ пашку, разогналъ громилъ. Въ это время прешелъ патруль и остановился около лавокъ-

ровъ, командовавший воинской частью. Такая взаимная перестрѣлка продолжалась во всѣ дни погрома, вследствие чего съ обѣихъ сторонъ было немало раненыхъ и убитыхъ. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ полиціей, съ 18 по 21 октября, было убито 47 человекъ, въ томъ числѣ евреевъ 25%, равно 205 человекъ, изъ которыхъ евреевъ — 35%. Однако цифры эти нельзя призвать точными, такъ какъ было замѣчено, что убитые и раненые уносились тономъ. Изъ воинскихъ чиновъ, находившихся въ нарядѣ, во время еврейскаго погрома, считая съ вечера 18 октября, было убито 2 офицера и 3 нижнихъ чина подверглись пораненіямъ и ушибамъ.

Дѣйствіи
чиновъ по-
лиціи и вой-
скъ не пре-
кращенію
еврейскаго
погрома.

Переходя къ разсмотрѣнію тѣхъ мѣръ, которыя принимались мѣстными властями для предупрежденія и прекращенія еврейскаго погрома, необходимо имѣть въ виду, что насилія надъ личностью и открытое разграбленіе имущества возникли и продолжались въ теченіе трехъ дней въ то время, когда охрана города фактически находилась въ вѣдѣніи военныхъ властей. Многотысячный гарнизонъ былъ не только наготовѣ, но городъ былъ заранѣе раздѣленъ на участки, въ главѣ которыхъ назначены были отдѣльные военные начальники. Еще съ 14 октября, какъ упомянуто раньше, — генераль-адъютантъ Клейгельсъ счелъ уместнымъ, согласно 16 ст. правилъ о призывѣ войскъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ, передать военному начальству „свои полномочія“. Съ этого дня охрана города была возложена на начальника 21 армейскаго корпуса генераль-лейтенанта Драге. Городъ еще до этого былъ подраздѣленъ на три отдѣла, въ первомъ — генераль-маіору Третьякову, во второмъ — генераль-маіору Везову и третьемъ — генераль-лейтенанту Элерту. Каждый отдѣлъ дѣлился на районы, причемъ въ опредѣленныхъ пунктахъ были сосредоточены необходимыя воинскія части. Несмотря на всѣ эти, заблаговременно сдѣланныя, распоряженія, еврейскій погромъ, возникшій вечеромъ 18 октября, длился три дня и повлекъ за собою многочисленныя жертвы и огромныя убытки. Онъ прекратился только тогда, когда всѣ или почти всѣ еврейскіе магазины и множество кварталъ были разгромлены и разграблены.

По свѣдѣтельству очевидцевъ, — которыхъ были чуть ли не всѣ жители города, и по отзывамъ должностныхъ лицъ, въ дни погрома поражало то несомнѣнное для всѣхъ, близкое къ попустительству бездѣйствіе, которое было проявлено и

войсками, и чинами полкѣн. Картина погрома во всѣ дни и вездѣ была одна и та же: полнїя почти отсутствовала, войска медленно двигались посередѣ улицъ, дѣлательно обстрѣливая дома, изъ которыхъ раздавались выстрѣлы, а по обѣимъ сторонамъ улицъ трюмились безпрепятственно еврейскіе магазины и квартиры, и на обращенныя къ солдатамъ просьбы частныхъ и должностныхъ лицъ получались стереотипные отвѣты: „намъ не приказано“. Такой же отвѣтъ былъ давнѣе казачьимъ разъѣдомъ на Большой Васильковской улицѣ даже исправлявшему должность губернатора д. с. с. Рафальскому, несмотря на то, что онъ былъ одѣтъ въ форменное пальто и сообщалъ казакамъ, что, какъ губернаторъ, онъ требуетъ прекращенія разгрома еврейскаго дома. Въ видѣ общей мѣры, къ разрушеннымъ и разграбленнымъ, зиявшимъ пустотой магазинамъ обыкновенно приставлялся военный караулъ, который, строго исполняя установленныя для караульных инструкціи, считалъ своею обязанностью только стоять у разграбленныхъ магазиновъ, не обращая вниманія на происходившій иногда тутъ же, рядомъ, разгромъ и грабежъ. Случалось, что дозоръ или разъѣздъ, охулявшій, по приказанію начальства, известную улицу, не считалъ себя въ правѣ защитить сосѣднюю, гдѣ совершался вопіющій грабежъ, если даже тамъ, гдѣ находился дозоръ, въ это время и было совершенно спокойно. Такъ одинъ изъ товарищей прокурора, увидѣвъ на Прорѣзной улицѣ толпу громилъ, грабившихъ магазины „Версаль“ и 6. Копѣйкинъ, обратился къ проѣзжавшему по сосѣдней улицѣ, Большой Владимірской, казачьему разъѣзду съ просьбой о помщи. Казаки отвѣтили, что туда не поѣдутъ, такъ какъ это не ихъ участокъ. Подшедшій вслѣдъ за тѣмъ въ Прорѣзной улицѣ взводъ пѣхотнаго полка тоже совершенно базучастно отнесся къ охранѣ упомянутыхъ магазиновъ, и когда одинъ изъ свидѣтелей этого разгрома обратилъ на него вниманіе унтеръ-офицера, послѣдній возразилъ, что ему приказано ходить лишь взадъ и впередъ по улицѣ. При разгромѣ въ Пассажѣ даже городскому, обратившемуся за содѣйствіемъ къ проходившему патрулю, было отказано по такой же причинѣ. На подобную же просьбу одного изъ чиновъ судебного вѣдомства шедшій съ патрулемъ унтеръ-офицеръ отвѣтилъ: „мы идемъ съ дежурства въ казармы и намъ приказано не вѣшиваться въ толпу“.

Одинъ изъ свидѣтелей былъ очевидецъ, какъ на Сѣновомъ базарѣ городской, обнявъ шашку, разогналъ громилъ. Въ это время прѣшелъ патруль и остановился около лавокъ-

Городовой, увѣренный въ томъ, что лавканы съ приходомъ патруля, болѣе не угрожаютъ опасностью, удалился для обхода своего района. Чуть онъ ушелъ, толпа громилъ на глазахъ солдатъ, не препятствовавшихъ грабежу, разгромила лавки и расхитила товары.

На томъ же Съвномъ базарѣ такой-то господинъ, видя, что патруль спокойно смотритъ на разграбленіе аптекарскаго магазина, не принимая мѣръ въ его защитѣ, спросилъ солдатъ, веужели имъ не приказано прибѣгать къ оружію для прекращенія безпорядковъ. Солдаты отвѣтили: "нѣтъ, не приказано; приказано смотрѣть, чтобы драки не было и чтобы русскихъ не били".

Для характеристики дѣйствій войскъ и чичовъ полиціи во время погрома достаточно привести нижеслѣдующіе факты, рисующіе полную бездѣятельность полицейской и воеванной власти, разрѣшавшихъ въ своемъ присутствіи открыто разрушать и грабить магазины и квартиры, оставшіяся безъ всякой защиты:

а) 19 октября происходилъ разгромъ дома Льва Бродскаго. Напротивъ передъ домомъ губернатора въ это время стояли полицейскіе чины, отрядъ пѣхоты съ офицеромъ и поперекъ улицы расположилась кавалерія, обривовивъ съ пѣхотой треугольникъ. Въ этомъ треугольникѣ оказалась толпа громилъ. Они совершенно спокойно разбивали окна и двери, выкидывали мебель, уносили вещи, и никто изъ присутствовавшихъ при этомъ разгромѣ не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки разогнать и задержать грабителей. Эти обстоятельства категорически установлены цѣлымъ рядомъ свидѣтелей, получившихъ впечатлѣніе, будто чины полиціи и войска присланы были не для расхвата, а для охраны громилъ.

б) Одинъ изъ городскихъ удостовѣрилъ при допросѣ у судейскаго слѣдователя, что 19 октября на Прорѣзной улицѣ во время разгрома магазиновъ проѣзжали 2 или 3 казака, слѣдившіе лишь затѣмъ, чтобы не было выстрѣловъ въ грабителей. Не будучи въ силахъ одинъ справиться съ громилками, городской спросилъ казаковъ, затѣмъ они ѣдутъ до улицамъ и не разгоняютъ громилъ. Затѣмъ, — отвѣтили казаки, — чтобы никто не стрѣлялъ въ громилъ изъ оконъ и съ балконовъ и чтобы они не подрались между собою".

в) По заявленію одного околоточнаго надзирателя, когда, по его приказанію, въ одномъ изъ домовъ были задержаны громилы, подѣхалъ какой-то казачій офицеръ и заявилъ-

что изъ разгромленнаго дома стрѣляли по казакамъ, поэтому громилъ и предоставлена возможность разорить этотъ домъ.

г) По донесенію участковаго товарища прокурора, въ Подольскомъ полицейскомъ участкѣ мимо одного изъ городскихъ свободно проходили разные лица, унося награбленныя вещи. Когда же товарищъ прокурора спросилъ городского, почему онъ не задерживаетъ похитителей, онъ отвѣтилъ, что теперь этого дѣлать нельзя, такъ какъ начальство противъ этого: „самъ приставъ былъ при началѣ погрома и вечаго никому не говорилъ“. То же происходило, по донесеніямъ чиновъ прокурорскаго надзора, на Софійской и Львовской улицахъ и въ Рыльскомъ переулкѣ.

д) Одинъ изъ товарищей прокурора былъ свидѣтель, какъ при разгромѣ дома на Жилианской улицѣ выбѣжалъ избитый и окровавленный еврей, преслѣдуемый толпой. Стоявшая тутъ же рота не обратила на это никакого вниманія и спокойно направилась вверхъ по улицѣ. Только послѣ настоячивыхъ просьбъ товарища прокурора она вернулась къ мѣсту погрома, гдѣ тогда уже оказалось вѣскольکو раненныхъ и избитыхъ.

е) Въ присутствіи двухъ городскихъ 19 октября толпа человекъ въ 50 грабала магазинъ въ Пассажд. Бывшій тутъ же чиновникъ предложилъ городовымъ принять мѣры къ разсѣянію громами; на это они отвѣтили: „что мы можемъ сдѣлать съ такой толпой?“, а на совѣтъ призвать на помощь солдатъ, добавили: „мы дѣлаемъ, что приказано“. Въ это время мимо проходилъ патруль подъ командой фельдфебеля, который на заявленіе свидѣтеля также не обратилъ никакого вниманія и повелъ свою часть вверхъ по улицѣ.

ж) Смотритель Народнаго дома—офицеръ запаса—видѣлъ, какъ грабители ножками отъ столовъ въ буквальномъ смыслѣ убивали двухъ евреевъ; тутъ же, въ 10 шагахъ, стоялъ кавалерійскій разъѣздъ, спокойно осмотрѣвшій на эту дикую расправу и не сдѣлавшій ни шага для спасенія евреевъ.

Можно было было бы привести цѣлый рядъ заявленій о подобныхъ же случаяхъ проявленія какъ войсками, такъ и чинами полиціи полнаго бездѣйствія при самомъ вопіющемъ насилии и открытомъ грабежѣ. Но описанія эти, не прибавляя болѣе яркихъ красокъ къ картинѣ погрома, являлись бы лишь повтореніемъ извѣстныхъ уже фактовъ, рисующихъ отвращеніе военныхъ и полицейскихъ чиновъ къ еврейскому погрому.

20 октября военными властями было, наконецъ, сдѣла-
но распоряженіе „опѣплять и задерживать всѣхъ громилъ“, и
съ этого дня погромъ былъ быстро подавленъ и къ вечеру
прекращенъ. До этого распоряженія нѣкоторые офицеры счи-
тали себя бессильными прекратить беспорядки, находя, что
употребить оружіе они могутъ лишь тогда, когда насильствен-
ныя дѣйствія громилъ будутъ направлены противъ войскъ,
очевидно забывая при этомъ объ объявленіи генерала Драке,
изданномъ еще 14 октября и предупреждавшемъ, что „при
нарушеніи общественнаго порядка въ городѣ будетъ употре-
блено въ дѣло оружіе“. Благодаря такому помянутому своимъ
обязанностей, создалось положеніе, при которомъ военные до-
зоры и разѣзды признавали возможнымъ оставаться въ по-
ложеніи постороннихъ зрителей въ то время, когда на ихъ
глазахъ совершались убійства, грубое насиліе надъ личностью,
разгромъ и открытый грабёжъ. Чины же полиціи, ссылаясь на
состоявшуюся передачу гражданскимъ начальствомъ „его пол-
номочій“ въ руки военныхъ властей, на обращенное къ нимъ
требованіе прекращать беспорядки возражали, что они ничего
не могутъ сдѣлать, такъ какъ вся власть перешла къ воен-
ному начальству.

А между тѣмъ прекратить погромъ, какъ показали даль-
вѣйшія событія—и какъ видно изъ дѣйствій нѣкоторыхъ во-
енныхъ начальниковъ и чиновъ полиціи, возможно было безъ
особыхъ усилій. Достаточно было издать 20 октября приказъ
о задержаніи громилъ и строго наблюдать за точнымъ его
исполненіемъ, и погромъ,—безъ частаго даже употребленія ору-
жія,—къ вечеру былъ прекращенъ. На слѣдующій день утромъ
повторялись лишь рѣдкія единичныя попытки къ его возобно-
вленію, но они тотчасъ же были подавляемы энергичными мѣ-
рами. Еще накануне солдаты безучастно смотрѣли на разгромъ
еврейскаго магазина и на упрекъ одного изъ очевидцевъ въ
бездѣйствіи возражали: „Развѣ вы хотите, чтобы мы были
клятвопреступниками? Мы присягали Богу и Государю, а вы
хотите, чтобы мы защищали тѣхъ, которые изорвали Царскіе
портреты и надругались надъ ними и Государемъ“. Но уже
на слѣдующій день, повинувшись приказу, я вѣрные своему долгу,
тѣ же солдаты стрѣляли въ громилъ и задерживали ихъ, хотя
и слышали отъ погромщиковъ упреки: „а гдѣ вы раньше были?
Что вы не стрѣляли тогда, когда Царскіе портреты рвали, да
вензеля и короны ломали?“ Долгъ службы заставлялъ ихъ, за-
бывъ личное чувство негодованія и внутреннее можетъ быть
сочувствіе громиламъ, точно исполнять приказаніе начальства,

вслѣдствіе чего насилія и грабежамъ былъ положенъ конецъ. По свидѣтельству полуротнаго командира, дѣйствовавшаго у думы, солдаты все время оказывали полное повиновеніе и энергично, когда получали приказанія, разгоняли толпу прикладами. Разогнать громилъ было не трудно, такъ какъ отъ одной лишь команды взять ружья на изготовку толпа мгновенно разбѣгалась. Одинъ учитель былъ очевидецъ, какъ группа громилъ бросилась бѣжать лишь отъ одного окрика какого-то полицейскаго чиновника: „Что вы дѣлаете? Развѣ это можно дѣлать? Расходитесь!“ Другая группа мгновенно отхлынула отъ магазина, когда патруль, растянувшись цѣпью, заигралъ въ рожокъ. Начальникъ Кіевской сыскной полиціи, лично защищавшій свѣй домъ, въ которомъ жили евреи, отъ разгрома, былъ очевидецъ того, какъ толпа грабившихъ разбѣгалась при каждомъ появленіи казачьяго разъѣзда изъ 2—3 человекъ. Прапорщикъ запаса Дронниковъ, по удостовѣренію того-же начальника сыскной полиціи, разъѣжая верхомъ на лошади, много разъ, безъ посторонней помощи, разгонялъ большія скопища грабителей и, если бы находившіяся тутъ же войска окружили и задержали послѣднихъ, то на Александровской улицѣ погромъ былъ бы немедленно прекращенъ. Многія частныя лица были свидѣтелями, какъ громилы разбѣгались при одномъ появленіи дозорной и разъѣздовой, но затѣмъ, никѣмъ не задерживаемые, тотчасъ же вновь собирались и начинали грабить, какъ только воинскія части скрывались изъ вида. На Марининско-Благовѣщенской улицѣ толпа бросилась бѣжать, услышавъ свистокъ, данный полицейскимъ прапорщикомъ. На Большой Васильковской улицѣ она бѣжала на протяженіи цѣлаго квартала подъ натискомъ пристава, преслѣдовавшаго громилъ съ револьверомъ въ рукѣ и съ однимъ только городовымъ. Но особенно яркій примѣръ того, что при желаніи можно было достигнуть съ самыми небольшими средствами, показалъ околоточный надзиратель Остроменскій. Съ 3-мя городовыми и нѣсколькими солдатами, даже не прибѣгая къ оружію, онъ защитилъ весь свѣй околотокъ отъ разгрома, за что жители этого участка поднесли ему черезъ губернатора золотые часы. Къ сожалѣнію, лучши таковой энергичной защиты евреевъ отъ насилія и грабежа, были единичными.

Кромѣ слѣдствія, проявленнаго нижними чинами полиціи и войскъ, отношеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ къ еврейскому погрому выразилось также и въ прямомъ участіи въ грабежѣ и расхищеніи выброшенныхъ изъ магазиновъ товаровъ. Многочисленныя заявленія частныхъ лицъ, а также очевидцевъ

при оружій, уносивших иногда прямо съ мѣста погромовъ разные товары или отбравшихъ ихъ у громилъ, постороннія лица, не зная о послѣдовавшемъ распоряженіи, были вполне увѣрены, что солдаты дѣйствуютъ изъ корыстныхъ побужденій и предполагаютъ воспользоваться чужимъ добромъ. Между тѣмъ, благодаря этимъ распоряженіямъ, отъ почитателей было отобрано на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей разныхъ вещей и товаровъ, переданныхъ затѣмъ подъ росписки уполномоченнымъ отъ еврейской общины. Въ одномъ только складѣ при всенародномъ судѣ было собрано болѣе пяти тысячъ предметовъ, въ томъ числѣ много цѣльныхъ кусковъ сукна и 36 молчихъ издѣлій изъ серебра. Изъ одного изъ такихъ складовъ уполномоченнымъ было вывезено такихъ вещей на трехъ возахъ.

Дѣйствія и Еще 12 октября 1905 г., въ виду ожидавшихъ распоряженія безпорядковъ, начальникомъ охраны города Кіева начальнииа охраны горед. былъ назначенъ командиръ 21 армейскаго корпуса да генераль-генераль-лейтенантъ Драке. Послѣ передачи генераль-лейтенанта раль-губернаторомъ Клейгельсомъ своихъ полномочій военному начальству, временно командующій войсками Кіевскаго округа генераль-лейтенантъ Карассъ предложилъ генералу Драке при возникновеніи какихъ либо безпорядковъ въ Кіевѣ немедленно „принять самыя энергичныя мѣры къ подавленію ихъ и, въ случаѣ надобности, употребить въ дѣло оружіе“. Въ тотъ же день генераль Драке приказалъ по всему городу расклеить объявленія, предупреждавшія жителей о воспрещеніи всякихъ сборищъ на улицахъ и площадяхъ и о томъ, что, при нарушеніи общественнаго порядка, будетъ употреблено въ дѣло оружіе. Несмотря однако на всѣ эти мѣры и на инструкцію, изданную еще 20 августа 1905 г. на случай безпорядковъ въ г. Кіевѣ, еорейскіе погромы, возникшіе 18 октября и длившіеся до 21 октября, застали военную охрану города неподготовленной и неудовлетворявшей своему назначенію. Растерянность и бездѣйствіе войскъ было очевиднымъ для всѣхъ и продолжалось до 20 октября, — до дня, когда, благодаря настоятельнымъ указаніямъ временно командующаго войсками, были, наконецъ, приняты необходимыя мѣры къ прекращенію погрома. Начиная съ 15 по 18 октября включительно, подполковникъ Самойло лично неоднократно передавалъ генералу Драке приказанія генерала Карасса дѣйствовать при подавленіи безпорядковъ оружіемъ самымъ рѣшительнымъ образомъ и принять мѣры къ охранѣ разныхъ учреждений, а въ частности почтово-телеграфной конторы. По этому повелу

генералъ Драке доведъ, что всѣ предложенныя ему мѣры нѣ уже лично приняты. Между тѣмъ по провѣркѣ охраны телеграфной конторы, въ которую, по словамъ генерала Драке, была послана полурота при офицерѣ, подполковникъ Самойло наметъ у входа въ контору нѣсколько рядовыхъ съ унтеръ-офицеромъ, при чемъ послѣдній не зналъ, въ чемъ именно заключаются его обязанности. 18 октября, между 9 и 10 часами вечера, когда уже получены были свѣдѣнія о погромѣ, возникшемъ на Подолѣ, тотъ же подполковникъ Самойло лично перемалъ генералу Драке приказаніе начальника штаба дѣйствовать рѣшительно. Не смотря на это, дѣйствія войскъ и послѣ такого приказанія остались тѣ же, вслѣдствіе чего въ теченіе всего дня, 19 октября, по удостовѣренію начальника штаба округа, генералу Драке неоднократно подтверждались по телефону распоряженія генерала Карасса о принятіи болѣе рѣшительныхъ мѣръ къ прекращенію беспорядковъ. Такое же предписаніе было передано ему въ 6¹/₂ часовъ вечера того же 19 октября и на словахъ генераломъ Рутковскимъ. Тѣмъ не менѣе охрана города даже 20 октября была настолько не удовлетворительна, что генералъ Мавринъ, пройдя между 6 и 7 часами утра по Крешатику, лично убѣдился, что со стороны генерала Драке не проявлено должной распорядительности для надлежашей, правильной организаціи охраны. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить разгромъ и разграбленіе указаннаго уже раньше рдмсленнаго училища имени Бродскаго. Еще наканунѣ вечеромъ, 18 октября, Левъ Бродскій, получивъ свѣдѣнія, что ночью собираются громить это училище, былъ лично у генерала Драке и просилъ принять мѣры къ охранѣ училища, что ему и было обѣщано. 19-го октября утромъ начался разгромъ этого учебнаго заведенія и продолжался вплоть до 20 октября включительно, причемъ не только все было разрушено, но увезены даже обломки мебели, хотя заступавшій училищемъ и телефонировалъ начальнику охраны о помощи. Отсутствие надлежашей организаціи охраны города было очевидно даже для не военныхъ. Такъ, управляющій Кіевской конторой государственнаго банка, 20 октября сообщалъ письмомъ генералу Драке, между прочимъ, что войска „безцѣрно разсыяны“, а потому и не въ состояніи справиться со своею задачею. Письмо это вызвало рѣзкій отвѣтъ генерала Драке; онъ отвѣтилъ, что объ немъ намѣренъ пользоваться совѣтами, такъ какъ предполагаетъ руководствоваться указаніями своего начальства и своихъ крайнихъ разумѣній. Между тѣмъ указаніе управляющаго конторой государственнаго банка

о „чрезмѣрной разбѣяности“ войскъ въ тотъ же день дано подтвержденіе въ приказѣ вр. командующаго войсками округа. Производя въ этотъ день, 20 октября, осмотръ нѣкоторыхъ частей города, генераль-лейтенантъ Каррасъ нашелъ, что войска „несоотвѣтственно разбросаны мелкими командами“, что на улицахъ „масса лишнихъ патрулей“, причѣмъ „люди часто стоятъ безъ дѣла у воротъ и напрасно утомляются“, что „порядокъ охраны не выработанъ сообразно мѣстнымъ условіямъ“ и что „начальствующія лица несоотвѣтственно относятся къ дѣлу охраны, а многіе и не знаютъ, какое имъ дано назначеніе“. Послѣ всѣхъ этихъ указаній и постоянныхъ настоячивыхъ требованій дѣйствовать энергичнѣе, генераль Драке призналъ, наконецъ, возможнымъ отдать 20 октября за № 12 приказъ, въ которомъ объявилъ войскамъ охраны города, что для прекращенія безпорядковъ онъ считаетъ необходимымъ „тулгановъ и громить здерживать“, а потому предписываетъ „буйствующимъ и грабящимъ дома, лавки и квартиры какъ на базарахъ, такъ и на улицахъ и въ домахъ окружать воинскую часть и немедленно препровождать“ въ полицейскіе участки и другіе мѣста заключенія. Приказъ этотъ былъ повторенъ и 21 октября. Только послѣ этого предписанія войска стали дѣйствовать энергично, благодаря чему, а также строгимъ мѣрамъ, принятымъ генераломъ Каррасомъ въ отношеніи кievскаго полиціймейстера, къ ночи 20 октября погромъ былъ прекращенъ и утромъ 21 октября возобновлялся лишь въ видѣ рѣдкихъ, единичныхъ проявленій, немедленно подавляемыхъ. Въ объясненіяхъ своихъ, представленныхъ въ штабъ округа, генераль Драке ссылался, между прочимъ, на сравнительную малочисленность войскъ, не дававшая возможности быстро прекращать безпорядки. Основательность этого соображенія, однако, опровергается, съ одной стороны, приведенными примѣрами распорядительности отдѣльныхъ должностныхъ лицъ, прекращавшихъ погромы собственными средствами, а съ другой —, результатами, достигнутыми самимъ генераломъ Драке, когда съ тѣмъ же самымъ количествомъ войскъ 20 октября, благодаря указаніямъ вр. командующаго войсками, были, наконецъ, приняты рѣшительныя мѣры, и безпорядки были немедленно подавлены.

Дѣйствія и распоряженія начальника II отдѣла охраны города — генераль-майора Безсонова.

Изъ трехъ отдѣловъ охраны города наибольшаго пострадалъ второй, гдѣ начальникомъ охраны былъ генераль-майоръ Безсоновъ и куда, между прочимъ, входилъ весь Подольскій и Старо-Кіевскій участки. Какъ на Подольскій, такъ и въ этотъ участкѣ расположены самыя богатыя и солидныя еврейскія торговыя фирмы, новостія оъ разгрома милліонныя убытки. Насколько дѣйствія начальниковъ двухъ другихъ отдѣловъ охраны города — перваго и третьяго — были направлены по возможности къ прекращенію безпорядковъ, настолько, наоборотъ, бездѣятельно было отношеніе генераль-майора Безсонова къ совершавшимся на его глазахъ разгрому и грабежамъ. По свидѣтельству прапорщика Телиховскаго, находившагося въ нарядѣ въ думѣ, гдѣ было сосредоточено до 450 живыхъ чиновъ при четырехъ офицерахъ и батальонномъ командирѣ подполковникѣ Гейерѣ, генераль-майоръ Безсоновъ пріѣхалъ въ думу около 8 часовъ утра 19 октября. Пробывъ некоторое время, онъ вышелъ на площадь, гдѣ и оставался почти все время. вмѣстѣ съ генераломъ вышли и всѣ офицеры, не получивъ никакихъ инструкцій относительно прекращенія погрома. Въ это время, въ присутствіи какъ самаго генерала, такъ и офицеровъ, а также вышедшихъ изъ думы живыхъ чиновъ, громилы и грабили магазины, расположенные въ сосѣднихъ домахъ по обѣимъ сторонамъ думы. Генераль Безсоновъ спокойно смотрѣлъ на происходившій погромъ, не привинявъ никакихъ мѣръ къ его прекращенію. Солдаты, не получая приказаній, группами бродили среди толпы, не зная, что дѣлать. Нѣкоторые изъ нихъ начали даже грабить вмѣстѣ съ толпой. Замѣтивъ это, прапорщикъ Телиховскій сталъ усовѣщивать ихъ, и они тотчасъ же бросали похищенныя вещи. Въ это время къ думѣ подошла патриотическая процессія съ національными флагами и портретомъ Государя Императора. На балконѣ думы былъ посланъ оркестръ музыки, заигравшій народный гимнъ; толпа крикнула „ура“, а затѣмъ раздалась крики: „бей жидовъ!“ Намъ дана Царская милость; позволено бить жидовъ 6 дней“. Подъ видомъ патриотической манифестаціи грабежъ еврейскихъ магазиновъ продолжался безпріпятственно. Генераль-же Безсоновъ стоялъ въ толпѣ громилъ и мирно бесѣдовалъ съ ними: „громить можно, говорилъ онъ, но грабить не слѣдуетъ“. Громилы кричали „ура“ и съ-чѣмъ-то поздравляли генерала.

Описанныя происшествія у думы и отношенія къ нимъ генерала Безсонова, независимо отъ объясненій прапорщика

Телиховскаго, установлены заявленіями вѣсколькихъ очевидцевъ, заслуживающихъ Полнаго довѣрія по общественному ихъ положенію.

Такъ, товарищъ прокурора Плевнявниковъ, состоявшій тогда на военной службѣ прапорщикомъ запаса, проходя 19 октября по Крещатику, былъ свидѣтелемъ разгрома и разграбленія магазина Каравтайвалы, около думы. Громилъ было не болѣе 50 человекъ. Тутъ-же, противъ магазина, стоялъ воинскій нарядъ съ подполковникомъ и поручикомъ, а затѣмъ подошелъ и генералъ Безсоновъ. Видя, какъ безучастно послѣдній относится къ погрому, не отдавая никакихъ распоряженій, вѣскольکو человекъ изъ публики, обратились съ просьбою къ генералу принять, наконецъ, мѣры къ защитѣ имущества евреевъ и восстановленію порядка. Но генералъ, не обращая никакого вниманія на эти просьбы и замѣтивъ, что не позволитъ дѣйствовать силою противъ толпы, громящей еврейское имущество, продолжалъ оставаться хладнокровнымъ зрителемъ грабежа. Когда же одинъ изъ громилъ крикнулъ: „бей жидовъ!“ онъ въ отвѣтъ одобрительно засмѣялся. Видя такое отношеніе начальства къ погрому, чернь съ еще болѣею энергіей стала расхищать имущество евреевъ. Свидѣтелями открытаго грабежа, совершавшагося у думы въ присутствіи войскъ, были также инженеръ Бяликъ, коллежскій совѣтникъ Дрогичинскій и другіе. По показанію одного изъ очевидцевъ, когда солдаты, стояшіе у думы, бросились было на громилъ, офицеръ, командовавшій отрядомъ, крикнулъ „назадъ“, солдаты вернулись, и разгромъ продолжался безпрепятственно. Спустя вѣкоторое время, тотъ-же товарищъ прокурора, замѣтивъ, что погромъ перешелъ уже на Крещатикъ, обратился къ подѣхавшему къ думѣ какому-то поручику, бывшему въ нарядѣ, съ просьбой послать противъ толпы хотя-бы взводъ солдатъ; поручикъ отвѣтилъ, что людей у него нѣтъ, а начальство приказываетъ смотрѣть на еврейскій погромъ сквозь пальцы.

Управляющій канцеляріей генералъ-губернатора д. с. с. Молчановскій, проѣжая мимо думы и видя разгромъ, совершавшійся въ присутствіи роты солдатъ и бывшего тутъ-же генерала Безсонова, остановилъ извозчика и, подобая къ генералу, съ которымъ и раньше былъ знакомъ, замѣтилъ: Ваше превосходительство, идетъ погромъ, мѣры не принимаются—какъ прикажете понимать это? „Какой-же это погромъ?—отвѣтилъ генералъ, это—манifestація“. На возраженіе-же Молчановскаго, что это не манифестація, а днев-

ной грабежъ, генералъ Безсоновъ спросилъ: „А зачѣмъ они вертели Царскій портретъ?“

Предсѣдатель съѣзда мировыхъ посредниковъ былъ свидетелемъ, какъ проходившая мимо дуны какая-то женщина подобрала кусокъ сукна, выброшенный громилами изъ сосѣдняго магазина. При видѣ этого генералъ Безсоновъ проницательно замѣтилъ: „развѣ это грабежъ? вѣдь это находка“. Затѣмъ, выражая свое негодованіе по поводу вызывающаго въ послѣднее время поведенія евреевъ, онъ сказалъ, что, въ виду этого, онъ не спѣшитъ съ исполненіемъ просьбы евреевъ о присылкѣ войскъ для ихъ защиты и стрѣлять въ громилъ не приказывалъ, потому что они все-бы развѣсли, а „евреевъ вотреплютъ, но это—дѣло важное, а жизни не вернешь“.

Начальникъ кievской сыскной полиціи Рудой видѣлъ какъ 19 октября, около 3 часовъ дня, на Подоль пріѣхалъ въ экипажѣ съ какими-то полковникомъ генералъ Безсоновъ, въ сопровожденіи казаковъ, и остановился у разграбленнаго магазина. Когда по его требованію, громилы окружили его экипажъ, онъ обратился къ нимъ съ рѣчью, которую слышалъ также одинъ изъ агентовъ сыскной полиціи: „Братцы, вы уже дали достаточный отпоръ евреямъ. Вы доказали, что русскій народъ умѣетъ постоять за своего Царя. Довольно бушевать: если вы и завтра будете громиль, то мы употребимъ силу“. На эту рѣчь громилы отвѣтили крикомъ: „ура“ и, чтобы не терять времени, принялись еще съ бѣльшимъ жесточеніемъ грабить, такъ какъ поняли слова генерала въ томъ смыслѣ, что грабежъ разрѣшенъ только до 8 часовъ утра слѣдующаго дня.

По удостовѣренію доктора медицины Рубинштейна, генералъ Безсоновъ 20 октября сказалъ его товарищу, также доктору, что „если-бы онъ хотѣлъ, погнать окончи (сл-бы въ полчаса, но евреи приняли слишкомъ большое участіе въ революціонномъ движеніи и потому должны поплатиться“.

Прапорщикъ Телиховскій, утромъ 23 октября, находясь въ штабѣ 21 армейскаго корпуса, слышалъ, какъ генералъ Безсоновъ, перейдя отъ телефона къ группѣ офицеровъ, объявилъ, что изъ штаба округа ему приказано немедленно выслать полсотни казаковъ для охраны редакціи „Кіевскіе Отклики“, но онъ съжалѣеть объ этомъ и желалъ-бы, чтобы казаки опоздали, давъ возможность разнести редакцію. Затѣмъ, выславъ казаковъ, генералъ замѣтилъ: „Интересно-бы узнать, кто раньше поспѣлъ—полсотня или черная сотня“.

Генералъ-лейтенантъ Мавринъ, пройдя равнинъ утромъ 20 октября по Крещатику, лично убѣдился въ отсутствіи должной организаціи охраны въ отдѣлѣ, вѣренномъ генералу Безосову, онъ доложилъ объ этомъ генералу Карассу, которому тогда-же д. с. с. Молчановскій—сообщилъ сущность своей бесѣды съ генераломъ Безосовымъ. Вслѣдствіе этого генералъ Карассъ, вызвавъ 20 октября Безосова, предложилъ ему принять, наконецъ, энергичныя мѣры въ прекращеніи погрома, замѣтивъ, при этомъ, что въ послѣдній разъ предупреждаетъ его объ обязанности исполнять его приказанія и дѣйствовать рѣшительно. Генералъ Безосовъ оправдывался тѣмъ, что ради „жидовскихъ перинъ“, не рѣшался стрѣлять и биться своей совѣсти. На это генералъ Мавринъ возразилъ, что дѣло не въ одной стрѣлбѣ, и что въ большинствѣ случаевъ можно обойтись и безъ нея.

Въ затребованномъ военнымъ начальствомъ отъ генерала Безосова объясненіи, онъ заявилъ, что никакихъ разговоровъ во время еврейскаго погрома у думы ни съ кѣмъ не велъ и въ бесѣдѣ съ д. с. с. Молчановскимъ не называлъ грабежа патриотической манифестаціей. Къ толпѣ онъ, дѣйствительно, обращался съ рѣчью, приблизительно слѣдующаго содержанія: „Русскіе люди! Жиды вчера рвали Царскіе портреты. Они глубоко оскорбили русское чувство преданности Царю и Родивѣ. Сегодня въ отмщеніе громятъ жидовскіе магазины и жилища. На подлое дѣло отвѣчаютъ незаконнымъ возмездіемъ. Умоляю васъ: вдите, становите погромъ, псжалѣйте насъ, не доводите войска до дѣйствія оружіемъ; не доводите войска до пролетія своей-же, русской крови“.

Дѣйствія и Полное бездѣйствіе и растерянность были распоряженія прозвѣлены во время еврейскаго погрома, какъ кіевскаго полиціймейстера указаво равнше, также и чинами кіевской городской полиціи, въ которыхъ только въкоторыя, ра полковни-ской полиціи, въ которыхъ только въкоторыя, ка Цихоцка-вѣрныя долгу службы, добросовѣстно исполняли свои обязанности. Несмотря на отсутствіе какихъ-либо руководящихъ указаній и распоряженій со стороны полиціймейстера, были случаи, когда отдѣльные чины полиціи—начальствующіе и подчиненные,—дѣйствуя по собственной инициативѣ и по своему крайнему разумію,—своей энергичной защитой спасли цѣлые околотки отъ разгрома. Забывая усталость, безосовныя ночи, проведенныя въ обыскахъ и наружной службѣ,—они съ небольшими средствами, находившихся въ ихъ распоряженіи, отставали еврейскіе квартиры

и магазины отъ погрома и достигали желаемыхъ результатовъ. Такъ поступили приставъ Рапота, околоточный надзиратель Остроменскій, городской Ковальчукъ и некоторые другіе низшіе полицейскіе чины. Дѣятельность послѣднихъ заслуживаетъ тѣмъ большей похвалы, что службу свою они несла самоотверженно при всей ничтожности получаемаго вознагражденія (10-15 руб. въ мѣсяцъ). Но не такъ дѣйствовалъ начальникъ вѣвской полиціи, полиціймейстеръ Цихоцкій. По отзывамъ должностныхъ и многочисленнымъ заявленіямъ частныхъ лицъ, полковникъ Цихоцкій, не принималъ никакихъ общихъ мѣръ къ объединенію и направленію дѣятельности подчиненныхъ ему органовъ полиціи, и самъ относился совершенно безрѣчительно къ совершавшимся насилію надъ личностью и имуществомъ даже въ тѣхъ случаяхъ, тогда ему при объѣздѣ города приходилось быть свидѣтелемъ безчинствъ и разъужданности толпы. Узнавъ случайно о возникновеніи погрома на Подолѣ въ штабѣ округа еще вечеромъ 18 октября, полковникъ Цихоцкій только на слѣдующій день 19 октября и то около 10 часовъ вечера увѣдомилъ о происшедшемъ телеграммами приставовъ. Благодаря такому несвоевременному извѣщенію, некоторые полицейскіе пристава даже не знали о безпорядкахъ, бывшихъ вечеромъ 18 октября на Подолѣ, и никакихъ предупредительныхъ мѣръ предпринять не могли, а потому неожиданно возникшія утромъ 19 октября въ нихъ участкахъ еврейскіе погромы застали ихъ врасплохъ. По заявленію старшикомъ отдѣломъ военной охраны города генераловъ Эверта и Третьякова, полиціймейстеръ Цихоцкій также и нѣтъ не сообщилъ никакихъ свѣдѣній о безпорядкахъ въ городѣ и никакихъ указавій, куда слѣдуетъ направлять войска, не давалъ. Очевидно, онъ и не располагалъ точными свѣдѣніями о происшедшемъ въ городѣ, такъ какъ на совѣщаніяхъ начальствующихъ лицъ по охранѣ всѣ сообщенія его страдали большей частью неопредѣленностью и сбивчивостью. Былъ случай 20 октября, когда полиціймейстеръ Цихоцкій указалъ командовавшему воинскою частью на еврейскомъ базарѣ на одинъ домъ, откуда будто бы стрѣляли; между тѣмъ по повѣркѣ оказалось, что выстрѣлъ послѣдовалъ вовсе не изъ этого дома, а изъ другого, находившагося на другой сторонѣ улицы. 19 октября, въ 4 часа дня, на совѣщаніи въ штабѣ военного округа было постановлено для предупрежденія безпорядковъ воспретить всякія патріотическія манифестаціи. Постановленіе это требовало безотлагательнаго исполненія, между тѣмъ телеграмма о воспрещеніи уличныхъ шествій „съ флагами и пор-

третами“ была разослана полиціейстеромъ Цихоцкииъ участковымъ приставамъ лишь на другой день, т. е. 20 октября, въ 12 час. 26 минутъ дня. Отсутствие руководящихъ распоряженій полиціи и полное бездѣйствіе полиціейстера при происходившихъ въ его присутствіи погромахъ внесли общее разстройство въ отправленіе служебныхъ обязанностей подвѣдомственныхъ ему полицейскихъ чиновъ. Последніе, по примѣру своего начальства, также не принимали иѣръ ни къ подавленію беспорядковъ, ни къ задержанію грониль и похитителей еврейскаго имущества. Многочисленные аресты начались лишь съ 20 октября послѣ того, какъ и въ отношеніи чиновъ полиціи, и войскъ были приняты генераломъ Карассомъ крайнія мѣры воздѣйствія.

Цѣлый рядъ очевидцевъ, частныхъ и должностныхъ лицъ поможительно удостовѣрилъ, что полковникъ Цихоцкій, объѣзжая городъ и будучи свидѣтелемъ вопіющихъ насилій надъ личностью и открытаго грабежа, спокойно и безучастно смотрѣлъ на происходившее, не принималъ никакихъ мѣръ къ прекращенію беспорядковъ, хотя тутъ-же въ его распоряженіи были и низшіе чины полиціи, и воинскіе отряды. Попытки его прекратить погромъ ограничивались обыкновенно словами, обращенными къ грабителямъ: „расходитесь, господа“. На это громили не обращали никакого вниманія, спокойно продолжали свое дѣло и ободряли другъ друга словами: „не бойся, это онъ въ шутку“, а иногда кричали какъ-бы въ отвѣтъ „ура“! При разграбленіи дома, особняка Льва Бродскаго, полковникъ Цихоцкій, по удостовѣренію д. с. с. Молчановскаго, обратился къ громиламъ съ благодушною рѣчью: „господа, чужая собственность—неприкосновенна“, послѣ чего, по свидѣтельству одного изъ мировыхъ судей, сталъ водворять порядокъ словами: „ну, будетъ, довольно, иди съ миромъ“. Въ нѣкоторыхъ патріотическихъ манифестаціяхъ полковникъ Цихоцкій принималъ лично участіе, при чемъ въ одной изъ нихъ кто-то, выйдя на балконъ думы, сталъ кричать: „бейте жидовъ, грабь, ломай“. Слова эти были покрыты криками „ура“ и толпа стала качать Цихоцкаго, а затѣмъ, разсѣявшись въ разныя стороны небольшими группами, набросилась на еврейскіе магазины. Не обращая вниманія на открытый грабежъ, полковникъ Цихоцкій удалился и, встрѣчая грабителей, на крики „ура“ отвѣчалъ поклонами. Разграбленіе училища Бродскаго длилось два дня, хотя завѣдующій имъ 18 октября, вечеромъ, узнавъ о предполагавшемся разгромѣ, по телефону увѣдомилъ Цихоцкаго, съ просьбой о защитѣ. Онъ нѣсколько разъ обра-

шался съ той же просьбой и на слѣдующій день, — но тѣмъ же мѣнѣ охрана не была прислана. Низкихъ распоряженій Цихоцкій не сдѣлалъ даже и послѣ того, какъ директоръ народныхъ училищъ 19 октября, въ 5 час. дня, официальной бумагой уведомилъ его о погромѣ, предупреждая, что училище — казенное.

На бездѣйствіе полковника Цихоцкаго обратило вниманіе и его начальство. Еще 19 октября исправлявшій должность губернатора, объѣхавъ городъ и убѣдившись въ бездѣятельности полицейскихъ чиновъ, немедленно же послалъ Цихоцкому письменное предписаніе, указывая въ немъ на необходимость дѣйствовать болѣе энергично для прекращенія погоска. Въ тотъ же день и управляющій канцеляріей генералъ-губернатора предупредилъ полковника Цихоцкаго, что, если онъ будетъ продолжать бездѣйствовать, то не миновать ему каторги. Исправлявшій должность генералъ-губернатора на второй день по вступленіи въ должность, когда полиціймейстеръ считъ нужнымъ ему представиться и то лишь по обою вызову, указалъ полковнику Цихоцкому на полную бездѣятельность полиціи, замѣченную имъ при объѣздѣ города. На слѣдующій же день, 20 октября генералъ Карасъ, вызвавъ вновь Цихоцкаго въ штабъ военнаго округа, послѣ рѣзкаго внушенія объявилъ ему, что, если погромъ не прекратится, то онъ немедленно устранить его отъ должности и вышлетъ въ 24 часа изъ города. Только послѣ такого выговора полиція приступила къ рѣшительнымъ мѣрамъ протѣвъ погрома.

Дѣйствія и распоряженія Изъ восьми полицейскихъ участковъ города Кіева, бездѣйствіе гласи особливо рѣзко проявилось въ Подольскокъ, гдѣ приставъ оный состоялъ тогда надворный совѣтъчкъ Лящевъ, а помощникомъ участка Лящевенно и помощникомъ его коллежскій секретарь Пирожковъ. Тамъ еврейское населеніе понесло наибольшіе убытки; изъ остальныхъ участковъ, въ нѣкоторыхъ погромъ не достигъ большихъ размѣровъ, благодаря незначительному числу еврейскихъ квартиръ и магазиновъ; въ другихъ чинами полиціи принимались зависѣвшія мѣры къ прекращенію беспорядковъ, въ иныхъ бездѣйствіе полицейскихъ чиновъ было единичнымъ явленіемъ, вызваннымъ отсутствіемъ надлежащаго содѣйствія со стороны войскъ и малочисленности состава полицейскихъ чиновъ.

По свидѣтельству ряда очевидцевъ, не только потерпѣвшихъ, но и постороннихъ какъ евреевъ, такъ и русскихъ, въ

томъ числѣ одного прапорщика запаса, приставъ Лященко и помощникъ его Пирожковъ, присутствуя все время при разгромѣ еврейскихъ магазиновъ, относились къ происшедшему на ихъ глазахъ грабежу совершенно безучастно: они ничего не предпринимали для подавленія беспорядковъ и задержанія громиль, хотя вблизи находились наряды полицейскихъ чиновъ и патрули. Нѣкоторые изъ свидѣтелей положительно утверждаютъ, что Лященко и Пирожковъ даже руководили погромомъ. Такъ, 18 октября, вечеромъ, проходя по Подолу, они говорили толпѣ: „бейте жидовъ до одного и грабьте ихъ“. Два свидѣтеля были очевидцами, какъ Пирожковъ направлялъ грабителей на какой-то магазинъ, говоря: „бейте, это—жидовскій“. Впослѣдствіи, при обыскахъ и арестахъ громиль жаловались: — „сами приказывали грабить, а теперь обыскиваютъ“. По словамъ одного изъ мѣстныхъ жителей, погромъ на Подолѣ прекратился послѣ того, какъ Лященко 20 октября прошелъ по улицамъ со взводомъ солдатъ и объявилъ громиламъ: „довольно, довольно!“ Тогда сборища разсѣялись и беспорядки прекратились.

При бездѣйствіи войскъ и полиціи во время беспорядковъ и безучастномъ ихъ отношеніи къ еврейскому погрому не только въ низшихъ слояхъ населенія, но и у отдѣльныхъ низшихъ воинскихъ и полицейскихъ чиновъ сложилось убѣжденіе, что погромъ разрѣшенъ властями. Среди громиль упорно держался слухъ, что грабить можно три дня. Даже управляющему канцеляріей генераль-губернатора одинъ городовою на вопросъ, почему онъ не разгоняетъ громиль, возразилъ: „да, вѣдь это разрѣшено“. Другой городовою, принимавшій дѣятельное участіе въ прекращеніи погрома, подбѣжавъ къ грабителямъ, пригрозилъ имъ револьверомъ. Громиль стали его убѣждать, что „имъ самъ губернаторъ разрѣшилъ, а возлѣ думы генералъ приказалъ грабить“. Когда же городовою обратился за содѣйствіемъ къ патрульнымъ, послѣдніе ему сказали: „у насъ есть разрѣшеніе бить жидовъ и приказано только смотрѣть, чтобы не стрѣляли въ гѣхъ, которые будутъ разбивать“. — Одинъ учитель слышалъ разговоръ громиль о томъ, что, какъ только былъ взорванъ царскій портретъ, объ этомъ по телеграфу донесли Государк, который по телеграфу же отдалъ приказъ громить евреевъ. Тотъ же учитель, замѣтивъ двухъ артиллеристовъ, не бывшихъ въ нарядѣ и спокойно смотрѣвшихъ на разгромъ на Прорѣзной улицѣ, спросилъ ихъ, давно ли это началось. „Да,—отвѣтили артиллеристы,—разрѣшеніе только сегодня вышло“ и на замѣчаніе учителя, что развѣ могло

быть дано такое разрѣшеніе, они возразили: „чай, сами видите, мысленно ли это безъ дозволенія начальства? Это—куда тебѣ!“

Причины возникновения октябрьских безпорядков и еврейскаго погрома. Обращаясь къ оцѣнкѣ событій, происшедшихъ въ Кіевѣ въ октябрѣ 1905 года, необходимо прежде всего остановиться на вопросѣ о причинахъ возникновенія октябрьскихъ безпорядковъ. Какъ сказано было раньше, послѣдніе по своему характеру своему распадаются на два періода, изъ которыхъ первый длился до момента возникновенія еврейскаго погрома, захвативъ собою и первую половину дня 18 октября, а второй составлялъ самый погромъ.

Было бы ошибочно искать причины революціоннаго движенія, выразившагося въ октябрьскихъ безпорядкахъ,—до возникновенія еврейскаго погрома, исключительно въ мѣстныхъ условіяхъ жизни. Причины это лежатъ далеко за предѣлами ихъ и впадаютъ себѣ объясненіе въ общемъ состояніи смуты, охватившей за послѣдніе годы всю Россію. Являясь лишь отголоскомъ общаго движенія, извѣстнаго подъ именемъ „освободительнаго“, безпорядки эти подготовили только почву, на которой возникъ и получалъ дальнѣйшее развитіе егрейскій погромъ.

Изъ самаго хода кіевскихъ событій и ихъ исторической послѣдовательности видно, что ближайшей причиной еврейскаго погрома, было то крайнее возбужденіе противъ евреевъ, которое въ послѣднее время глубоко проникло къ сознанію мѣстнаго русскаго населенія, особенно къ низшіе слои его. Изорваніе Высочайшихъ портретовъ и поврежденіе короны и вензелей было только непосредственнымъ поводомъ, ближайшимъ толчкомъ къ погрому, послѣдней каплей, переполнившей чашу народнаго негодованія. По единогласнымъ отзывамъ всѣхъ изучавшихъ мѣстную жизнь, никакой расовой вражды между малороссійскимъ и еврейскимъ населеніемъ никогда не замѣчалось. Безспорно, существующій антагонизмъ между этими двумя народностями объясняется, главнымъ образомъ, кореннымъ различіемъ ихъ міросерцація. Эта рознь въ теченіе многихъ уже вѣковъ выражалась въ періодическихъ, массовыхъ избиеніяхъ евреевъ (жидотренкахъ) при всякомъ обостреніи взаимныхъ отношеній по самымъ разнообразнымъ поводамъ. Въ послѣднее же время эти отношенія обострились на почвѣ постоянно оскорбляемаго національнаго чувства. Неудачи войны, по поводу которыхъ еврейская молодежь открыто выражала

всегда живѣйшую радость, уклоненіи ихъ отъ военной службы, участіе въ революціонномъ движеніи, въ рядѣхъ насилій и убійствъ должностныхъ лицъ, оскорбленія войскъ и проч. вызывало, несомнѣнно, въ простомъ народѣ раздраженіе противъ евреевъ и усиливало рѣзаво существующую рознь между ними и кореннымъ населеніемъ. Особенно ненавистны были для народа всѣ тѣ собранія и сходки въ университетахъ и политехническомъ институтѣ, на которыхъ еврейская молодежь, не стѣсняясь, оскорбляла нерѣдко его вѣрованія и дорогое ему національное чувство. Вотъ почему въ Кіевѣ были случаи, когда многіе русскіе, открыто предоставляя у себя пріютъ бѣдьякамъ-евреямъ, укрывавшимся отъ насилій, рѣзко отказывали въ немъ молодымъ евреямъ и иногда только потому, что видѣли въ петлицѣ красныя ленточки — символъ революціи. Уличныя манифестаціи, шумные митинги, забастовки, часто сопровождавшіяся грубымъ насиліемъ и матеріальными потерями, не только не находили отклика въ народной массѣ, но и повимались ею, какъ направленный противъ государства „бунтъ“. А во главѣ „бунтовщиковъ“ народъ всегда видѣлъ евреевъ, которые, благодаря своей исключительной впечатлительности, нервности, легкой возбудимости и страстности, являлись наиболѣе виднымъ элементомъ митинговъ, манифестацій и забастовокъ, хотя на самомъ дѣлѣ, быть можетъ, представляли меньшинство среди другихъ участниковъ сборищъ и шествій. Наконецъ, когда 18 октября бунтовщики, ликуя по поводу манифеста, срывали національные флаги, понятные и близкіе народу, замѣняя ихъ красными, — эмблемой, ему чуждой и непонятной, — раздраженіе массы еще болѣе возрасло. Когда же вслѣдъ за страстными рѣчами, оскорблявшими даже имя Того, Кто только что даровалъ основы гражданской свободы, послѣдовало уничтоженіе Его же портретовъ, императорской короны и вѣнзелей, толпу охватила жажда мести относительно евреевъ — „демократовъ“ и вообще главныхъ виновниковъ послѣднихъ беспорядковъ. По удостовѣренію очевидцевъ, громилы были чужды корыстныхъ побужденій: выбрасывая изъ магазиновъ товары, они не растащали ихъ, но тутъ же уничтожали и разбивали, какъ бы стараясь доказать, что имъ „жидовскаго добра“ не нужно. Былъ случай, когда громилы взяли у прислуги всѣ купленные ею съѣстные припасы, заявивъ ей, что они „работали цѣлый день и даже на кусокъ хлѣба не заработали“.

Но народное негодованіе пало не на тѣхъ, кого народъ считалъ причиною всѣхъ бѣдствій. Въ минуту общаго возбуж-

денія, не разбирая, кто правъ, кто виноватъ, онъ направилъ свой гнѣвъ на все еврейское населеніе, не щадя ни молодыхъ, ни стариковъ. Между тѣмъ рознь среди евреевъ, ищающая имъ понимать другъ друга, становится все болѣе замѣтной: въ то время, какъ старики строго консервативны и не легко расстаются съ традиціями, молодежь увлекается новыми вѣяніями, видя, между прочимъ, въ осуществленіи революціонныхъ идеаловъ выходъ изъ своего неравноправнаго положенія въ государствѣ.

Участвіе евреевъ въ революціонномъ движеніи. Дѣйствующіе повинѣ исключительно законны, значительно сгущающіе права евреевъ, естественно должны были среди нихъ вызвать недовольство своимъ настоящимъ положеніемъ и стремленіе всѣми мѣрами достигнуть уравнианія въ общихъ правахъ. Часть еврейской молодежи прикнула къ революціонному движенію, другая же до сихъ еще находитъ удовлетвореніе своихъ мечтаній въ сіонизмѣ, убѣжденная въ возможности созданія еврейскаго государства на социальномъ-демократическихъ началахъ.

Заключенные въ узкой чертѣ осѣлости, не имѣя возможности воспитывать дѣтей въ учебныхъ заведеніяхъ и посвящая себя занятіямъ, достойнымъ всѣмъ другимъ гражданамъ, евреи всѣми средствами стремились обойти законъ и вызвали этимъ общее къ себѣ нерасположеніе. Установленная процентная норма учащихся въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ создала необходимость для евреевъ воспитывать своихъ дѣтей за границей, главнымъ образомъ, въ Швейцаріи. Тамъ еврейская молодежь представляла благодарную почву для агитаціи главарей русскаго революціоннаго движенія. Недовольные порядками своей родины, заставившими ихъ искать просвѣщенія на чужбинѣ, они вскорѣ попадали подъ ихъ вліяніе, возвращаясь домой вполне убѣжденными революціонными дѣятелями и немедленно прижимали къ разнымъ преступнымъ организаціямъ. Въ эти организаціи заѣхъ легло немало сверстники ихъ евреи, которымъ, благодаря выдающимся способностямъ, удалось особо успѣшно окончить курсъ гимназій и быть принятыми въ высшія учебныя заведенія. Здѣсь революціонная агитація направилась и на русское юношество, оковчательно подпавшее подъ вліяніе своихъ товарищесъ-евреевъ и остановившееся фанатическими поборниками проповѣдуемыхъ ими ученій. Большинство еврейской молодежи сознало всю безпочвенность иллюзіи сіонизма, начавъ, что при

положи банковъ нельзя приобрести новаго отечества. Оно только въ революціонномъ движеніи ищетъ спасенія и рассчитываетъ, что только при общемъ государственномъ переворотѣ евреи, наконецъ, станутъ полноправными русскими гражданами.

Такимъ образомъ, процентное ограниченіе при поступленіи въ учебныя заведенія и „черта еврейской осѣдлости“ являются для евреевъ особенно тягостными—и тѣмъ болѣе въ Кіевѣ. Тамъ, кромѣ общихъ правилъ о проживаніи евреевъ внѣ черты осѣдлости, существуютъ особыя постановленія, по которымъ нѣкоторые евреи, какъ, напр., купцы 1-ой гильдіи, бывшіе въ этомъ звачіи менѣе пяти лѣтъ, имъ привязки и т. п., пользуются правомъ временнаго пребыванія только на двухъ полицейскихъ участкахъ—Лыбедскомъ и Плоскомъ. Разрѣшенія на право жительства выдаются городской полиціей, губернскимъ правленіемъ, а въ особыхъ случаяхъ даже генераль-губернаторомъ. На нѣкоторыхъ улицахъ, какъ напр., на Бибиковскомъ бульварѣ, евреи могутъ жить лишь по одной сторонѣ: на другой же, входящей въ предѣлы Старокіевского полицейскаго участка, имъ жительство воспрещается. Этотъ ограничительный законъ, не имѣя для Кіева никакого практическаго значенія, всею своею тяжестью ложится на будущую часть еврейскаго населенія. Отдавая его на произволь администраціи, онъ создалъ для низшихъ органовъ власти источникъ незаконныхъ поборовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ оказалъ на нихъ самое разбращающее вліяніе. Это печальное явленіе давно обращало на себя вниманіе. При бывшихъ ревизіяхъ дѣлопроизводства кіевской городской полиціи, вызванныхъ многочисленными жалобами, неоднократно были обнаружены злоупотребленія при разрѣшеніи евреямъ права жительства. До какихъ размѣровъ могутъ доходить такіа злоупотребленія, видно изъ того, что, напр., въ 1903 году въ одной только городской полиціи было получено евреями 6813 прошеній о разрѣшеніи проживать въ г. Кіевѣ.

Слухи объ организаціи погрома. Разсматривая причины возникновенія еврейскаго погрома въ Кіевѣ, нельзя обойти молчаніемъ вопросъ объ организаціи погрома. Въ нѣкоторыхъ слояхъ Кіевскаго населенія глубоко вкоренились убѣжденія, что разгромъ и разграбленіе еврейскаго имущества были рѣшены заранѣе и произведены по строго выработанному плану.

Причины возникновенія погрома истолковываются, однако, различно. Одни винятъ въ немъ всероссійскую организацію,

явившуюся как-бы контръ-революціей, задавшуюся цѣлью воспротивиться осуществленію манифеста 17 октября; другіе — только мѣстную организацію, по инициативѣ мѣстныхъ правительственныхъ органовъ власти. Наконецъ, трети считаютъ виновниками погрома какую-то всероссійскую партію антисемитовъ и даже отдѣльныхъ частныхъ лицъ.

Насколько неосновательна и фантастична легенда объ устройствѣ повсемѣстно въ Россіи общаго еврейскаго погрома по почину правительственныхъ лицъ, свидѣлствуютъ официальные документы,

Еще съ 10 октября тезарищъ кабинета внутреннихъ дѣлъ, завѣдывавшій полиціей, вслѣдствіе уocesеній мѣстныхъ властей о броженіи среди учащейся молодежи и начавшихся беспорядкахъ, настойчиво требовалъ принятія самыхъ энергичныхъ мѣръ „къ недопущенію уличныхъ беспорядковъ и къ прекращенію ихъ всѣми силами, въ случаѣ возникновенія“. — 12 октября имъ же было предложено губернатору подавлять уличные манифестаціи, не останавливаясь передъ принятіемъ вооруженной силы, и сдѣлало распоряженіе о доставленіи жандармскими властями губернатору свѣдѣній о готовящихся событіяхъ. 13 октября было вновь подтверждено не допускать никакихъ уличныхъ скопищъ и сборищъ и, по мѣрѣ надобности, разсѣивать ихъ оружіемъ. По полученіи же свѣдѣній о еврейскомъ погромѣ въ Кіевѣ, свиты Его Величества генераль-майоръ Треповъ 20 октября телеграммой на имя генераль-губернатора вновь проситъ „проявить всю полноту власти для прекращенія беспорядковъ, насилій и погромовъ, дабы, во что бы то ни стало, обезпечить личную и имущественную безопасность обывателей“. При этомъ генераль-майоръ Треповъ указать, что „результаты достигаются своевременнымъ принятіемъ надлежащихъ предупредительныхъ мѣръ, а не однимъ лишь кровопролитіемъ, которое всегда является неизбежнымъ, когда эти мѣры приняты не были“.

Послѣ всего происшедшаго на митингахъ, кіевское охранное отдѣленіе предвидѣло возможность „въ самомъ недалекомъ будущемъ серьезныхъ беспорядковъ“ и донесло объ этомъ 3 октября генераль-губернатору и губернатору, прося прескратить митинги въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ,

Необходимо также имѣть въ виду, что еврейскіе беспорядки въ юго-западномъ краѣ начались не вездѣ одновременно съ кіевскими. Въ иныхъ мѣстахъ значительно позже, а въ другихъ еще весной и лѣтомъ (Житомиръ, Черкассы). Въ поселеніяхъ кіевской губерніи погрому обыкновенно предше-

ствсвали шумныя уличныя манифестаціи, съ преобладающимъ участіемъ въ нихъ еврейской молодежи и зжигательными революціонными рѣчами. Въ Каменецъ-Подольскѣ наканунѣ погрома, начавшагося 20 октября, еврейская молодежь устроила на улицахъ шумныя сборища, произносила революціонныя рѣчи и своимъ дерзкимъ поведеніемъ вызвала въ Христіанскомъ населеніи общее негодованіе.

Въ одномъ изъ небольшихъ городовъ Юго-Западнаго края погромъ былъ предотвращенъ только тѣмъ, что пожилые евреи подвергли свою молодежь тѣлесному наказанію за устроившееся противоправительственную манифестацію послѣ объявленія Высочайшаго манифеста 17 октября.

Никакихъ указаній на предсорительную организацію еврейскаго погрома въ Кіевѣ не могло представить даже бюро адвокатовъ, дѣятельно занимавшееся собираніемъ свѣдѣній о погромѣ, никакія указанія на такую организацію не могли быть также извлечены изъ обзорѣнія дѣлопроизводства прокурорскаго надзора, предварительныхъ слѣдствій, вѣдоющихся въ производствѣ мѣстныхъ судебныхъ слѣдователей, изъ дѣлъ мирскихъ судей, охраннаго отдѣленія и пр.

Предположенія объ организаціи погрома выводились обыкновенно изъ отдѣльныхъ случаевъ бездѣйствія власти, — изъ поверхностныхъ наблюденій при одностороннемъ освѣщеніи событій и нерѣдко изъ разныхъ рассказовъ и слуховъ, неизвѣстно откуда исходящихъ.

Такъ, говорили будто на Кіевскихъ пароходахъ заранѣе изъ другихъ городовъ были доставлены громылы, что среди нихъ будто бы рѣзко выдѣлялись какія-то подозрительныя личности, что въ толпѣ были какіе-то вожаки, имѣвшіе въ рукахъ списки, что дворники домовъ давали кому-то свѣдѣнія о жильцахъ — евреяхъ и проч. Всѣ эти слухи, обыкновенно, категорически опровергались тѣми лицами, на которыхъ ссылались рассказчики. Несомнѣнно, что бездѣйствіе, проявленное во время погрома полиціей и войсками, могло поддерживать убѣжденіе, что сама власть устроила погромъ, а потому и относится такъ безучастно къ насиліямъ надъ личностью и къ расхищенію еврейскаго имущества. Ко всему этому присоединялись рассказы о распространенныхъ какими-то лицами воззваніяхъ, подстрекавшихъ будто бить евреевъ. Въ доставленныхъ, однако, нѣкоторыми свидѣтелями воззваніяхъ „къ русскимъ людямъ“ никакого призыва къ избіенію евреевъ не заключалось. Въ нихъ русскіе люди призываются лишь къ объединенію противъ „злыхъ людей“ — „кромольниковъ“ и къ

явившуюся какъ-бы контръ-революціей, задавшуюся цѣлью воспротивиться осуществленію манифеста 17 октября; другіе — только мѣстную организацію, по инициативѣ мѣстныхъ правительственныхъ органовъ власти. Наконецъ, третьи считаютъ виновниками погрома какую-то всероссійскую партію антисекитовъ и даже отдѣльныхъ частныхъ лицъ.

Насколько неосновательна и фантастична легенда объ устройствѣ повсемѣстно въ Россіи общаго еврейскаго погрома по почину правительственныхъ лицъ, свидѣлствуютъ оффиціальныя документы.

Еще съ 10 октября тезарищъ хлѣбстра вънутреннихъ дѣлъ, завѣдывавшій полиціей, вслѣдствіе донесеній мѣстныхъ властей о броженіи среди учащейся молодежи и вачавшихся беспорядкахъ, настойчиво требовалъ принятія самыхъ энергичныхъ мѣръ „къ недопущенію уличныхъ беспорядковъ и къ прекращенію ихъ всѣми силами, въ случаѣ возникновенія“. — 12 октября имъ же было предложено губернатору подавлять уличныя манифестаціи, не останавливаясь передъ примѣненіемъ вооруженной силы, и сдѣлало распоряженіе о доставленіи жандармскимъ властямъ губернатору свѣдѣній о готовящихся событіяхъ. 13 октября было вновь подтверждено не допускать никакихъ уличныхъ скопищъ и сборищъ и, по мѣрѣ вадобности, разсѣивать ихъ оружіемъ. По полученіи же свѣдѣній о еврейскомъ погромѣ въ Кіевѣ, свиты Его Величества генераль-маіоръ Треневъ 20 октября телеграммой на имя генераль-губернатора вновь просилъ „проявить всю полноту власти для прекращенія беспорядковъ, насилій и погромовъ, дабы, во что бы то ни стало, обезпечить личную и имуществовую безопасность обывателей“. При этомъ генераль-маіоръ Треневъ указалъ, что „результаты достигаются своевременнымъ пріятіемъ надлежащихъ предупредительныхъ мѣръ, а не однимъ лишь кровопролитіемъ, которое всегда является неизбѣжнымъ, когда эти мѣры приняты не были“.

Послѣ всего происходившаго на митингахъ, кіевское охранное отдѣленіе предвидѣло возможность „въ самомъ недалекомъ будущемъ серьезныхъ беспорядковъ“ и донесло объ этомъ 3 октября генераль-губернатору и губернатору, прося прекратить митинги въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ,

Необходимо также имѣть въ виду, что еврейскіе беспорядки въ юго-западномъ краѣ начались не вездѣ одновременно съ кіевскими. Въ иныхъ мѣстахъ значительно позже, а въ другихъ еще весной и лѣтомъ (Житомиръ, Черкассы). Въ поселеніяхъ кіевской губерніи погрому обыкновенно предше-

ствсвали шумныя уличныя манифестаціи, съ преобладающимъ участіемъ въ нихъ еврейской молодежи и зжигательными революціонными рѣчами. Въ Каменецъ-Подольскѣ наканунѣ погрома, начавшагося 20 октября, еврейская молодежь устроила на улицахъ шумныя сборища, произносила революціонныя рѣчи и своимъ дерзкимъ поведеніемъ вызвала въ Христіанскомъ населеніи общее негодованіе.

Въ одномъ изъ небольшихъ городовъ Юго-Западнаго края погромъ былъ предотвращенъ только тѣмъ, что пожилые евреи подвергли свою молодежь тѣлесному наказанію за устройство противоправительственной манифестаціи послѣ объявленія Высочайшаго манифеста 17 октября.

Никакихъ указавій на предворительную организацію еврейскаго погрома въ Кіевѣ не могло представить даже бюро адвокатовъ, дѣятельно занимавшееся собираніемъ свѣдѣній о погромѣ, никакія указавія на такую организацію не могли быть также извлечены изъ обзорвія дѣлопроизводства прокурорскаго надзора, предварительныхъ слѣдствій, находящихся въ производствѣ мѣстныхъ судебныхъ слѣдователей, изъ дѣлъ мирскихъ судей, охраннаго отдѣленія и пр.

Предположенія объ организаціи погрома выводились обыкновенно изъ отдѣльныхъ случаевъ бездѣйствія власти, — изъ поверхностныхъ наблюденій при одностороннемъ освѣщеніи событій и нерѣдко изъ разныхъ рассказовъ и слуховъ, неизвѣстно откуда исходящихъ.

Такъ, говорили будто на Кіевскихъ пароходахъ заранѣе изъ другихъ городовъ были доставлены громылы, что среди нихъ будто бы рѣзко выдѣлялись какія-то подозрительныя личности, что въ толпѣ были какіе-то вожаки, имѣвшіе въ рукахъ списки, что дворники домовъ давали кому-то свѣдѣнія о жильцахъ — евреяхъ и проч. Всѣ эти слухи, обыкновенно, категорически опровергались тѣми лицами, на которыхъ ссылались рассказчики. Несомнѣнно, что бездѣйствіе, проявленное во время погрома полиціей и войсками, могло поддерживать убѣжденіе, что сама власть устроила погромъ, а потому и относится такъ безучастно къ насиліямъ надъ личностью и къ расхищенію еврейскаго имущества. Ко всему этому присоединялись рассказы о распространенныхъ какими-то лицами воззваніяхъ, подстрекавшихъ будто бить евреевъ. Въ доставленныхъ, однако, нѣкоторыми свидѣтелями воззваніяхъ „къ русскимъ людямъ“ никакого призыва къ избіенію евреевъ не заключалось. Въ нихъ русскіе люди призываются лишь къ объединенію противъ „злыхъ людей“ — „крамольниковъ“ и къ

защитѣ „самодержавія и родины“, въ односъ—прямо осуждается всякое насиліе и грабежъ. Кромя этихъ печатныхъ листовъ неизвѣстными лицами разсылались рукописныя воззванія, предлагавшія русскимъ людямъ отъ имени какого-то Великаго Отшельника Кіево-Печерской Лавры „учить своимъ судомъ смутьяновъ, посылаемыхъ жидани и поляками“ и не имѣть дѣла съ евреями. Кто былъ инициаторомъ этихъ рукописныхъ листовъ, осталось неизвѣстнымъ.

Дѣйствіи Отказъ генералъ-губернатора Клейгельса отъ известныхъ „своихъ полномочій“ по охранѣ города и перенесеніе ихъ на неопредѣленное время военнымъ властямъ г. Кіева была главной причиною беспорядковъ. Левымъ взрывнымъ словомъ, установившихся вслѣдъ затѣи между гражданскими и военными властями. Вице-генералъ-губернатора во главѣ управленія г. Кіева оказался начальникъ военной охраны, предѣлы и объемъ власти котораго никому не были извѣстны. Такая неясность положенія, возникшая изъ неустановленной закономъ передачи правъ и обязанностей представителя высшей власти въ край другому должностному лицу, порождала рядъ недоразумѣній и неминуемо должна была повлечь за собой общее разстройство въ отправленіи службы подзѣдомственной ему администраціи. При возникновеніи еврейскаго погрома печальныя послѣдствія такой мѣры обнаружались немедленно. Многіе чины полиціи были вполне увѣрены, что власть всецѣло перешла къ военному начальству, и что только войска уполномочены дѣйствовать и подавлять беспорядки. Поэтому они устранили отъ себя всякую инициативу по охранѣ общественнаго порядка и спокойствія и безучастно отсились къ совершавшимся въ нихъ присутствіи беспорядкамъ. Войска же, ссылаясь на 16 ст. правилъ о призывѣ войскъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ, ожидали указаній со стороны полиціи, считая, что на нихъ не возложено исполненіе полицейскихъ обязанностей, и въ этомъ отношеніи они были совершенно правы. По точному смыслу 15 и 16 ст. упомянутыхъ правилъ, гражданскимъ властямъ не предоставлено право передавать военному начальству свои обязанности по водворенію спокойствія, напротивъ, по этому закону, они, *присутствуя лично на мѣстахъ беспорядковъ*, должны направлять совѣстную дѣятельность полиціи и вызванныхъ войскъ къ надлежащему и целесообразному ихъ подавленію. *Личныя распоряженія* гражданскаго начальства превращаются только послѣ предло-

женія, даннаго начальнику военныхъ частей дѣйствовать оружіемъ и *притомъ только на время этою дѣйствія.* Когда и гдѣ именно слѣдуетъ прибѣгнуть къ оружію—крайнему средству возстановленія порядка,—опредѣляется не военнымъ, а гражданскимъ начальствомъ, обязаннымъ по этому быть на мѣстѣ волненій. Между тѣмъ въ Кіевѣ генераль Клейгельсъ, еще до возникновенія беспорядковъ передавъ „свои полномочія“ по охранѣ города военнымъ властямъ и такимъ образомъ устранивъ гражданскую власть отъ общаго руководства въ возстановленіи порядка и отъ приглашенія войскъ для содѣйствія въ опредѣленныхъ случаяхъ, поставилъ и войска въ затруднительное положеніе. Они должны были принять на себя административныя обязанности и вмѣстѣ съ тѣмъ возстановлять нарушенный порядокъ силою оружія.

Положеніе дѣла ухудшилось еще и тѣмъ, что, передавая свои „полномочія“, генераль Клейгельсъ не позаботился ознакомить военное начальство ни съ положеніемъ дѣлъ въ городѣ, ни съ имѣвшимися у него свѣдѣніями о революціонномъ движеніи въ Кіевѣ. Онъ ограничился только краткимъ, неизвѣстно на чемъ основанномъ, указаніемъ на готовившееся будто-бы „вооруженное возстаніе“. Въ виду этого, военныя власти на первыхъ же порахъ не повинали, что означаетъ передача имъ полномочій генераль-губернатора по охранѣ города и какія распоряженія должны послѣдовать съ ихъ стороны для осуществленія возложенныхъ на нихъ, очевидно, важныхъ обязанностей. По городу стали безцѣльно ходить отдѣльными части войскъ; разсылались дозоры и патрули. Уже 15 октября, на слѣдующій день послѣ передачи охраны города войскамъ, командующій войсками округа генераль Карасъ телеграфировалъ Свѣты Его Величества генераль-маіору Трепову, что „передача кіевскимъ генераль-губернаторомъ полномочій на вѣспредѣленное время вызываетъ неудобное положеніе всеаго начальства“. Нельзя не замѣтить также, что мѣра эта нисколько не предотвратила уличныхъ беспорядковъ возникшихъ 18 октября. Прямымъ ея послѣдствіемъ была общая растерянность властей, особенно, гражданскихъ. Послѣднія остались безъ руководителя по охранѣ города въ то время, когда, по мнѣнію генерала Клейгельса, готовилось вооруженное возстаніе и когда они обязаны были при содѣйствіи войскъ приложить всѣ усилія и выказать особую распорядительность къ обезпеченію города, Только благодаря случайному стеченію обстоятельствъ, уже во время беспорядковъ, 18 октября во главѣ администраціи сталъ генераль Карасъ, принявшій не-

медленно иъры къ объединенію дѣйствій администраціи и войскъ и такимъ образомъ положившіи конецъ неопредѣленному ихъ положенію.

Устранивъ себя отъ охраны города и возложивъ вмѣстѣ съ тѣмъ всю отвѣтственность за безопасность жителей на военное начальство, генералъ Клейгельсъ тѣмъ не менѣе призналъ возможнымъ сдѣлать, безъ вѣдома военныхъ властей, вечеромъ 17 октября распоряженіе объ освобожденіи изъ-подъ стражи помещикомъ присяжнаго повѣреннаго Батве-ра, — извѣстнаго оратора революціонныхъ собраній.

По увольненіи отъ должности, генералъ-адъютантъ Клейгельсъ оставался еще въ генералъ-губернаторскомъ домѣ. Въ это время, 18 октября, распространился слухъ, будто къ генералу Клейгельсу должна явиться депутація жителей города съ просьбой остаться на генералъ-губернаторскомъ посту. Какъ выяснилось, слухъ этотъ исходилъ отъ чиновника особыхъ порученій Малышева, передавшаго чиновнику особыхъ порученій д. с. с. Чуйкову, что одинъ изъ гласныхъ думы, — хороший знакомый Малышева и генерала Клейгельса — намѣревъ сдѣлать въ думѣ предложеніе объ избраніи особой депутаціи къ генералу Клейгельсу съ просьбой остаться въ должности генералъ-губернатора. Утромъ, 19 октября, зайдя въ генералъ-губернаторскій домъ, Малышевъ просилъ офицера, командовавшаго воинской частью, охранявшею домъ, предупредить генерала Клейгельса о готовившейся депутаціи. По словамъ Малышева, необходимость ея объяснялась тѣмъ, что съ оставленіемъ генераломъ Клейгельсомъ должности генералъ-губернатора въ городѣ начался безпорядокъ и что онъ только одинъ можетъ ихъ подавить. Въ ожиданіи этой депутаціи генераломъ Клейгельсомъ было отдано офицеру приказаніе пропустить безпрепятственно толпу, которая вмѣстѣ съ выборными отъ города должна была подойти къ генералъ-губернаторскому дому. Ожидавшаяся депутація съ флагомъ и портретомъ Государя, дѣйствительно, явилась 19 октября, но безъ представителей думы и, вмѣсто просьбы остаться на посту генералъ-губернатора, она объявила вышедшему къ ней генералу Клейгельсу, что жители желаютъ отправиться въ соборъ и помолиться за Государя Императора. Какъ впоследствии выяснилось, нѣкоторымъ гласнымъ думы дѣйствительно было предложено отправиться къ генералу Клейгельсу депутаціей, но предложеніе это не встрѣтило сочувствія и потому не было приведено въ исполненіе.

Полную бездѣтельность во время еврейскихъ беспорядковъ выказалъ, какъ вышеупомянуто, полиціймейстеръ г. Кіева полковникъ Цихоцкій, не принявшій никакихъ мѣръ ни къ руководству дѣятельностью подчиненныхъ ему чиновъ полиціи, ни къ прекращенію тѣхъ беспорядковъ, случайнымъ свидѣтелемъ которыхъ онъ явился при объѣздахъ города Запѣчатство въ полиційской службѣ, обнаружившееся послѣ передачи охраны города военнымъ властямъ, не только не было своевременно устранено, но продолжало усиливаться и особенно рѣзко проявилось во время еврейскихъ беспорядковъ. Бездѣйствіе полковника Цихоцкаго объяснялось между прочимъ, и тѣмъ, что съ увольненіемъ генерала Клейгельса онъ терялъ всякую надежду остаться на занимаемомъ имъ посту.

Еще въ 1900 и 1902 г. при ревизіяхъ дѣлопроизводства кіевской городской полиціи было обнаружено, что при выдачѣ евреямъ разрѣшеній на право жительства полиціей допускаются рядъ неправильностей и злоупотребленій, вслѣдствіе чего и возникъ вопросъ о преданіи суду полиціймейстера Цихоцкаго. Еще до второй ревизіи въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ 1902 г. получились свѣдѣнія о побѣрахъ, производимыхъ, будто-бы съ вѣдома полковника Цихоцкаго, полиціей при выдачѣ разрѣшеній на право жительства евреямъ, тогда же сообщалось и о томъ, что полковникъ Цихоцкій, живя выше получаемаго сдержанія, купилъ въ Полтавской губерніи имѣніе за 100 тысячъ рублей. По разслѣдованіи оказалось, что дочь Цихоцкаго, по выходѣ замужъ, вскорѣ приобрѣла въ Кіевѣ домъ, а мужъ ея, не имѣвшій никакихъ средствъ, купилъ въ Полтавской губерніи имѣніе, стоющее болѣе 100 тысячъ рублей, причѣмъ довѣренность по завѣщанію имѣніемъ выдана была полковнику Цихоцкому.

Въ виду такихъ данныхъ, генераль-адъютантъ Драгомировъ предполагалъ принять въ отношеніи Цихоцкаго рѣшительныя мѣры, но въ это время состоялось назначеніе генераль-губернаторомъ генераль-адъютанта Клейгельса. Послѣдній тогда также находилъ, что полковникъ Цихоцкій не можетъ быть оставленъ на занимаемой должности, и въ письмѣ на имя министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 19 іюня 1904 года, просилъ замѣнить его другимъ лицомъ. Вскорѣ, однако, онъ рѣзко измѣнилъ свое мнѣніе о Цихоцкомъ и намѣтилъ его даже кандидатомъ на должность оберъ-полиціймейстера г. Кіева, которую тогда предполагалось учредить. Желая особенно поощрить его дѣятельность, генераль Клейгельсъ намѣревался представить Цихоцкаго къ производству въ генераль-майоры,

что не разъ высказывалъ въ разговорѣ съ управляющимъ своей канцелярією, но оказалось, что по закону сдѣлать этого было нельзя.

Предположеніе о замѣнѣ его другимъ лицомъ было оставлено и на запросъ товарища министра, завѣдывающаго полиціей, относительно возможности оставленія Цихоцкаго въ должности полиціймейстера, генераль Клейгельсъ письмомъ отъ 9 августа 1905 года увѣдомилъ, что первоначальный отзывъ о полковникѣ Цихоцкомъ былъ вызванъ временными неблагоприятными для Цихоцкаго обстоятельствами. Въ настоящее же время онъ признаетъ его вполне соответствующимъ занимаемой имъ должности, такъ какъ дѣятельность его не оставляетъ желать ничего лучшаго. Не смотря на такой отзывъ о Цихоцкомъ, въ отвѣтъ на это письмо генераль-майоръ Треповъ сообщилъ, что онъ находитъ необходимымъ возбудить противъ полковника Цихоцкаго уголовное преслѣдованіе по результатамъ произведенной въ 1902 году ревизіи дѣлопроизводства полиціи, и вѣстѣ съ тѣмъ устранить его отъ должности. При этомъ генераль Треповъ указалъ, что преданіе суду Цихоцкаго раньше было приостановлено только, въ виду первоначальнаго ходатайства генерала Клейгельса о замѣнѣ Цихоцкаго другимъ лицомъ.

Давая въ августѣ 1905 г. блестящій отзывъ о дѣятельности полиціймейстера г. Кіева, генераль Клейгельсъ, очевидно не предвѣдѣлъ результатовъ разслѣдованія, предпринятаго уже по увольненіи его отъ должности генераль-губернатора по поводу жалобы, поданной ему еще въ маѣ того-же года однимъ изъ служащихъ кіевской городской полиціи. Въ этой жалобѣ указывалось на полученіе Цихоцкимъ 1.100 р. за предоставленіе классной должности по полиціи.

Разслѣдованіемъ и собственнымъ оцѣненіемъ Цихоцкаго жалоба эта вполне подтвердилась и начальствомъ Цихоцкаго предполагается возбудить вопросъ о преданіи его суду.

Ожидавшееся генераломъ-адъютантомъ Клейгельсомъ 14 октября вооруженное возстаніе въ г. Кіевѣ, побудившее его „съ 7-н часовъ утра“ этого дня передать свои „полномочія“ по охранѣ города военному начальству, не осуществилось. Тѣмъ не менѣе 15 октября, въ виду угрожающаго характера революціоннаго движенія въ Кіевѣ, онъ послалъ министру внутреннихъ дѣлъ телеграмму, прося доложить Его Величеству о своемъ желаніи, до полнаго умиротворенія беспорядковъ, остаться въ должности генераль-губернатора, такъ какъ еще въ началѣ октябрия онъ ходатайствовалъ объ освобожденіи его

по болѣзни отъ этой должности. Какъ извѣстно, въ ночь на 18 октября получено было извѣстiе объ увольненiи генерала Клейгельса и о назначенiи на его мѣсто временно, до возвращенiя изъ отпуска генераль-лейтенанта Сухомлинова, генераль-лейтенанта Карасса. Когда послѣднiй вступилъ въ отправленiе своихъ обязанностей, безпорядки въ Кiевѣ были въ полномъ разгарѣ. Не зная ни предшествующихъ событiй, ни общаго состоянiя дѣлъ, а также легкаго состава администрацiи и гв-лици, временно исправляющiй должность генераль-губернатора былъ поставленъ въ самое затруднительное положенiе. Передавая должность, генераль Клейгельсъ не нашелъ нужнымъ облегчить задачу своего прiемника; овъ ограничился исполненiемъ одной лишь формальности и немедленно устранилъ себя отъ всѣхъ дѣлъ. Полицеймейстеръ представился новому начальнику края только на слѣдующiй день и то лишь по его требованiю для выслушанiя замѣчанiя по поводу усмотрѣннаго генераломъ Карассомъ бездѣйствiя полицiи во время безпорядковъ. При первомъ жѣ объѣздѣ города, отъ опытнаго глаза генерала Карасса не ускользнули главные недостатки организацiи военной охраны. Войска, состоявшiя, главнымъ образомъ, изъ призванныхъ изъ запаса нижнихъ чиновъ и офицеровъ, были разбросаны незначительными отрядами по всему городу и въ большинствѣ случаевъ бездѣйствовали. Бывшiй (до 12 октября) начальникомъ охраны города генераль Безсоновъ, наиболѣе ознакомленный съ организацiей охраны, и по своимъ личнымъ близкимъ отношенiямъ пользовавшiйся указанiями генерала Клейгельса и потому болѣе догадъ о свѣдомимыхъ съ полженiемъ вещей, не смотря на все это, относился къ дѣлу подавленiя безпорядковъ совершенно пассивно. Генералу Карассу предстояло, не теряя времени, немедленно устранивъ всѣ замѣченныя въ неберядки и, главнымъ образомъ объединить въ рукахъ своихъ дѣятельность войскъ и гражданскихъ властей. Между тѣмъ его постоянно отрывали отъ занятiй прiемы разныхъ диспутаций, требовавшихъ то удаленiя изъ города войскъ, то приказанiй дѣйствовать оружиемъ, настоячивыми просьбами, объ охранѣ казеннаго и частнаго имущества и проч. Достигнуть намѣченной цѣли генералу Карассу удалось не сразу. Убѣдившись въ безуспѣшности нѣкоторыхъ предпринятыхъ имъ указанiй, исполнявшихся не всѣми подвѣдомственными ему лицами съ должной энергiей, онъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ угрозамъ и только послѣ того, какъ генералу Безсонову было сдѣлано нѣ строгое внушенiе, а полковнику Цихоцкому предложено,

подъ страхомъ ареста и высылки изъ города, дѣйствовать рѣшительно, безпорядки въ Кіевѣ были прекращены.

Должность кіевскаго губернатора во время кіевскаго погрома исполнялъ вице-губернаторъ д. с. с. Рафальскій. Онъ былъ назначенъ на занимаемую имъ должность всего лишь 20 августа 1905 г. Не успѣвъ освоиться съ своими прямыми обязанностями, д. с. с. Рафальскій долженъ былъ вскорѣ вступить въ исправленіе вакантной должности губернатора. Онъ неожиданно принялъ на себя руководство ответственного и сложнаго дѣла администраціи кіевской губерціи въ особое тяжелое время смуты, не имѣя ни необходимой для этого опытности, ни надлежащихъ указавій со стороны непосредственнаго начальства. Занятый расстройствомъ (прекращеніемъ безпорядковъ, возникшихъ тогда въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, онъ былъ такъ же, какъ и другіе должностныя лица, достигнуть еврейскій погромъ врасплохъ. Трудность его положенія увеличивалась неправильной передачей охраны города Кіева войскамъ, сиѣной главнаго начальника края, а также бездѣйствіемъ полиціймейстера. Такъ же, какъ и вновь назначенный временный генералъ-губернаторъ, онъ употреблялъ всё зависящія отъ него мѣры побудить полиціймейстера дѣйствовать болѣе эвергично и самъ лично дѣлалъ попытки къ восстановленію порядка въ городѣ. Никакихъ нареканій со стороны временно исправлявшаго должность генералъ-губернатора онъ не вызывалъ.

По предоставленнымъ имъ полномочіямъ, мною преданы суду, съ удаленіемъ отъ занимаемыхъ должностей, полиціймейстеръ г. Кіева полковникъ Цихоцей, приставъ Подольскаго полиційскаго участка надворный совѣтникъ Лященко и помощникъ его коллежскій секретарь Пирожковъ по обвиненію ихъ въ противозаконномъ бездѣйствіи власти, имѣвшемъ особо важныя послѣдствія, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 2 ч. 341 ст. Улож. о наказаніяхъ. 3

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Прилож. № 1.

Кіевскій,

Копія.

Подольскій и Волынскій
Генераль-Губернаторъ.

Г. врем. командующему
войсками Кіевского военнаго округа.

№ 11750.

14 Октября 1905 г.

По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, сегодня, 13 октября, на сборищѣ въ университетѣ толпой въ 10 тыс. чел., организовавшейся въ революціонную партію, рѣшено 14 октября къ 10 час. утра всѣмъ собраться вооруженными въ университетѣ и оттуда идти на важнѣйшія общественныя зданія и учрежденія: вокзалъ, гдѣ предположено соединиться съ рабочими Юго-Западн. жел. дорогъ, городской театр, думу, всѣ среднія учебныя заведенія, полицейскіе участки, начиная съ Лукьяновскаго и т. п. Имѣя въ виду, что осуществленіе этой программы есть не что иное, какъ вооруженное возстаніе, я, согласно пар. 16 правилъ о содѣйствіи войскъ гражд. власт., передаю полномочія военному начальству съ 7 час. утра 14 сего октября. Подписалъ: Генераль-адъютантъ *Клейгельсъ*.

Временно командующій войсками Кіевского военнаго округа положилъ слѣдующую резолюцію:

Предлагаю генераль-лейтенанту Драке принять самыя энергическія мѣры къ подавленію беспорядковъ, въ случаѣ надобности употребить въ дѣло оружіе—словомъ съ 7 ч. утра 14 октября власть, къ обезпеченію порядка въ городѣ, передается вамъ. Подписалъ: генераль-лейтенантъ *Карасъ*. 14 октября.

Съ подличнымъ вѣрно:

За старшаго адъютанта,
генеральнаго штаба капитанъ *Власевъ*.

[Прилож. № 2.

Копія съ копія.

М. В. Д.

Кіевскій Губернаторь.

По канцелярїи.

Часть секретная.

18 Октября 1905 г.

№ 53.

Г. Кіевъ.

Кіевскому Полиціи-мейстеру.

Согласно распоряженію генералъ-губернатора, предлагаю вамъ освободитъ присяжнаго повѣреннаго Ратнера и лицъ, задержанныхъ вмѣстѣ съ приватъ-доцентомъ Леонтоновичемъ съ повязками Краснаго Креста, а также тѣхъ лицъ, на которыхъ наложено административное взысканіе за участіе въ засѣданіи литературно-артистическаго общества 14 прошлаго сентября.

Подлинно подписалъ я. д. губернатора,
вице-губернаторъ *Т. Рагальскій.*

Правитель канцелярїи *Дашевичъ.*

Съ подлиннымъ вѣрно: (подпис.)

Съ копіею вѣрно:

Управляющій канцелярїей сенатора, командированнаго по Высочайшему повелѣнію въ г. Кіевъ, *Н. Смоленскій.*

ПОСТАНОВЛЕНІЕ.

1905 года, декабря 19 дня, въ г. Кіевѣ. Командированный по Высочайшему повелѣнію для выясненія причинъ возникновенія происходившихъ съ октябрѣ того же года въ г. Кіевѣ беспорядковъ, а равно провѣрки правильности дѣйствій мѣстныхъ властей, севаторъ Турау, рассмотрѣвъ объясненія потерпѣвшихъ и очевидцевъ, очевидныхъ при разслѣдованіи причинъ еврейскаго погрома, происходившаго 18—21 октября с. г. въ городѣ Кіевѣ, а также сослѣдствія должностныхъ лицъ, нашелъ:

Вечеромъ 18 октября с. г., въ Кіевѣ, на Подольѣ, начались нападены на проходившихъ и проживавшихъ евреевъ, подвергавшихся при этомъ ограбленію. Въ то же время группы громилъ стали разбивать еврейскіе магазины и выбрасывать оттуда товары, которые частью тутъ же уничтожались, частью расхищались. Приостановившейся ночью погромъ съ еще большей силой возобновился утромъ 19 октября, и, распространившись почти по всему городу, окончился лишь вечеромъ 20 октября (л. д. 98 об., 105 и 106*). За всѣ дни погрома было разгромлено и разграблено около полуторы тысячи еврейскихъ квартиръ и торговыхъ помѣщеній, владельцы которыхъ понесли убытки въ сумму въ нѣсколько хиліоновъ рублей (л. д. 67 об.). Въ то время, когда по всему городу уже происходилъ погромъ, чины полиціи, по удостовѣренію какъ частныхъ, такъ и должностныхъ лицъ (л. д. 105), бездѣйствовали: начальникъ же кіевской полиціи полиціймейстеръ Цихопвій, не принимая никакихъ общихъ мѣръ къ возбужденію дѣятельности подчиненныхъ ему органовъ полиціи, и съмъ относился совершенно бездѣятельно къ проявленіямъ насилія надъ личностію и въ расхищенію имущества въ тѣхъ случаяхъ, когда ему при объѣздѣ города приходилось съвидѣтелемъ безчинствъ и разнузданности толпы громилъ.

Изъ приобщенныхъ къ дѣлу копій телеграммъ по полиціи видно, что первая подробная телеграмма съ уведомленіемъ о еврейскомъ погромѣ и съ предписаніемъ „предупредить“

* Помѣщенные здѣсь и въ дальнѣйшемъ въ скобкахъ буквы „л. д. об.“ и цифры обозначаютъ соответственные ссылки на слѣдственный матеріалъ (листы дознанія), собранный севаторомъ Турау во время ревизіи.

погромъ и насилие и все немедленно прекращать; оградить студентовъ, евреевъ и интеллигенцію; грабителей задерживать и арестовывать; вызывать войска; городовыхъ и надзирателей не бездѣйствовать, а рѣшительно дѣйствовать, не допуская разграбленія и растѣшенія"—была разсказа полиціймейстеромъ Цихоцкимъ полицейскимъ приставамъ лишь въ 9 часовъ 22 минуты вечера 19 октября.—Въ поданной же въ тотъ же день, въ 11 час. 25 мин. утра, телеграммѣ не упомянуто совершенно о еврейскомъ погромѣ, даются лишь общія общыя указанія о „задержаніи грабителей“ (л. д. 18 и 13 об.) Между тѣмъ, еще наканунѣ, вечеромъ 18 октября, по удостоверенію и. д. губернатора Рафальскаго, въ штабѣ военнаго округа, гдѣ тогда находились и полиціймейстеръ Цихоцкій, были получены свѣдѣнія о возникшемъ на Подолѣ еврейскомъ погромѣ. Вопросъ о погромѣ тутъ же обсуждался, и полковнику Цихоцкому было предложено принять въ нѣмъ мѣры къ предупрежденію погрома на слѣдующій день. Въ нѣмъ съ тѣмъ и. д. генералъ-губернатора генералъ-лейтенантъ Карасъ поручилъ полковнику Цихоцкому съѣздить къ начальнику охраны города генералу Драке и передать послѣднему нѣкоторыя его распоряженія, какъ командующаго войсками (л. д. 98 об.). Впоследствии же оказалось (л. д. 99), что распоряженія генерала Караса были переданы генералу Драке полковникомъ Цихоцкимъ не лично, а по телефону (л. д. 96 об. и 106).— Благодаря отсутствію общихъ руководящихъ указаній полиціймейстера, нѣкоторые пристава даже не знали о возникшихъ вечеромъ 18 октября на Подолѣ антиеврейскихъ беспорядкахъ и не приняли поэтому никакихъ мѣръ съ своей стороны къ предотвѣтствію имъ. Такъ, приставъ Старокиевскаго участка Цвѣтковичъ узналъ о еврейскомъ погромѣ лишь утромъ 19 октября, когда ему исправляющимъ должность губернатора Рафальскимъ приказано было отпавиться на Бессарабку для прекращенія беспорядковъ (л. д. 87). Распоряженіе же о принятіи мѣръ къ недопущенію погрома было получено Цвѣтковичемъ отъ полиціймейстера лишь въ ночь на 20 октября (л. д. 88). Приставъ Дворцоваго участка Маширъ докладывалъ и. д. губернатора Рафальскому, что ему такжѣ не было извѣстно о происшедшихъ 18 октября на Подолѣ беспорядкахъ, и потому возобновленіе погрома 19 октября застало его врасплохъ (л. д. 99). Даже на самомъ мѣстѣ погрома, какъ удостоверяетъ окресточный надзиратель Мильниченко (л. д. 143), полиціймейстеръ Цихоцкій не отдалъ никакихъ распоряженій о прекращеніи разгрома магазина, нима кото-

раго проѣхалъ, не останавливаясь.— По заявленію начальни-
ковъ отдѣловъ военной охраны города генераловъ Эверта (л.
д. 103) и Третьякова (л. д. 97), полиціймейстеръ Цихоцкій
никакихъ свѣдѣній о безпорядкахъ въ городѣ имъ не сообщалъ
и указавъ, куда слѣдуетъ направлять войска, имъ не давалъ.
По словамъ генерала Эверта, свѣдѣнія о происшедшемъ въ
городѣ, получавшіяся отъ полиціймейстера Цихоцкаго, на со-
вѣщаніяхъ начальствующихъ лицъ по охранѣ, страдали въ
большинствѣ случаевъ неопредѣленностью и сбивчивостью (л.
д. 103). Это послѣднее заявленіе генерала Эверта нашло себѣ
подтвержденіе въ объясненіяхъ капитана генеральнаго штаба
Духовнива (л. д. 108) и присяжнаго повѣреннаго Полховскаго
(л. д. 56), изъ показаній которыхъ видно, что полковникъ
Цихоцкій, находясь 20 октября на Еврейскомъ базарѣ, ука-
залъ командовавшему воинскимъ стряпцомъ капитану Духовниву
на угловой домъ № 41, заявляя, что въ этого дома произ-
ведены были выстрѣлы; между тѣмъ при проверкѣ оказалось,
что угловой домъ имѣетъ № 51-ый, и изъ дома этого, по
удостоверенію публики, никто не стрѣлялъ. На второй день
погрома, т. е. 19 октября, въ 4 часа дня, какъ удостовѣ-
ряетъ и. д. губернатора Рафальскій (л. д. 99) состоялось въ
штабѣ военного округа совѣщаніе, на которомъ присутство-
валъ и полковникъ Цихоцкій. На совѣщаніи рѣшено было
принять энергичныя мѣры къ подавленію безпорядковъ и вос-
противить патріотическія манифестаціи. Несмотря на это поста-
новленіе и необходимость дѣйствовать быстро, телеграммы о
воспрещеніи уличныхъ манифестацій, процессій съ флагами и
портретами, были разосланы полиціймейстеромъ Цихоцкимъ уча-
стковымъ приставамъ лишь на другой день, т. е. 20 октября,
въ 12 час. 26 минутъ дня (л. д. 14). Самъ же полковникъ
Цихоцкій, какъ усматривается изъ показанія генерала Третья-
кова (л. д. 97), не принималъ мѣръ къ предупрежденію без-
чинствъ и разгромовъ, совершавшихся подъ прикрытіемъ па-
тріотическихкихъ процессій. Такъ, когда одна изъ такихъ про-
цессій появилась въ Липкахъ, на Еватеревинской улицѣ, и
толпа собралась безчинствовать, генералъ Третьяковъ выска-
залъ присутствовавшему здѣсь же полиціймейстеру Цихоцкому
мысль о необходимости отвѣтъ у толпы флаги и портреты; но
полковникъ Цихоцкій не призвалъ возмужныхъ сдѣлать это,
и толпа была пропущена. Тотчасъ же около нея собралась
вторая толпа, которая стала разгромять домъ. Только послѣ
того, какъ генераломъ Третьяковымъ были отобраны у толпы
флаги и портреты, толпа разошлась и въ Липкахъ болѣе не

показывалась (л. д. 97). Отсутствие общих указаний и надлежащих наставлений полициймейстера повело к тому, что чины полиціи, допуская бездѣйствіе при подавленіи беспорядковъ, въ то же время не принимали мѣръ къ задержанію громилъ и похитителей имущества изъ разгромленныхъ еврейскихъ квартиръ и магазиновъ. Изъ рапортовъ полковника Цихоцкаго кіевскому губернатору и генераль-губернатору видно, что 18 октября было задержано лишь 15 человекъ, 19 октября—11 человекъ и только 20 октября,—послѣ энергичныхъ предписаній губернатора и генераль-губернатора (л. д. 98 и 96) проявить дѣятельность при подавленіи беспорядковъ. — число задержанныхъ возрасло до 111 человекъ, а 21-го достигло даже 352 человекъ (л. д. 144—148).

Независимо отъ общаго бездѣйствія, допущеннаго полковникомъ Цихоцкимъ во время еврейскаго погрома и выразившагося въ отсутствіи съ его стороны надлежащаго руководства дѣйствіями чиновъ полиціи по прекращенію погрома, имъ лично неоднократно было проявлено полное бездѣйствіе власти по прекращенію погрома магазиновъ и расхищеніи имущества, совершавшагося на его глазахъ при проѣздѣ его по улицамъ Кіева. Особенно ярко случаи такого бездѣйствія описаны въ ежеслѣдующихъ заявленіяхъ потерпѣвшихъ и очевидцевъ погрома.

а) Съ самаго утра 19 октября по городу стали ходить съ портретами Государя и національными флагами патристическія процессіи, участники которыхъ, стѣлаясь отъ манифестантовъ, громили на обѣихъ сторонахъ улицъ магазины и выбрасывали изъ нихъ товары. Очевидцы такихъ манифестацій удостоверяють, что въ процессіяхъ принималъ участіе и полковникъ Цихоцкій, не обращавшій при этомъ никакого вниманія на совершавшійся въ его присутствіи разгромъ и разграбленіе еврейскихъ магазиновъ. Такъ Говтій Львовичъ (л. д. 58) былъ свидѣтелемъ того, какъ полиціимейстеръ Цихоцкій 19 октября шелъ во главѣ толпы манифестантовъ, въ которые изъ которыхъ громили по дорогѣ магазины. Купецъ Моисей Золотницкій лично видѣлъ (л. д. 63), какъ въ тотъ же день къ думѣ подшла съ портретами Государя и флагами толпа громилъ, вооруженныхъ кольями, донами и топорами. Въ толпѣ выходилъ и Цихоцкій безъ фуражки. Съ думскаго балкона кто-то говорилъ рѣчь, закончивъ ее словами: „бейте жидовъ, грабъ, донай“. Рѣчь была покрыта криками „ура“, послѣ чего толпа стала качать Цихоцкаго, а затѣмъ небольшими группами устремилась въ разные стороны къ магазинамъ (л. д. 62—63). На глазахъ студента Густылева (л. д. 76), утроемъ

19 октября, происходил разгромъ магазина „Вухгольца“, при чемъ тутъ же находился и полковникъ Цихоцкій, который не обращая вниманія на разгромъ, на звонъ разбиваемыхъ и падающихъ стеколъ и трескъ рамъ, снялъ шапку, крикнувъ „ура“, и медленно направился на встрѣчу приближавшейся патриотической процессіи (л. д. 76). Такую же картину наблюдали въ тотъ же день свидѣтели Казарновскій (л. д. 80) и Эгизъ (л. д. 85) на Большой Васильковской улицѣ: и тамъ также полковникъ Цихоцкій, чувствуя во главѣ манифестантовъ, относился совершенно безучастно къ происшедшему на его глазахъ погрому и не принималъ рѣшительно никакихъ мѣръ къ охранѣ имущества населенія, хотя тутъ же были и полицейскіе и воинскіе наряды и хотя, — какъ удостовѣряютъ околотоchnый надзиратель Остроменскій (л. д. 71), лично съ тремя городовыми и нѣсколькими солдатами защитившій свой околотокъ отъ погрома, свидѣтельница Шюнарская (л. д. 89), Іоаннъ Эйзенштейнъ (л. д. 55) и Андрей Шибинскій (л. д. 73), — погромъ можно было не только прекратить, но и предупредить. Околотоchnому надзирателю Остроменскому не приходилось прибѣгать даже къ оружію: достаточно было энергично разносить громиль, и они разбѣгались. На Маринско-же Благовѣщенской улицѣ толпа бросилась бѣжать, услышавъ свистокъ: данный полицейскимъ приставомъ. (л. д. 71 об.). На Большой Васильковской улицѣ по свидѣтельству Шабинскаго (л. д. 73 об.), толпа бѣжала на протяжении пѣлаго квартала подъ энергичнымъ натискомъ пристава, гремящаго громиль съ револьверомъ въ рукѣ и съ однимъ городовымъ. Упомянутая уже свидѣтельница Эгизъ видѣла полковника Цихоцкаго на Большой Васильковской улицѣ и на слѣдующій день, т. е. 20 октября, когда Цихоцкій, подѣлываясь къ разграбленой еврейской булочной, схватилъ одну булку, бросилъ ее въ кого то изъ громиль и, со словами „что вы дѣлаете“, ухалъ (л. д. 85).

б) Того же 19 октября, около 9 часовъ утра, на Большой Васильковской улицѣ громили и грабили магазинъ часовщика Фрейдиса (л. д. 79). Въ это время, по удостовѣренію самого потерпѣвшаго, а также свидѣтеля Хаима Бланка (л. д. 79), Хаима Гавлзы (л. д. 79 об.) и студента Патлы (л. д. 60), къ магазину прибылъ полковникъ Цихоцкій, который на прѣдствіе громиль расклаваясь съ ними, но мѣръ къ прекращенію погрома не принималъ, не смотря на проходившіе патрули и проѣзжавшіе отряды казаковъ.

в) За нѣсколько минутъ до описаннаго происшествія грабили магазины на Бессарабкѣ. Тутъ же находился и полиціймейстеръ, который ограничился только тѣмъ, что держа въ рукѣ револьверъ, кричалъ: „расходитесь, господа“. На слова его никто не обращалъ никакого вниманія, считая ихъ не серьезными и отвѣчая на нихъ шутокъ, громили ободряя другъ друга словами: „че бойся, дуракъ, это оза въ шулку“ и кричали Цихоцкому „ура“ (л. д. 79 об.).

г) Въ тотъ же день, 19 октября, около часа дня, въ Линкахъ, на Есатерининской улицѣ, громили и грабили домъ Льва Бродскаго. Очевидцы этого разгрома, а именно: инженеръ Ростиславъ Афанасьевъ (л. д. 53), студентъ Павловскій (л. д. 77 об.), профессоръ Желѣзновъ (л. д. 77), его жена и сестра (л. д. 77 об.), Александра Щербина (л. д. 84) и мировой судья Савицкій (л. д. 95) удостовѣряютъ, что въ то время, какъ въ присутствіи стоявшихъ у губернаторскаго дома войскъ громили и грабили домъ Бродскаго, подъѣхалъ полиціймейстеръ Цихоцкій. При видѣ его часть грабителей бросилась бѣжать. Вскорѣ, однако, было видно, какъ Цихоцкій съ толпою сталъ подвигаться въ сторону Александровской улицы, а въ это время, за спиной Цихоцкаго, изъ оконъ дома Бродскаго выпрыгивали громилы и, никѣмъ не задерживаемые, разбѣгались. Несмотря на присутствіе конныхъ и пѣшихъ войскъ, никто грабителей не арестовывалъ. Тутъ же на глазахъ Цихоцкаго и присутствовавшихъ связывали выброшенные изъ дома вещи въ узлы и увозили ихъ, но Цихоцкій нѣрѣ къ задержанію похитителей не прѣдлагалъ. Инженеръ Афанасьевъ (л. д. 53 об.) слышалъ при этомъ, какъ Цихоцкій обращался къ толпѣ съ какою-то рѣчью, въ отвѣтъ на которую раздались крики „ура“. По словамъ же мирового судьи Савицкаго, полковникъ Цихоцкій, подъѣхавъ къ дому Бродскаго, сталъ въдвоять порядокъ, говоря громиламъ: „чу, будьте, дозволено, иди съ миромъ“, и громилы поспушно оставляли домъ, присоединяясь къ толпѣ манифестантовъ національными флагами (л. д. 95 об.). На свидѣтельница Щербину все это промывало впечатлѣніе, какъ будто чины полиціи и войска присланы не для разсвѣнія, а для охраны громиль (л. д. 84).

д) Свидѣтель Иванъ Бакутъ (л. д. 94) въ дни погрома дважды видѣлъ полиціймейстера Цихоцкаго при проѣздѣ его по улицамъ во время совершающагося погрома магазиновъ, при чемъ Цихоцкій къ разгрому относился совершенно безучастно и никакихъ нѣрѣ къ прекращенію грабежа не прѣдлагалъ. Это обстоятельство удостовѣряетъ также Моисей Ап-

теръ (л. д. 90). Александръ Рабиновичъ (л. д. 83) и Авраамъ Кругликовъ (л. д. 78), по словамъ котораго громилы встрѣчали Цихоцкаго изъ Крещатикѣ криками „ура“, а онъ въ отвѣтъ раскланывался и продолжалъ путь, не обращая вниманія на погромъ и не обращаясь къ содѣйствію стоявшихъ по близости у думы войскъ.

е) По заявленію Софіи Шпонарской, когда она 18 октября, встрѣтивъ Цихоцкаго у окружнаго суда, сказала ему о расхищеніи имущества изъ Мало-Житомирской улицы, Цихоцкій прогналъ ее, крикнувъ: „пшла вонъ“ (л. д. 89).

ж) Товарищъ прокурора Цемлянчикова (л. д. 81 и 92) былъ очевидцемъ разгрома и разграбленія магазиновъ у городской думы въ присутствіи цѣлаго отряда войскъ и начальника отдѣла охраны. Во время разгрома подъѣхалъ полковникъ Цихоцкій, который первоначально направилъ противъ громиль вѣсколькихъ солдатъ; дѣйствовалъ онъ, однако, крайне перфшительно, и на громиль его дѣйствія никакого впечатлѣнія не производили: они тутъ же изъ за спины Цихоцкаго и изъ подъ штыковъ солдатъ вытаскивали изъ витринъ товары и расхищали ихъ, но Цихоцкій никакихъ мѣръ къ задержанію грабителей не принималъ, а затѣмъ, по приглашенію начальника отдѣла охраны города, совершенно ушелъ отъ разграбляемыхъ магазиновъ, послѣ чего громилы, на глазахъ Цихоцкаго, совершенно безпрепятственно, съ возрастающей энергіей, стали продолжать разореніе магазина (л. д. 92). Свидѣтелемъ всего этого былъ также Александръ Рабиновичъ (л. д. 83 и 151).

з) Смотритель Народнаго дома Андрей Шибивскій (л. д. 73), укрьшій въ этомъ домѣ ограбленныхъ евреевъ, когда начался погромъ сосѣднихъ магазиновъ, обратился по телефону къ полиціймейстеру съ просьбой объ охранѣ. Но полиціймейстеръ, узнавъ, что на посту находится городовая и патруль, прекратилъ дальнѣйшій разговоръ съ Шибивскимъ, хотя послѣдній и указывалъ, что патруль ничего не дѣлаетъ и покрываетъ грабителей.

и) Въ теченіе 19 и 20 октября, было совершенно разграблено и разгромлено принадлежавшее министерству народнаго просвѣщенія богатое еврейское училище имени Бродскаго. Еще наканунѣ, т. е. 18 октября, вечеромъ, завѣдующій училищемъ Шиперовичъ, узнавъ, что трамвайные служители собираются громить училище, уведомилъ объ этомъ по телефону Цихоцкаго, прося защиты. Въ отвѣтъ Цихоцкій обѣщавъ прислать патруль и охрану. На слѣдующій день, когда уже начался погромъ, Шиперовичъ снова неоднократно просилъ о томъ

же Цихоцкаго, который обѣщаль прислать охрану, но обѣщанія своего не исполняль, и училище, выкѣмъ не охраняемое, было разорено и разграблено. Шиперовичъ съ семьей напелъ пріютъ у директора вародныхъ училищъ Лубенца, который, узнавъ о происшествіи, въ 5 часовъ, 19 октября, написалъ полковнику Цихоцкому оффціальное срочное уведомленіе о разгромѣ училища, прося защиты и указывая, что училище—казенное. Уведомленіе это полицімейстеромъ было получено, но никакихъ распоряженій по этому поводу сдѣлано не было, и когда Лубенецъ посѣтилъ утромъ, 20 октября училище, то напелъ еще съ немъ грабителей, похитившихъ посѣднія цѣнныя вещи, оставшіяся еще въ училищѣ, какъ напр., дверныя ручки и т. п. (л. д. 64, 84 об. и 86).

в) Проявленіе полиціевиномъ Цихоцкимъ полного бездѣйствія во время погрома продолжалось также и 20 октября. Въ этотъ день на еврейскомъ базарѣ громили еврейскіе магазины; тутъ же были воинскіе отряды и пулеметь, а затѣмъ пріѣхаль и полицімейстеръ, который, однако, по удостовѣренію свидѣтелей Эйзенштейна (л. д. 54), Игдала (л. д. 68) и присяжнаго повѣреннаго Полховскаго (л. д. 56), не претяствовалъ погрому и не дѣлаль никакихъ попытокъ къ разсѣянью и задержанью громилъ. По словамъ Полховскаго, какой-то человекъ въ присутствіи Цихоцкаго даже успокаиваль грабителей, говоря имъ, что „сегодня вы одинъ русскій не пострадаетъ“. Когда же свидѣтель Игдаль, подбѣжавъ къ Цихоцкому, сталъ со слезами просить у него помощи, Цихоцкій отвѣтилъ, что черезъ полчаса все будетъ окончено. Въ это время громили, услыхавъ жалобы и просьбы Игдала, бросилъ на него съ криками: „мы тебѣ покажемъ, бей жиды“. Игдаль сталъ убѣгать, Цихоцкій же продолжалъ стоять спокойно, не обращая вниманія на преслѣдованіе свидѣтеля громилами (л. д. 68).

к) Въ тотъ же день свидѣтель Вольфъ Берлявдъ видѣль, какъ двѣ какихъ-то жерщины у магазина Эпельбаума вырывали изъ рукъ другъ у друга кусокъ выброшеннаго громилами изъ магазина полотна. Пріѣхаль полицімейстеръ Цихоцкій и не обратилъ на это никакого вниманія; сѣдовавший же за нимъ какой-то полицейскій чиновникъ составился, вынулъ шашку и разрѣзалъ полотно пополамъ, чѣмъ удовлетворилъ обѣихъ жещивъ (л. д. 69).

л) Наконецъ, на Бибикогскомъ бульварѣ, студентъ Владиславъ и Евстафій Ксціевскіе были свидѣтелями того, какъ 20 октября двое громилъ, прѣбывая на извозчикѣ и увидѣвъ

приближавшагося въ экипажѣ полковника Цихоцкаго, стали махать веревочкой съ наизычными на ней золотыми кольцами. Цихоцкій же въ отвѣтъ улыбнулся и отдалъ грохиланъ честь, приложивъ руку къ козырьку (л. д. 93).

На полное бездѣйствіе, проявленное Цихоцкимъ во время анти-еврейскихъ беспорядковъ, своевременно было обращено вниманіе и его начальствомъ. Еще 19 октября н. д. губернатора, вице-губернаторъ Рафальскій, объѣхавъ городъ и убѣдившись въ полномъ бездѣйствіи полицейскихъ чиновъ, немедленно же послалъ Цихоцкому за № 1501, предписаніе, требуя, чтобы онъ пробудилъ энергію въ подвѣдомственныхъ ему полицейскихъ чинахъ и принялъ всѣ мѣры къ охранѣ личности и имущества частныхъ лицъ, причѣмъ исполненіе этого предписанія возложилъ всецѣло на отвѣтственность полицей-кейстера (л. д. 99 и 101). Въ тотъ же день и управляющій канцеляріей генераль-губернатора Молчановскій вслѣдствіе полученной отъ гр. Витте телеграммы о прекращеніи погрома, предупредилъ полковника Цихоцкаго въ энергичной формѣ, что, если дѣло будетъ идти такъ и дальше, то не мѣшкать Цихоцкому каторги (л. д. 105). И. д. генераль-губернатора генераль-лейтенантъ Карасъ, на второй день послѣ вступленія въ отправленіе своей должности, указавъ полковнику Цихоцкому, который лишь по особому вызову считъ нужнымъ впервые представиться н. д. генераль-губернатора, на бездѣятельность городской полиціи при погромѣ. 20-го же октября генераль Карасъ, вызвавъ Цихоцкаго въ штабъ военнаго округа, послѣ рѣзкой, внушительной рѣчи, заявилъ Цихоцкому въ присутствіи н. д. губернатора Рафальскаго, управляющаго канцеляріей генераль-губернатора д. с. с. Молчановскаго и начальника штаба генерала Маврина, что, если погромъ не прекратится, то онъ немедленно устранитъ Цихоцкаго отъ должности и вышлетъ его изъ города въ 24 часа (л. д. 96, 98, 105, 106 и 107). Лишь послѣ столь внушительныхъ угрозъ стали приниматься мѣры противъ погрома, который и прекратился къ 21 октября. Находясь послѣ этого въ штабѣ военнаго округа 21 октября, полковникъ Цихоцкій, въ присутствіи генераловъ н. д. с. с. Молчановскаго, развѣвалъ мысль, что еврейскій погромъ идетъ и хорошую сторону, такъ какъ заставилъ революціонеровъ прятаться (л. д. 105 об.).

Въ затребованныхъ отъ полковника Цихоцкаго, согласно 1086 ст. уст. уг. суд., объясненіяхъ по поводу собранныхъ противъ него данныхъ, — Цихоцкій, строгая справедливостъ заявленій всѣхъ потерпѣвшихъ и очевидцевъ погрома, утверж-

дать, что все обвинения, возводимыя на него, не верны, такъ какъ во всѣхъ случаяхъ, когда объ лично былъ свидѣтелемъ насилія надъ личностію и расхищенія имущества, овъ немедленно принималъ мѣры къ прекращенію погрома, лично разгонялъ и задерживалъ громилъ. 18 октября ему никто не докладывалъ о возникшемъ въ городѣ погромѣ, и овъ узналъ о немъ лишь въ 12 часовъ ночи въ думѣ, куда зашелъ послѣ совѣщанія въ штабѣ военного округа и гдѣ засталъ и пристава Цвѣтковича. На совѣщаніи же въ штабѣ о погромѣ не было и рѣчи (л. д. 115 об. и 117). Вернувшись домой, овъ въ 2 часа ночи звонилъ во все полицейскіе участки и приказывалъ принять мѣры къ предупрежденію погрома на слѣдующій день (л. д. 115 об.). Однако, это послѣднее объясненіе полковника Цихоцкаго находится въ полномъ противорѣчьи какъ съ изложенными выше заявленіями д. с. с. Рафальскаго, пристава Цвѣтковича и околоточнаго надзирателя Мельниченко, такъ и съ первоначальными его объясненіями, представленными имъ 16 ноября. Въ этихъ объясненіяхъ овъ прямо указываетъ, что 18 октября лично съ чинами полиціи энергично препятствовалъ разгрому, защищая жизнь евреевъ и, слѣдовательно, о погромѣ зналъ во время самаго его возникновенія, а ночью 18 го октября былъ на совѣщаніи у начальника военной охраны города (л. д. 36 об.). Неблагоприятные отзывы о немъ д. с. с. Молчановскаго и Рафальскаго полковникъ Цихоцкій (объясняетъ неприязненнымъ отношеніемъ къ нему первого и желаніемъ послѣдняго свалить всю вину за погромъ на другое лицо. Между прочимъ, по поводу предисавія д. с. с. Рафальскаго отъ 19 октября за № 1501 объ усилевіи дѣятельности чиновъ полиціи, Цихоцкій заявляетъ, что, насколько помнить, овъ такого предисавія не получалъ, но, быть можетъ, и сбывается.

Во всякомъ случаѣ, 19 октября овъ послалъ приставамъ рядъ телеграммъ, требуя подавленія безпорядковъ (л. д. 119 об. и 120—122). Генералу Карассу овъ докладывалъ о бездѣйствіи войскъ, и за это все власти стали къ нему во враждебныя отношенія (л. д. 117 и об.). Между тѣмъ, какъ удостовѣряетъ генералъ Карассъ (л. д. 96), полковникъ Цихоцкій о бездѣйствіи войскъ ему не докладывалъ. Предисавія генерала Карасса и передачѣ лично распоряженій генералу Драке овъ не исполнилъ потому, что самъ генералъ Драке, вызвавъ его по телефону для переговоровъ о безпорядкахъ и узнавъ, что Цихоцкій собирается прибыть къ нему, просилъ не беспокоиться, такъ какъ надобности въ этомъ нѣтъ (л. д.

119). Въ заключеніе полковникъ Цихоцкій добавилъ, что угроза генерала Карасса выслать его изъ Кіева глубоко его оскорбила, такъ какъ онъ этого не заслужилъ. Все, что отъ него зависѣло, онъ дѣлалъ и не виноватъ въ томъ, что войска 19 октября относились безучастно къ погрому и допускали его, а 20-го дѣйствовали слабо. Теперь же послѣ погрома военныя власти и вице-губернаторъ Рафальскій всю отвѣтственность за послѣдствія погрома слагаютъ на него. Между тѣмъ, предупредить или прекратить погромъ было совершенно невозможно, такъ какъ онъ разразился неожиданно, какъ стихійная сила (л. д. 118).

Обращаясь къ оцѣнкѣ собранныхъ разслѣдованіемъ противъ Кіевского полиціймейстера полковника Вячеслава Цихоцкаго данныхъ, заключающихъ въ себѣ прямыя указанія на противозаконное бездѣйствіе власти, допущенное имъ во время еврейскаго погрома 18—21 октября с. г. въ г. Кіевѣ, надлежитъ признать, что данныя эти не опровергнуты полковникомъ Цихоцкимъ, такъ какъ въ объясненіяхъ сзанныхъ онъ лишь отрицаетъ достовѣрность событій, устававаемыхъ заявленіями потерпѣвшихъ и очевидцевъ погрома и сообщеніями должностныхъ лицъ.

Въ виду этого и принимая во вниманіе:

1) что на полковника Цихоцкаго падаетъ обвиненіе въ допущенномъ во время анти-еврейскихъ беспорядковъ въ Кіевѣ 18—21 октября 1905 г. противозаконномъ бездѣйствіи власти, выразившемся: а) въ томъ, что, будучи обязанъ, какъ начальникъ мѣстной полиціи, руководить дѣйствіями подвѣдомственныхъ ему чиновъ, по предупрежденію и прекращенію беспорядковъ и имѣя 18 октября своевременно свѣдѣнія о возникшемъ въ одесѣ изъ кіевскихъ полицейскихъ участковъ еврейскомъ погромѣ, онъ не увѣдомилъ о немъ полицейскихъ приставовъ и не указалъ выкаки мѣръ къ предупрежденію возобновленія погрома на слѣдующій день, а затѣмъ, по возобновленіи погрома 19 октября, не руководилъ дѣйствіями полиціи по прекращенію разгрома квартиръ и магазиновъ и расхищенія имущества и не обращался къ надлежащему содѣйствію войскъ, согласно 16 ст. правилъ о призывѣ войскъ для содѣйств. гражд. вл. (прил. къ 316 ст. прим. общ. губ. учр., т. II), и б) въ томъ, что, будучи самъ, при объѣздѣ города, неоднократно очевидцемъ совершавшихся на его глазахъ проявленій насилія надъ личностью и расхищенія имущества, онъ, отнесся къ этому совершенно бездѣятельно, не принималъ ни-

какихъ мѣръ къ подавленію безпорядковъ и къ защитѣ неприкосновенности личности и имущества жителей города,

и 2) что проявленное полковникомъ Цихоцкимъ бездѣйствіе власти сопровождалось особенно важными послѣдствіями, такъ какъ повлекло за собою разгромъ и разграбленіе около полуторы тысячи еврейскихъ квартиръ и торговыхъ помѣщеній, съ причиненіемъ убытковъ на сумму въ нѣсколько миліоновъ рублей, — командированный по Высочайшему повелѣнію сенаторъ Турау, руководствуясь Высочайшимъ повелѣніемъ 16 ноября с. г., ст. 23 приложенія къ ст. 256 т. I учр. прав. сената, изд. 1857 г., 2 п. Высочайшаго повелѣнія 22 сентября 1880 года (собр. узак. № 97, ст. 738), статьями 1087, 3 п. 1089, 1100 и 1101 уст. угол. суд., постановилъ: 1) назначить предварительное слѣдствіе черезъ судебного слѣдователя по обвиненію Кіевскаго полиціеистра полковника Вячеслава Иванова Цихоцкаго въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ 2 ч. 341 ст. улож. о вак., и 2) удалить полковника Цихоцкаго отъ занимаемой имъ должности Кіевскаго полиціеистра, сообщивъ объ этомъ, для надлежащаго исполненія, Кіевскому губернатору.

Подлинное подписалъ сенаторъ Е. Турау.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ.

1905 года, декабря 19 дня, въ г. Кіевѣ. Командированный по Высочайшему повелѣнію для выясненія причинъ возникновенія происходившихъ въ октябрѣ того же года въ г. Кіевѣ беспорядковъ, а равно провѣрки правильности дѣйствій мѣстныхъ властей сенаторъ Турау, рассмотрѣвъ объясненія потерпѣвшихъ и очевидцевъ, опрошенныхъ при разслѣдованіи причинъ еврейскаго погрома, происходившаго 18—21 октября с. г., въ г. Кіевѣ, внашелъ:

Вечеромъ, 18 октября с. г., въ Кіевѣ, въ предѣлахъ Подольскаго полицейскаго участка, приставомъ котораго въ то время состоялъ гавборный совѣтникъ Лященко, а помощникомъ пристава коллежскій секретарь Пирожковъ, начались нападенія на проходившихъ и проѣзжавшихъ евреевъ, подвергавшихся при этомъ ограбленію. Въ то же время группы громилъ стали разбивать еврейскіе магазины и выбрасывать оттуда товары, которые частью тутъ же уничтожались, частью расхищались. Прислановившійся было ночью погромъ съ еще большей силой возобновился утромъ 19 октября и, продолжаясь этотъ и слѣдующій день, окончился лишь вечеромъ 20 октября (л. д. 1, 10, 33, 19, 4). За всѣ дни погрома было разгромлено и разграблено вѣскольکو сотъ еврейскихъ квартиръ и торговыхъ помѣщеній, главѣлыи которыхъ понесли убытки на сумму въ вѣскольکو милліоновъ рублей (л. д. 21 об.). Въ то время, когда по всему Подолу уже происходилъ погромъ и открытый грабежъ еврейскихъ магазиновъ, члены полиціи, по удостовѣренію какъ частныхъ, такъ и должностныхъ лицъ (л. д. 35, 4, 27) бездѣйствовали. Приставъ же полицейскаго участка Лященко и помощникъ его Пирожковъ, не руководя дѣйствіями подчиненныхъ имъ нижнихъ чиновъ полиціи по предупрежденію и прекращенію беспорядковъ, и сами относились бездѣятельно къ проявленіямъ насилія надъ личностью и къ расхищенію имущества въ тѣхъ случаяхъ, когда при обходѣ своего участка, имъ приходилось быть свидѣтелями безчинствъ и разнузданности толпы громилъ. 6. 23

Отсутствіе общаго руководства дѣйствіями низшихъ полицейскихъ чиновъ по прекращенію безисрядковъ и случаевъ вра-

ного и непосредственного бездѣйствія власти. проявленнаго пристава Лященко и помощникомъ его Пирожковымъ, особенно ярко описаны въ нижеслѣдующихъ заявленіяхъ потерпѣвшихъ и очевидцевъ погрома. а) Около 6 часовъ вечера, 18 октября с. г., купецъ 1-ой гильдіи Быкъ (л. д. 33, 10), находясь за Александровской улицѣ, противъ дома Процевки, видѣлъ пристава Лященко и помощника его Пирожкова, которые, проходя по улицѣ съ околоточными и двумя господскими, говорили громко: „бейте жидовъ до одного и грабьте ихъ“. Тотчасъ же послѣ прихода этихъ чиновъ полиціи начался разгромъ и разграбленіе еврейскихъ магазиновъ. Впослѣдствіи при обыскѣ свидѣтель слышалъ, какъ обыскиваемые, бравя полицейскихъ чиновъ, говорили „сами приказали гробить а теперь обескуражить“ (л. д. 33 об.), б) Въ тотъ же вечеръ купецъ Лифшицъ (л. н. 19) и обойщикъ Давидъ Фаторовичъ (л. д. 21) были очевидцами нападенія на Александровской улицѣ на евреевъ и ограбленія ихъ, а также разгрома еврейскихъ магазиновъ. Тутъ же на улицѣ стояли приставъ Лященко и помощникъ его Пирожковъ, которые, наблюдая спокойно картину погрома и открытаго грабежа, не дѣлали рѣшительно никакихъ попытокъ къ прекращенію погрома и къ задержанію громилъ. Свидѣтелей такого же безучастнаго отношенія разванныхъ чиновъ полиціи къ проявленіямъ насилія и къ расхищенію имущества былъ также Самуэль Аштейнъ, по удостовѣренію котораго ни Лященко, ни Пирожковъ не позаботились обратиться къ стоявшимъ тутъ же патрулямъ для прекращенія безчинствъ грабителей и задержанія послѣднихъ. в) Прапорщикъ Миргородскаго полка Ждановъ (л. д. 1—3), проезжая вечеромъ 18 октября по Александровской улицѣ, видѣлъ, какъ группа громилъ, состоявшая изъ 4 или 5 чиновъ старалась разбивать зеркальные стекла въ магазинѣ Дудкина. Вблизи Ждановъ замѣтилъ пристава Лященко, ирцо бесѣдовавшаго съ околоточными надзирателями и не обращавшаго вниманія на то, что происходило на улицѣ. хотя не замѣтить этого нельзя было ни въ какомъ случаѣ. Поравнявшись съ Лященко, прапорщикъ Ждановъ сказалъ ему о начавшемся погромѣ. На это Лященко что-то отвѣтилъ и затѣмъ, продолжая бесѣдовать, сталъ подвигаться по направленію къ Александровскому спуску. На слѣдующій день, т. е. 19 октября, въ 12 часовъ дня, прапорщикъ Ждановъ видѣлъ на улицѣ помощника пристава Пирожкова, который прожигивался мимо магазиновъ совершенно спокойно въ то время, когда тутъ же, на глазахъ у него, происходилъ открытый грабежъ. Между тѣмъ по собственному опыту прапорщикъ Ждановъ

новъ знаетъ, что предупредить погромъ было не трудно: лично внушительнымъ окрикомъ прогналъ громиль отъ того дома, гдѣ живетъ, а затѣмъ ночью съ день—разгрома (л. д. 1—3). г) 19 октября Неважъ Факторовичъ (л. д. 22) былъ очевидцемъ того, какъ толпа громила и грабила одинъ изъ магазиновъ на Александровской улицѣ. Неожиданно изъ противоположнаго дома раздался выстрѣлъ, и толпа разбѣжалась. Въ это время подошелъ приставъ Лященко, который обратился къ громиламъ со словами: „не бойтесь, ребята, это стрѣлялъ жидъ“. Послѣ этихъ словъ пристава Лященко, громилы бросились къ магазину Бровштейна и разграбили его. Стоявшій тутъ же помощникъ пристава Пирожковъ не предпринималъ разгрому (л. д. 22).—Свидѣтелемъ такого же бездѣйствія, проявленнаго помощникомъ пристава Пирожковымъ 19 октября, былъ также купецъ Мойша Кацъ, по словамъ котораго Пирожковъ, прохаживаясь по Александровской улицѣ, не обращалъ никакого вниманія на происходившій на его глазахъ разгромъ и разграбленіе магазиновъ и не принималъ никакихъ мѣръ къ защитѣ ихъ, хотя по улицѣ проѣзжали мимо казаки, а на Александровской площади, около электрической станціи, стоялъ патруль числомъ болѣе 40 человекъ (л. д. 17). д) Въ тотъ же день на Александровской улицѣ былъ разграбленъ богатый мануфактурный магазинъ Пеховича. Очевидецъ этого разгрома столяръ Ханжъ Ароновъ (л. д. 15 об.) удостовѣряетъ, что еще до разграбленія этого магазина приставъ Лященко, увидѣвъ приближавшуюся по Александровской улицѣ патриотическую процессію, сталъ поджидать ее. Когда толпа манифестантовъ подошла къ магазину Пеховича, Лященко махнулъ толпѣ рукою, послѣ чего неслие портреты Государя и Государыни приостановились, а толпа бросилась на магазинъ Пеховича и стала громить и грабить его. Лященко отошелъ въ сторону, тутъ же на площади находились и другіе полицейскіе чины, въ томъ числѣ и помощникъ пристава Пирожковъ, но ни овъ, ни Лященко разгрому не препятствовали и мѣръ къ задержанію громиль не принимали, хотя на улицѣ стояли патрули и проходили мимо части войскъ. Потомъ Ароновъ былъ свидѣтелемъ, какъ въ присутствіи пристава Лященко были разгромлены и другіе магазины (л. д. 15 об.). Очевидцемъ бездѣйствія пристава Лященко при разгромѣ магазина Пеховича былъ также Александръ Курюдинъ (л. д. 6 об.), который цѣлый часъ оставалъ этотъ магазинъ отъ громиль, а затѣмъ вынужденъ былъ обратиться за помощью къ бывшему тамъ же Лященко, прося его поставить кого-либо у магазина. На просьбу—Лященко

рѣзко отвѣтить: „можете стать сами“ и обѣщала поставить охрану, если приплотъ войска. Охрана, однако, поставлена не была, хотя войска были и раньше и послѣ разговора съ приставомъ. Разгромъ магазина Пехвича продолжался до вечера, причѣмъ бывшій въ толпѣ Лященко не сдѣлалъ никакой попытки воспрепятствовать погрому (л. д. 6 об.). Во время разграбленія этого магазина, по удостовѣренію домовладѣльца Ивана Прядченко (л. д. 14 об.), тутъ же стоялъ и помощникъ пристава Пирожковъ, который, не обращая вниманія на погромъ, курилъ пачиросу и спокойно разговаривалъ со знакомымъ. Получалось впечатлѣніе, какъ будто Пирожковъ разгромъ магазина считалъ самымъ обычнымъ явленіемъ (л. д. 14 об.).

е) Приказчикъ Илья Прасковскій удостовѣряетъ, что 19 октября толпа, разбивъ на Александровской площади одинъ еврейскій магазинъ, остановилась въ недоумѣніи передъ магазиномъ съ надписью „Кустарь“, не зная, русскій-ли это или еврейскій. Кто-то убѣдилъ громилъ, что это русскій магазинъ, и толпа пошла было дальше. Тогда помощникъ пристава Пирожковъ, обращаясь къ громиламъ, сказалъ: „бейте, это—жидовскій“. Толпа вернулася и разгромила магазинъ (л. д. 15). О такомъ же случаѣ Ушеру Зянкову (л. д. 25) рассказывалъ знакомый его купецъ Черный. ж) По словамъ Деміана Пинчука (л. д. 7), въ 2 часа дня, 19 октября, толпа напала на Подолѣ на магазинъ Шварцмана, но стоявшіе у магазина солдаты подъ командой фельдфебеля и казаки прогоняли громилъ. Тутъ же находится приставъ Лященко и помощникъ его Пирожковъ. Кто-то изъ толпы сталъ упрекать фельдфебеля, что онъ не допускаетъ къ магазину, несмотря на то, что самъ приставъ разрѣшилъ разбивать магазинъ. Тогда фельдфебель подошелъ къ приставу Лященко, поговорилъ съ нимъ о чемъ-то, и вернувшись къ солдатамъ, отвелъ ихъ въ сторону. Казаки также отѣхали. Толпа тотчасъ же бросилась къ магазину, выломала окна и двери и стала выбрасывать на улицу товары, которые тутъ же и расхищались. Разгромъ продолжался полчаса. Лященко въ это время прохаживался по площади, а затѣмъ сталъ свистать и кричать солдатамъ: „оттѣснить, оттѣснить!“ Солдаты и казаки прогнали громилъ, разгромъ магазина былъ приостановленъ и болѣе не возобновлялся (л. д. 7). Изложенныя обстоятельства удостовѣрили также Илья Прасковскій (л. д. 15), Хаимъ Арововъ (л. д. 15) и Зхаръ Бидерманъ (л. д. 24), изъ которыхъ послѣдній даже слышалъ, какъ приставъ Лященко приказалъ стоявшему у магазина Шварцмана патрулю уйти и позволить грабить магазинъ (л. д. 24).

з) Фейга Крупинель видѣла, какъ приставъ Лященко и другіе члены полиціи заходили 19 октября въ кофейную Гольдера, который содѣйствовалъ погрому и скупать за безцѣнокъ награбленныя вещи. Въ эту же кофейную сдѣлать изъ околоточныхъ надзирателей уносили вещи, которыя отбиралъ у грабителей (л. л. 11—12). и) Во время разоренія магазина Суры Пугачъ 19 октября она обратилась за помощью къ приставу Лященко. Въ отвѣтъ на это Лященко сказалъ: „что же дѣлать? Гдѣ вы взяли товаръ? Въ Кіевѣ нажили, въ Кіевѣ и опять наживете“ (л. д. 13). и) По удостовѣренію доктора Семена Вайсбанда (л. д. 35), присагаъ Лященко все время руководилъ избиеніемъ и ограбленіемъ евреевъ. Во время же открытаго грабежа и насялія онъ спокойно прохаживался по Александровской улицѣ, не обращая вниманія на погромъ. Вслѣдствіи, въ присутствіи Вайсбанда, Лященко высказывалъ опасеніе, что все это станетъ всѣмъ извѣстнымъ, такъ какъ будетъ напечатано въ газетахъ. „Лучше было-бы,—замѣтилъ при этомъ Лященко,—вчръзать всѣхъ евреевъ, и тогда бы никто не зналъ, что и какъ произошло.“ (л. д. 35). в) По заявленію купца Липы Ловцакаго, погромъ на Подолѣ прекратился около четырехъ часовъ, 20 октября, послѣ того, какъ приставъ Лященко прошелъ по улицамъ, со взводомъ солдатъ и сказалъ: „довольно, довольно!“. Всѣ тогда разошлись, и погромъ окончился (л. д. 5). л) 23 октября купцы Лейба Ратскій (л. л. 14), Ушаръ Капъ (л. д. 17), Аровъ Лифшицъ (л. л. 19) и другіе (л. д. 34), получивъ отъ полиціймейстера разрѣшеніе забрать изъ Подольскаго полицейскаго участка отобранныя у громилъ и сложеныя тамъ товары для перевозки ихъ въ Контрактный домъ, прибыли въ Подольскій участокъ. Дежурный околоточный надзиратель выдалъ имъ товары, которые они стали нагружать на подводы. Въ это время прѣшель Лященко и, не обративъ вниманія на разрѣшеніе полиціймейстера, сталъ выговять свидѣтелей изъ участка, причѣмъ кричалъ: „не смѣйте распорядиться, лучше берегите свои головы. Въѣтъ всѣ отсюда. Вещи эти не ваши; это важное, вы еще разъ наживете“. Послѣ этого онъ приказалъ городовому выгнать купцовъ изъ участка. Одного же изъ нихъ Лудкина, разговаривавшаго съ Лященко нѣсколько рѣзко, послѣдній приказалъ арестовать и освободилъ лишь послѣ того, какъ купцы пожаловались полиціймейстеру. м) Эмиль Кесслеръ былъ свидѣтелемъ того, какъ громилы 23 октября при обласкѣ угрожали помощнику пристава Пирожкову, говоря, что они грабили съ его же разрѣшенія, а теперь у нихъ почему

рѣзко отвѣтитъ: „можете стать сами“ и обѣщавъ поставитъ охрану, если пришлютъ войска. Охрана, однако, поставленъ не была, хотя войска были и раньше и послѣ разговора съ поставомъ. Разгромъ магазина Пеховича продолжался до вечера, пріемъ бывшій въ толпѣ Лященко не сдѣлалъ никакой попытки воспрепятствовать погрому (л. д. 6 об.). Во время разграбленія этого магазина, по удостовѣренію домовладельца Ива на Прядченко (л. д. 14. об.), тутъ же стоялъ и помощникъ пристава Пирожковъ, который, не сбрашая вниманія на погромъ, курилъ папиросу и спокойно разговаривалъ со знакомымъ. Получалось впечатленіе, какъ будто Пирожковъ разгромъ магазина считалъ самымъ обычнымъ явленіемъ (л. д. 14 об.). е) Приказчикъ Илья Прасковскій удостовѣряетъ, что 19 октября толпа, разбивъ на Александровской площади олинъ еврейскій магазинъ, остановилась въ недоумѣніи передъ магазиномъ съ надписью „Кустаръ“, не зная, русскій-ли это или еврейскій. Кто-то убѣдилъ громиль, что это русскій магазинъ, и толпа пошла было дальше. Тогда помощникъ пристава Пирожковъ, обращаясь къ громиламъ, сказалъ: „бейте, это — яковскій“. Толпа вернулась и разгромила магазинъ (л. д. 15). О такомъ же случаѣ Ушеру Зянкову (л. д. 25) рассказывалъ знакомый его купецъ Черный. ж) По словамъ Деміана Пячука (л. д. 7), въ 2 часа дня, 19 октября, толпа напала на Подолѣ на магазинъ Шварцмана, но стоявшіе у магазина солдаты подѣ комачдой фельдфебеля и казаки прогоняли громиль. Тутъ же находится приставъ Лященко и помощникъ его Пирожковъ. Кто-то изъ толпы сталъ упрекать фельдфебеля, что онъ не допускаетъ къ магазину, несмотря на то, что самъ приставъ разрѣшилъ разбивать магазинъ. Тогда фельдфебель подошелъ къ приставу Лященко, поговорилъ съ нимъ о чемъ-то, и вернувшись къ солдатамъ, отвелъ ихъ въ сторону. Казаки также отѣхали. Толпа тотчасъ же бросилась къ магазину, выломала окна и двери и стала выбрасывать на улицу товары, которые тутъ же и расхищались. Разгромъ продолжался полчаса. Лященко въ это время прохаживалъ по площади, а затѣмъ сталъ свистать и кричать солдатамъ: „отѣсните, отѣсните!“ Солдаты и казаки разошлись (л. д. 7). Изложивъ эти обстоятельства, Прасковскій (л. д. 15) и Бидерманъ (л. д. 24) описали, какъ приставъ Шварцманъ пат

Ольга Крупичева заявила, как пристава Ляшенко в даче
 полиция заходила 19 октября в кафе-ресторан Успенский,
 который содействовал погрому и скупал за безденежные
 грабленныя вещи. Въ эту же кафешку съездились все
 члены явзырателей уносили вещи, которые отбились у граб-
 телой (л. л. 11-12). i) Въ время разгрома магазина (улицы
 Мухоморова) въ отвѣтъ на это Ляшенко сказала, что не ху-
 лятъ? Да въ разлука тобою? Въ Киевѣ избили, въ Киевѣ в
 опять на... (л. л. 13). ii) Не удостовѣрившись въ этомъ
 Ксения Райс (л. л. 35), пристава Ляшенко во время по-
 ководилъ и ограбленіе евреевъ. Въ этотъ же
 крытого гр... и насилие онъ свободнѣе вмешивался в
 Александровъ въ улицу. Не обращая вниманія на протес-
 Влосудствіи... присутствіи Райсбанда. Ляшенко заявилъ,
 что все это сделать весьма интересно. **Впечатано въ газетѣ „Луганскъ“**
 какъ будетъ и в печатано въ газетѣ. Ляшенко заявилъ, что
 мѣтилъ при этомъ Ляшенко. — записать все, что онъ
 бы никто не знает, что и какъ произошло. 11 : 2 : 2 :
 заявленію купца Лилия Ляшенко, который въ этотъ день
 тился около четырехъ часовъ. 20 октября въ 11 : 2 : 2 :
 пристава Ляшенко прошел по улицѣ, въ которой
 и сказала: „довольно, довольно“. Въ этотъ разгрома,
 громъ окончился (л. л. 5). i) 23 октября утромъ Ляшенко
 ский (л. л. 14), Ушаръ Катъ (л. л. 17), Ляшенко
 (л. л. 19) и другіе (л. л. 34) получили разрешение
 разрѣшеніе забрать изъ магазина...
 отобранные у гробовъ...
 возки ихъ въ Контра...
 участю. Дежурны...
 вары, котор...
 ма при...
 полн...
 Ляшенко и
 сообщавъ объ
 губернатору.

урау.

то дѣлають обыски (л. д. 16). Купцу же Лейбѣ Рагскому семейной Рундай рассказывалъ, что онъ пытался разговяять гримиль, но помощникъ пристава Широкова сказалъ Рундай: „тебѣ кто приказалъ разговяять?“ (л. д. 14 об.).

Въ затрѣбованныхъ отъ пристава Лищенко и помощника его Широкова, согласно 1086 ст. уст. уголов. судопр., объясненіяхъ, по поводу собранныхъ противъ нихъ данныхъ, оба они отрицають справедливость заявленій потерпѣвшихъ и очевидно погрома, утверждая, что обвиненія, взводимыя на нихъ, не вѣрны. Свидѣтели—евреи не заслуживаютъ вообще довѣрїя, русскіе же свидѣтели, по словамъ Широкова, сдѣлали заявленія по просьбѣ евреевъ и наивно имѣють съ ними особня дѣла. Къ погрому они никогда не подстрекали. Магазины были разграблены или до нихъ прихода или позже. Если же и были случаи разгрома въ ихъ присутствіи, то противодействовать этому они не могли, такъ какъ воевскій нарядъ въ Подольскомъ участкѣ былъ незначителенъ и недостаточенъ для прекращенія погрома. По заявленію пристава Лищенко, еврей послѣ погрома самовольно дѣлалъ обыски, чѣмъ вызвали озлобленіе, которое чуть было не привело къ новому погрому. Когда еврей затѣмъ явился къ нему въ участокъ за вещами, онъ, дѣйствительно, говорилъ имъ, что имущество дѣло важивное, Богъ дастъ, они и сами важивутъ; а если начнется новый погромъ, то онъ можетъ стоить имъ жизни. Такъ какъ, однако, евреи продолжали лопаться въ его кабюнетъ, ему же нужно было писать срочныя дописки, то онъ попросилъ ихъ выйти изъ кабинета; дѣлая же за отсутствіе его, Лищенки, арестовать навірѣна съ составленіемъ отъ этого протоколъ; но, по приказанію полиціи, арест. должнъ былъ выпустить его. Вообще, обвиненія свѣдѣтелей частью являются выраженіемъ субъективнаго нѣтъ взгляда на дѣянія должностныхъ лицъ; притомъ большинство изъ нихъ—потерпѣвшіе. Въ заключеніи своихъ объясненій, Широковъ догадалъ, что евреи сдѣлали на него замѣчаніе въ востѣ, что бы очервать его доброе имя, такъ какъ, будучи русскимъ человекомъ и патриотомъ своего отечества, онъ ни въ какъ сдѣлки съ евреями не входилъ и незаконныхъ нѣтъ дѣяній не покрывалъ, а всегда преслѣдовалъ (л. д. 37—36).

Обращаясь къ оцѣнкѣ собранныхъ разслѣдованій противъ пристава Лищенко и помощника пристава Широкова данныхъ, заключающихъ въ себѣ прямыя указанія на противозаконное бездѣйствіе власти, допущенное ими 18—21 октября с. г. во время еврейскаго погрома на Подольѣ, въ Киевѣ.

надлежит признать, что даваемые эти не опровергнуты приста-
вомъ Лященко и помощникомъ пристава Широковымъ, такъ
какъ въ объясненіяхъ своихъ они лишь отрицаютъ достовѣр-
ность событій, устанавливаемыхъ заявленіями потерпѣвшихъ и
очевидцевъ погрома.

Въ виду этого и принявъ во вниманіе:

1) что на пристава Лященко и помощника пристава
Широкова падаетъ обвиненіе въ допущенномъ ими 18—21
октября с. г. во время анти-еврейскихъ безпорядковъ на По-
долѣ, въ Кіевѣ, противозаконномъ бездѣйствіи власти, выра-
зившемся: а) въ томъ, что они не руководили дѣйствіями под-
чиненныхъ имъ высшихъ чиновъ полиціи по предупрежденію и
прекращенію разгрома квартиръ и магазиновъ и расхищенію
имущества, и б) въ томъ, что, будучи сами неоднократно оче-
видцами совершавшихся на ихъ глазахъ проявленій насилія
надъ личностью и расхищенія имущества, они, относясь въ
этому совершенно бездѣйтельно, не принимали никакихъ мѣръ
къ подавленію безпорядковъ и къ защитѣ неприкосновенности
личности и имущества жителей.

и 2) что проявленное приставомъ Лященко и помощни-
комъ пристава Широковымъ бездѣйствіе власти сопровожда-
лось особенно важными послѣдствіями, такъ какъ повлекло за
собою разгромъ и разграбленіе нѣсколькихъ сотъ еврейскихъ
квартиръ и торговыхъ помѣщеній, съ причиненіемъ убытковъ
на сумму въ нѣсколько миллионовъ рублей, — командированный по
Высочайшему повелѣнію сенаторъ Турау, руководствуясь Вы-
сочайшимъ повелѣніемъ 16 ноября с. г., ст. 23 приложенія
къ ст. 256 т. I учр. прав. сената, изд. 1857 г., 2 п. Вы-
сочайшаго повелѣнія 22 сентября 1880 года (собр. узак. № 97,
ст. 738), статьями 1087, 3 п. 1089, 1100 и 1101 уст.
улод. суд., постановилъ: 1) назначить предварительное
слѣдствіе черезъ судебного слѣдователя по обвиненію состоя-
щихъ въ штатѣ Кіевской городской полиціи пристава надвор-
наго совѣтника Лященко и помощника пристава коллежскаго
секретаря Широкова въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣн-
номъ 2 ч. 341 ст. улож. о нак., и 2) удалить Лященко и
Широкова отъ занимаемыхъ ими должностей, сообщая объ
этомъ, для надлежащаго исполненія, Кіевскому губернатору.

Подлинно подписалъ сенаторъ Е. Турау.

Acme
Bookbinding Co., Inc.
100 Cambridge St.
Charlestown, MA 02129

HARVARD UNIVERSITY

<http://lib.harvard.edu>

**If the item is recalled, the borrower will
be notified of the need for an earlier return.**

WILSON
NOV 10 2008
CANCELLED

Thank you for helping us to preserve our collection!

